

2

ФЕВРАЛЬ 1991

ISSN 0131—9604

Спортивные Игры

ВОЗВРАЩАЮЩИЙ К ЖИЗНИ

«Наше счастье в руках у случая», — не устают повторять Билл Барри, первый тренер, он же директор интернациональной программы «Футбол для инвалидов».

Нет-нет, сам Билл вполне здоров и жизнерадостен и далеко еще не стар. Какие же причины побудили вполне преуспевающего менеджера профессиональной футбольной команды «Ситл-Саундерс» столь круто изменить свою деловую карьеру?

Быть может, это несчастный случай с сыном Майклом, в аварии на дороге раздробившим себе колено, — способный подросток тогда был вынужден навсегда отказаться от карьеры профессионального футболиста, а может быть, и преждевременное рождение второго сына — ребенок долгое время не мог ни слышать, ни говорить...

Узнав однажды из радиопередачи о футбольной команде, в которой играют инвалиды, он разыскал тех пятерых одноногих парней и был поражен, побывав на их тренировке.

Последние пять лет Билл упорно занимается проблемами футбола для инвалидов, являясь администратором программы по реабилитации инвалидов в Сизтле.

«Идеи человечности, — говорит он, — находят поддержку везде. Важно только, чтобы эта поддержка воплотилась в конкретные дела».

Со своей благородной миссией Билл побывал и в Советском Союзе. В октябре 1988 года он приехал в Ташкент, привез с собой 22 пары легких костылей, чтобы познакомиться со своей спортивной программой парней, воевавших в Афганистане.

Директор международной программы «Футбол для инвалидов» не ограничился дипломатическими переговорами в руководящих кругах и буквально заставил отыскать и привести на стадион «Пахтакор» на свои показательные тренировки нескольких инвалидов-афганцев.

Семена добра, посеянные им, не пропали. Несколько месяцев спустя со страниц узбекских газет прозвучал призыв игроков первой в стране футбольной команды инвалидов «Матонат» ко всем инвалидам республики, любящим футбол:

«Идите к нам! Каждый из нас, потеряв руку или ногу, утрачивал интерес к жизни, терял чувство уверенности в себе, — говорили они. — В прошлое, казалось, безвозвратно уже уходили профессия, увлечения... Хотя в душе, в памяти сохранялось все, в том числе — любовь к спорту, к футболу. И каждый из нас мечтал вернуться к активной, полнокровной жизни.

Мы вернулись. Мы — это двадцать ташкентцев, в разное время ставшие инвалидами. Среди нас есть и молодые, и такие, кому далеко за тридцать. Всех объединил футбол.

Прежде, когда мы были вполне здоровы, мы увлекались им, как и все мальчишки из школьных и дворовых команд. Сегодня же футбол стал для нас больше, чем частичка жизни. Коллективное общение и физическая активность — поистине незаменимые «лекарства» для человека, перенесшего беду. Они укрепляют пошатнувшуюся веру в себя, дают надежду на возвращение к работе, к творчеству.

Поэтому мы говорим: идите к нам! Мы поможем друг другу!»

И призыв этот был услышан не только в Узбекистане. Услышали его в Самарканде и в Махачкале, в Улан-Удэ и в Барнауле. Услышали его и в Москве.

*
*

На пороге этой квартиры вас встречает собака внушительных размеров по подпадающей определению породы.

— Не пугайтесь, Джек не тронет вас! — говорит хозяин, Константин Арсеньевич Самохин. И при виде этих умнейших и преданных глаз понимаешь: Джек действительно не тронет.

Константин Арсеньевич — тренер и один из организаторов футбольной команды инвалидов-ампутантов Москвы, созданной при Клубе болельщиков команды «Спартак».

— Милосердие, организация сильного спортивного досуга для инвалидов с целью их физической и социальной реабилитации — одно из направлений деятельности нашего клуба, — рассказывает он.

Главная трудность, с которой мы столкнулись при формировании коман-

ды, — это подбор игроков. Оказалось, что ни одна из организаций, ни одно общество, в компетенции которых — оказывать содействие инвалидам-ампутантам, не имеют хоть какой-нибудь картотеки, где бы можно было почерпнуть сведения о таких крайне нуждающихся во внимании людях. Розыск пришлось вести самостоятельно, буквально взяв в осаду протезный завод на Коровинском шоссе.

Первые два игрока — Игорь Денисов и Игорь Лукашов — пришли к нам по объявлению и уже 16 мая 1990 года вылетели в Ташкент, чтобы принять участие в I Всесоюзном открытом турнире по футболу среди инвалидов.

Здесь, на турнире, москвичи впервые встали на специальные костыли облегченной конструкции. Поиск таких костылей, пригодных для игры, стал для меня, тренера, одной из нелегких задач.

Казалось бы, пара удобных костылей, подумаешь, проблема! А вот в США изготовлением таких костылей занимается фирма «Боинг», причем постоянно ведет работу над их модернизацией...

В общем, на турнире мы заняли последнее место, и по возвращении в Москву Совет клуба решил пригласить к нам, сюда, с показательными выступлениями «Матонат» — лучшую команду Узбекистана.

К играм с «Матонат» мы были готовы несколько лучше — в нашем составе уже закрепилось 8 человек. Первая встреча, проходившая в Лужниках (администрация бесплатно предоставила для этого матча поле Детского стадиона), окончилась ничью, вторую на поле ЦСКА, главные хлопоты по организации которой взял на себя Олег Маркович Белаковский, мы проиграли. Главным же итогом этих матчей был для нас не только рост мастерства игроков — два футболиста нашей команды, Карлов и Лукашов, были приглашены в сборную страны для участия в Играх доброй воли в Сизтле!

Вы только представьте себе, что означает для человека, искалеченного судьбой, поездка в Сизтл! Словно для Золушки бал во дворце в хрустальных башмачках! То, как нас принимали, дей-

ствительно похоже на сказку. Поселили в семьях, всякой всячины надарили, Лукашову Игорю, нашему центральному защитнику, изготовили уникальный протез, деньги на который — 3 тысячи долларов — внесла одна из болельщиц.

Правду сказать, наша команда не ударила в грязь лицом — стала обладателем Кубка мира, выиграв в финале у трехкратного победителя этих состязаний — команды Сальвадора. Лучшим голкипером турнира был признан наш вратарь Игорь Карлов.

Одна из ближайших наших задач теперь — подготовка к I Российскому открытому международному турниру, который стартует в марте этого года. Думаю, нас ожидает здесь немало трудностей: в зимний период мы особенно остро чувствуем отсутствие базы, поиски залов «съедают» львиную долю тренерского времени. Правда, теперь я уже не один во всех лицах: в штате команды сегодня врач и два тренера, труд которых оплачивается.

К сожалению, сколько-нибудь заметной поддержки ни от Госкомспорта, ни от Всероссийского общества инвалидов, ни от профсоюзных деятелей мы пока не ощущаем. А ведь, казалось бы, наши проблемы должны были бы живо интересовать эти организации...

Но, как говорится, мир не без добрых людей. Очень большую помощь нам оказывают спонсоры, которые являются коллективными членами Клуба. Это кооператив «Янтарный», молодежное объединение «Фотон», кооперативный банк «Стройкредит». Только аренда

тренировочного поля в Лужниках в летнее время обходится в 18 тысяч рублей. Сумму эту вносит Городское управление инкассации. Деньги, выделяемые нам коммерческим банком «Якиманка», позволяют выплачивать игрокам ежемесячную стипендию в размере от 100 до 250 рублей, дают им возможность два раза в неделю пользоваться услугами бассейна...

Словом, расходы у нас немалые, но не сидят сложа руки в ожидании благотворительности и наши инвалиды. Клуб охотно использует их профессиональные возможности: мы располагаем своим переводчиком, юристом, мастером по наладке электронного оборудования, свой «домашний» сапожник ремонтирует у нас бутсы для детских команд. Те, кто принес к нам свою трудовую книжку, 3 часа в день должны поработать на нужды клуба, кроме, конечно, тренировочной нагрузки.

Главная наша трудность — селекционная работа. Я — завсегдаюта всех соревнований инвалидов — ишу людей. И хотя средний возраст наших игроков до 30 лет, мы приглашаем всех, ведь в футболе для инвалидов правила свои — игра идет с правом замены участников в любую минуту. Это дает возможность каждому внести посильную лепту в игру команды. И еще особенность: лучшими игроками у нас становятся вовсе не бывшие футболисты. Вот, например, лучший центрфорвард «Матонат» раньше вообще не играл в футбол, но занимался различными видами борьбы. Главное в нашей игре на поле — это

работа рук, укреплению которых мы придаем первостепенное значение, ну и, конечно, работа с мячом, умение видеть поле, игра с высоко поднятой головой. Наше мастерство — это умение дать точный пас, ведь контактная игра, силовая борьба на поле у нас исключена.

Как я пришел к инвалидному спорту? Трудно сказать. Неисповедимыми, видно, путями. Многие годы работал художником-графиком, хотя имею еще и физкультурное образование. Активно участвовал в оформительской работе при подготовке в Олимпиаде-80. Потом потянуло в школу. Тренировал ребят. Задумал и организовал проведение первого турнира имени Игоря Нетто среди школьников Кунцевского района. Жена вот ворчит, что ухожу в работу, как головой в омут бросаюсь... Ну а турнир наш прошел что надо. Победители получили призы спартаковского клуба, а я — предложение возглавить работу по созданию команды футболистов-ампутантов. Дело, отказаться от которого никак не мог.

Наш разговор окончен. Я прощаюсь с хозяином. Джек церемонно подает мне лапу, деликатно отводя при этом в сторону глаза.

— Да, знаете, ведь Джек сам посетил у нас. Обосновался сначала в подъезде, где его подкармливали жильцы, а потом решительно и бесповоротно выбрал нашу квартиру, и, должен сказать, мы теперь за это ему благодарны.

**Материал подготовила
Марина ЛИНДОРФ**

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ?..

О смерти Александры Георгиевны Чудиной мы узнали, когда одиннадцатый номер нашего журнала за 1990 год находился уже в работе в типографии. В нем — интервью с Чудиной. Последнее, пожалуй, в ее жизни интервью.

В некрологе, опубликованном в «Советском спорте» и подписанном спортивными руководителями страны и «Динамо», много теплых слов о спортсменке, которая блистала на волейбольных площадках, в легкоатлетических секторах, более 50 раз становилась чемпионкой СССР, установила более 40 всесоюзных рекордов.

Чудина, несомненно, заслужила эти теплые слова. Но еще больше она заслужила теплоты при жизни, причем прежде всего от многих из тех, кто некролог подписал. При жизни же... Читатель может вернуться к интервью с Чудиной, пенсия которой громко именовалась «За заслуги в спорте», да еще с приставкой — «республиканского значения» — 105 рублей.

— Всего только до сотни с небольшим и допрыгалась, — с горечью говорила нашему корреспонденту Чудина, перенесшая несколько сложных операций, закончившихся ампутацией ноги, и практически не выходящая из своей квартиры, соседствуя с 92-летней больной матерью. — Хотите спросить, ходит ли кто сюда? Не ходит! И не ходили. Три, понимаете, три долгих года провалялась я по больницам, и никто, понимаете, никто! не навещал меня там.

Мы горазды на теплые слова, когда человек умирает. Не лучше ли быть человечными к людям при их жизни, чтобы потом можно было спокойно поклониться могилам?..

НЕОРДИНАРНЫЙ ВЗГЛЯД

ГЛАДИАТОРЫ УХОДЯТ В РЭЖЕТ

МОНОЛОГ БЫВШЕГО СПОРТИВНОГО ВРАЧА

Сколько мифов — исторических и социальных — составляли основу нашей жизни на протяжении десятилетий. И спорт, физкультура не составляли, да и не могли составлять исключения.

Спорт — это здоровье... Болельщик даже на трибуне получает «неиссякаемый заряд бодрости»... «Здоровье в порядке — спасибо зарядке»... Сколько лет вы, читатель, встречали на страницах газет и журналов эти формулы-заклинания. Но, увы, многие спортсмены, повесив бутсы или хоккейные ботинки на гвоздь, становились постоянными посетителями наших клиник и больниц. Болельщики, получив «заряд бодрости», крушили вагоны метро. И даже зарядка при нашей-то жизни далеко не всем приносила столь долгожданное здоровье. Ничего удивительного: формулы-заклинания отражали не жизнь, а мифы.

Сегодня, в пору крушения многих из них, люди, естественно, дружно задаются вопросом: Что взамен? Автор предлагаемого «неординарного взгляда» на спорт и физкультуру Владимир МЕЛЬНИКОВ — не теоретик, не сторонний наблюдатель. Спорт он, бывший врач футбольной и хоккейной команд мастеров, знает не понаслышке. Возможности человеческого организма, особенности человеческой психики для него, кандидата медицинских наук, не книга за семью печатями. Как человек мыслящий, он не ограничивается констатацией фактов — работа со спортсменами, теми, кого принято называть физкультурниками, а в последнее время — с огромной массой людей на заводах, в учреждениях, школах позволила автору создать свою, во многом непривычную для нас, систему взглядов, направленную на восстановление здоровья, утраченного большинством из нас.

Сегодня мы публикуем первую из серии статей на эту тему, посвященную проблемам большого спорта, ибо здоровье тех, кто поставляет нам столь популярное зрелище — участников «бескомпромиссных поединков», «сражений на спортивных аренах» — и тех, кто поглощает его на трибунах стадионов, по мнению автора, связано неразрывно. Впрочем, не будем пересказывать «неординарные взгляды» Мельникова. Передадим ему слово.

Сначала поговорим о грехах. У советского спорта, на мой взгляд, их накопилось предостаточно. Говорю об этом с позиций медика, который прожил в нем определенную часть жизни и занимался именно тем, что исправлял последствия воздействия этих грехов и на игроков, и, если хотите — на зрителя. Зритель ведь тоже участвует в спортивном зрелище, и достаточно активно — всеми своими органами и системами: он на поле, он с игроками, он переживает и

ЗРЕЛИЩЕ — В РОЛИ ПСИХОНАР- КОТИКА

волнуется... Бесспорно, он что-то уносит со стадиона, но и теряет одновременно, ибо зрелище — в данном случае спорт — выступает в роли наркотика, который

подавляет в человеке определенную часть его жизненной деятельности, возможно, самую необходимую. Однако человек при этом уверен, что расслабляется, отдыхает (ему действительно надо отдохнуть), восстанавливается...

Циничный политик может заявить, что зрелище вообще и спорт в частности как раз и нужны для того, чтобы отвлечь человека — взрослого и подростка — от хулиганства, пьянства и других пороков. Но отвлекая от этих, предлагает взамен еще более страшный порок — психонаркотик. Под его воздействием человек уходит от своих дел, от воспитания детей, от осмысления жизни: для чего нужно рожать детей, как их воспитывать, как кормить, какова вообще цель этого процесса — создания семьи, продолжения рода... Отключаясь от всех этих проблем с помощью психонаркотика, человек неизбежно попадает в зависимость от него, ибо, как только проходит срок его действия, ему требуется очередная доза — и он вновь бежит за билетами, подсчитывает очки, следит, как движется по ступенькам та или иная команда... И во всей этой чисто наркотической суете, сам того не подозревая, теряет самое главное, настоящее — то, что ему действительно необходимо: отдых, шоу, развлечение, восстановление и информацию (да, любое зре-

порядке опорно-двигательный аппарат и еще масса всяких заболеваний, которые даже перечислить трудно...

Оправданы ли эти взаимоотношения между государством, спортивным зрелищем-психонаркотиком и человеком, который ради него приходит на стадион? То, что происходит сегодня, — это или циничное презрение и к тем, кто сидит на трибуне, и к тем, кто играет на поле, или полное непонимание того, что происходит сегодня на стадионах, спортивных площадках, в спортивных шко-

гнивающей империи. Все закономерно, потому что ценности, о которых мы говорили выше, оказались ложными. Взамен стали приходиться другие, которые мы сегодня столь дружно осуждаем. Но никуда от них не деться, потому что сама жизнь выдвинула другие ориентиры. У нас они приняли особо уродливую форму — в силу нашей унижительной нищеты.

И говорить сегодня об этом нужно. Просто необходимо. Без ложной стыдливости. Проблема слишком серьезная. Сейчас мы много говорим о перестройке в спорте. Лично я не верю в возможности централизованной перестройки. Хотя вполне допускаю, что у нас возникнет много нового: новые организации, новые клубы. Возможно, в эту сферу проникнут кооперативы — и наши дети получат большие возможности, играя на кооперативных площадках. Возможно даже, что туда придут менеджеры, которые обратят внимание на самых одаренных и помогут их продвижению в большой спорт... Словом, новые понятия придут в наш спорт. Допускаю. Но какими бы ни были эти новые формы, за ними (к этому призываю постоянно) обязательно должны быть радость, благополучие, должно быть счастье.

Я занимаюсь этой проблемой давно. И чем дальше углублялся в нее, тем все больше убеждался: необходимо разрабатывать методы информационного воздействия на людей. Искал их. Что-то нашел — сам отправился к этим людям, встречался с ними на заводах, в обеденный перерыв. Поначалу столкнулся с открытым недоверием, почти враждебностью, что неудивительно. Давно не секрет, на какие лекции годами сгоняли в обеденный перерыв. И какое же удивление я испытывал, видя, как тает это недоверие, возникает доверительный контакт с людьми, которые начинали сами настаивать на очередной встрече. Это тема отдельного разговора. Если он интересен, готов его продолжить, поделиться собственным опытом, который уже попытался собрать, обобщить и даже напечатать. Готовится книга. Нашелся хороший спонсор — Институт усовершенствования учителей. И это не случайно. Потому что, если мы хотим что-то изменить всерьез, надо прежде всего выходить на детей. Отправляться в школы.

Школа наша сегодня переживает тяжелейшее времена. В ней образовался вакуум. У преподавателя — это вакуум информационный, утрата идеологических ориентиров. Вчера еще он работал с помощью привычных стереотипов: были у него Павлики Морозовы (от которых мы сейчас дружно отказываемся) и Павки Корчагины. Они были как ступеньки, по которым ребенка из года в год, как считали, поднимали вверх. Для учителя это были хоть и ложные, но точки опоры. Сейчас их нет. Ни одной. И преподаватель сегодня плавает. Любой, даже талантливый. Правда, последний пытается что-то делать, ищет, но... пока не находит. У родителей свои трудности. Помимо вакуума инфор-

«НАШ СПОРТ СЛОЖИЛСЯ КАК ВОЕНИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА»

ИГРОК «ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МАШИНУ... ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОЧКОВ»

лице, в том числе и спортивное, обязательно должно служить средством информационного обучения человека). В итоге — вполне четкий внутренний конфликт. Человек потерял себя — значит, неизбежно, рано или поздно, придет к болезни. Конфликт психологический обязательно приведет к конфликту функциональному, а затем и к органическому — возникнет заболевание.

Спортсмен тоже, когда идет по этим в общем-то бессмысленным ступенькам (места, очки) и при этом постоянно не держит в мыслях зрителя — его радости, удовольствия, его счастье, в итоге превращается в машину. Машину для добывания очков, которая вынуждена приспосабливаться к определенным требованиям: тренера, игры, системы наконец. И потери у него те же, что у зрителя — здоровье. Большинство наших спортсменов — очень нездоровые люди: у них больна печень, не в

лах... Я отнюдь не претендую на то, чтобы давать однозначные рекомендации по всем пунктам, но убежден, что стратегическая установка у всех у нас должна быть общая: наши зрители, наши спортсмены должны быть здоровы и счастливы. Цель спортивного зрелища — не героизм во имя победы, а именно здоровье и счастье.

Я не видел войны. Я из другого поколения. И, возможно, модель нашей жизни и спорта как части ее была оправдана подготовкой к неизбежной, как нам казалось, войне. К постоянной драке. Наш спорт сложился как военизированная система, которая готовила человека к будущему сражению. И ведь не одно поколение наших спортсменов воспитано на этом: сражение на ледяной арене, бой на спортивной площадке... И все во имя победы — золотой олимпийской медали. А она, в свою очередь, — во славу страны, ради наглядного подтверждения наших преимуществ...

Так учили. И в конце этого «учебного тоннеля» сияла звезда. Военная звезда. Если завтра война — вот мы какие: подготовленные, готовые перенести невероятные трудности — и на старте, и на финише. Кому угодно, в любой момент готовы нанести ответный удар и победить, воюя на чужой территории... С этими ориентирами выходили наши спортсмены и на первые свои олимпийские игры. А потом...

Потом эти методы, как в любой гнивающей империи, стали повторять методы Византии: побрякушки, вещи, зарубежные псевздки, спекуляция, фарцовка — неизбежно проникли в спорт, как в любую разлагающуюся армию за-

мационного — трудности материальные. Колоссальные. Вы спросите, какая здесь связь с темой нашей беседы: большой спорт, здоровье, счастье? Самая прямая — информация, в которой ребенок нуждается больше, чем кто-либо. Пока человек находится в

«ЧЕЛОВЕКА НАДО НАУЧИТЬ БОРЬБЕ ЗА СЕБЯ В ЭТОЙ ЖИЗНИ»

возрасте формирования, а у многих он затягивается, ему необходим способ, назовем это школой или моделью, которая подготовила бы его к последующей жизни. Школа в ее нынешнем состоянии предложить ее не может. В этих условиях спорт, спортивное зрелище приобретают все большее значение. Ведь недаром же в начале беседы я упоминал о том, что им присущи функции информационного обучения.

Так вот в спорте, с его соперничеством, конкуренцией, формируются определенные качества, которые в будущей самостоятельной жизни человек может превратить для себя в определенные материальные ценности. И это, кстати, основа западной модели спорта. Они там не случайно утверждают, что человека надо научить борьбе за себя в этой жизни. И в этом есть рациональное зерно. Вот почему я так настойчиво подчеркивал, что дети, школа — прежде всего, коли сегодня мы вынуждены все чаще говорить об идеологии выживания.

Столь же часто мы говорим и о необходимости реабилитации населения (в том числе и детей) — реабилитации медицинской, социальной, психологической, политической... Людям нужна помощь. И цель эта напрямую выводит нас на древние методы, которыми всегда пользовались и политики, и управители государства — это зрелища. С них мы начали. К ним вынуждены еще раз вернуться, ибо тема того стоит. Я опираюсь только на материал собственных наблюдений, накопленных за время работы в большом спорте. И беру на себя смелость утверждать, что нередко зрелище это становится страшным. Зритель, пришедший на него ради отдыха и развлечения, превращается в толпу, которая постепенно возбуждается, — на трибунах поднимается шум и гвалт. Люди то негодуют, то приходят в восторг, требуя все более сильных ощущений — драки, даже крови — по нарастающей! Повторяю: я жил в этом мире и

мне помогло сохранить себя чувство профессиональной ответственности врача — это был мой спасательный круг, не позволивший раствориться в этом жутком океане человеческой жестокости, сохранить способность анализа, наблюдая со стороны, как молодой игрок у меня на глазах превращается в гладиатора.

Правда, с этим словом у многих ассоциируется романтический образ фракийского вождя. Но... не будем забывать, что Спартак был взрослым человеком, к тому же аристократом по происхождению, который уже полностью сложился как личность, как лидер, как вождь, прежде чем попал в гладиаторы. И потому сумел сохранить себя и даже поднять, повести за собой массы. Простой же гладиатор, пройдя эту страшную школу, уже ни на что великое способен не будет.

Так вот наш нынешний спорт — это сотворение гладиатора из современного мальчишки. И ему, к сожалению, уготована роль «быка на корриде», которого в итоге все равно убьют. У человека с примитивными инстинктами — беспросветное будущее. Потому что, если не убьют, то используют тоже самым жестоким образом: вышибала — это еще не худший вариант. Чаще — в уголовном мире, в рэжете, т. е. в тех областях, где требуются тренированные мышцы и плохо тренированная голова. Поэтому спорт — как тренажер только опорно-двигательного и мышечного аппарата — это очень плохо, ибо поглощает и все время человека, и забивает все его информационные каналы. Вот почему я — за шоу на спортивной арене, а не за «честную, бескомпромиссную

«ВЫШИБАЛА (ДЛЯ БЫВШЕГО СПОРТСМЕНА) — ЭТО ЕЩЕ НЕ ХУДШИЙ ВАРИАНТ»

борьбу», которой так долго прикрывалась откровенная жестокость.

Предвижу очередные возражения. Сегодня мы все настойчивее говорим о праве на признание спорта профессией столь же уважаемой, как профессия артиста балета или цирка. Готов согласиться, но при одном условии: если труд в спорте перестанет быть рабовладельческим, а станет самостоятельным и свободным — по контракту. Человек будет зарабатывать деньги и спокойно к этому относиться. Самый талантливый будет в спорте творить. Как я это пони-

маю? — как Сергей Макаров, делившийся впечатлениями о первом годе своей жизни за океаном, рядом с подлинными профессионалами. Так вот, он объяснил: творчество на площадке — это игра. И зритель (канадский зритель) ждет от игрока прежде всего индивидуального проявления: он должен сотворить что-то обязательно красивое — обыграть, обвести, обмануть... И обыгрывать достаточно долго, чтобы зрителю была видна красота всего процесса: от зарождения мысли до ее реализации в конечный результат — будь то гол или пас. Словом, зритель ждет ювелирного мастерства. Вот это и есть проявление таланта в работе. И человек будет счастлив не только пото-

«Я — ЗА ШОУ НА СПОРТИВНОЙ АРЕНЕ»

му, что зарабатывает немалые деньги, но и потому, что ему удается реализовать себя. Недаром ведь говорят: счастье — это максимальное самовыражение.

Однако возможен и другой вариант: человек только зарабатывает деньги. Он — хорошая машина для зарабатывания денег. Но... если он будет относиться к этому спокойно (сегодня пока мы его идеологически эксплуатируем — он должен еще зарабатывать и престиж государству) — просто честно выполнять свой контракт, то обязательно поставит себе дополнительные цели: у него будет семья (следовательно, он будет знать, во что эти деньги вкладывает). У него будет вилла, сауна... где он будет принимать своих гостей, словом — обязательно заполнит этот вакуум другим талантом: семьянина, друга, мало ли каким еще... Это и есть та главная цель, о которой мы говорили в начале беседы — стремление к счастью, благополучию, здоровью.

На той ступени, на которой находится сегодня наш большой спорт, нам уже не удержаться. Вернее, мы уже не удержались — многие побежали. Впрочем, нехорошо так говорить: ребята не побежали — они выбрали. И этот процесс очевиден для всех его участников: и для игроков в этой большой игре, и для руководителей, и для публики, которая видит, что ее кумиры делают выбор. Благодаря тому что информация стала теперь открытой, эти кумиры сумели объяснить людям, почему они сделали этот выбор. Макаров, например, объяснил. И Чесноков объяснил. Сейчас уже этот процесс достиг такой фазы, когда нужно говорить не о стихии, а о неизбежности. И очень важно нау-

(Окончание на стр. 24)

В предыдущем номере нашего журнала выступил наставник новых чемпионов страны по гандболу — астраханской команды «Динамо» — Владимир Gladченко, который, в частности, высказал серьезное беспокойство по поводу положения дел в главной команде страны. К сожалению, тренерский совет, ради которого в сентябре минувшего года прилетели в

Москву наставники наших сильнейших клубов, тогда не состоялся, так как на него не смогли прибыть тренеры сборной. Приглашенные в столицу специалисты вынуждены были разъехаться по домам. Вторая попытка оказалась более удачной — долгожданный тренерский совет в итоге собрался. О нем мы обещали рассказать подробно.

КОМУ НУЖНЫ СОВЕТЫ ТРЕНЕРСКОГО СОВЕТА?

Татьяна БЕЛЯЦКАЯ

Конечно, остыть и успокоиться было просто необходимо: поражение «команды XXI века» в финале чемпионата мира от молодой команды Швеции вызвало бурю эмоций. Естественно, их было предостаточно и в первых комментариях специалистов, сделанных по горячим следам. Потому так настойчиво и повторялось тогда, что серьезный анализ впереди. Полгода — срок достаточный, чтобы прийти к неспешным выводам, тем более что пища для размышлений прибавилось после Игр в Сигтле, куда выезжала солидная группа советских тренеров.

Два года, оставшиеся до Барселоны, — срок тоже достаточный, чтобы многое изменить и поправить, коли есть в том необходимость. Ведь «этот урок мы уже проходили» — за два года до Сеула. И все смогли. Все успели. Главное — ответить на важнейшие вопросы: что делать? и как? Очевидно, это и должен был определить тренерский совет, в повестке дня которого первым пунктом было записано: «О ходе подготовки сборной мужской команды к Олимпийским играм 1992 г.»

Не скрою, к названиям со словом «Совет...» всегда питала особое уважение: Ученый совет... Художественный совет... Авторитетнейшие формы специалистов, самых опытных и уважаемых в своей области, которые и политику в ней определяют, и решения принимают, и, естественно, за них отвечают. Таковой виделась мне роль и Тренерского совета. Тем более что тот, о котором наш сегодняшний рассказ, был не простой, а расширенный — с приглашением членов недавно созданной независимой Федерации гандбола СССР и игроков сборной страны. Кому же, как не им всем вместе, решать самые насущные свои проблемы...

Первое слово главному тренеру сборной СССР — Анатолию ЕВТУШЕНКО. Конспективно его информация выглядела следующим образом: сбор-

ная СССР планы целевой комплексной программы выполнила. Но... Игры доброй воли показали, что есть свои проблемы как в защите, так и в тактике нападения. Нервно играют отдельные игроки... Есть определенные материальные потери — базы на Кавказе и в Алуште (последняя, правда, потеряна временно), но строится зал в Ялте — к 1991 году этих проблем уже не будет.

Самый главный вопрос сегодня — вопрос существования команды, ее материального обеспечения. Заседавший ранее тренерский совет ограничил возраст игроков для выезда в зарубежные клубы 28 годами...

Поначалу я поймала себя на мысли, что не все понимаю: разговор о подготовке к Олимпиаде начался с проблемы зарубежных контрактов. Но сомнения рассеялись мгновенно: просто все присутствовавшие прекрасно знали, о чем идет речь: в сборной возник конфликт. Кто-то из игроков получил право на выезд. Кому-то в нем было отказано. Ну а коли конфликт возник, — разбираться надо немедленно, ибо именно моральный климат в команде многими специалистами был назван основной причиной нашего поражения на последнем чемпионате мира. У главного тренера сборной были конкретные предложения по решению данной проблемы:

— Можно разрешать выезд на стажировку сроком на три года, но... без права «продажи».

— Контракт с игроками сборной заключается на четыре года, но с пересмотром списочного состава через каждые два года, ибо до Барселоны из нынешнего состава в 24 человека дотянут не более шестидесяти процентов.

— Выплата премиальных — строго дифференцированная, в соответствии с рейтингом игрока.

Предложения сделаны — можно обсуждать. Спокойно и трезво. Но неожиданно страсти начали накаляться...

«КАКОЙ У НИХ СТИМУЛ?»

А поводом послужила элементарная информация главного тренера о предстоящем Суперкубке и почти невинный на первый взгляд вопрос Владимира Gladченко:

— И его надо обязательно играть?

Реакция председателя Федерации Владимира Кривцова была мгновенной:

— А премии хотите получать?
— Я хочу получить то, что мне положено.

В возникшую перепалку вмешался Александр Кожухов, ответственный секретарь Федерации гандбола:

— Совещание пошло не по тому руслу. Семь тренеров клубов побывали в Сигтле. Нам всем не понравилась выступление сборной СССР. И климат в команде по-прежнему не назовешь здоровым. Мы ведь не хотим повторения 86-го года, когда оказались десятилетиями на чемпионате мира. Как этого не допустить — вот о чем нужно говорить сегодня.

Стажировка без права на «продажу»... за рубежом это — абсурд, ибо ни один наш спортсмен ни на одну игру не будет допущен без лицензии. Рейтинг... Кто его будет определять? Где гарантии объективности? Что значит контракт на четыре года с пересмотром через два... а кто оставшиеся два года всем 24 игрокам платить будет?!

— Федерация! — у главного тренера сборной сомнений по этому поводу нет.

— Федерация не в состоянии. Откуда деньги? — вынужден лишь иллюзий на этот счет ответственный

секретарь федерации. Он же напоминает присутствующим:

— Чтобы наша союзная федерация выдала лицензию, сначала надо получить согласие клуба и федерации республиканской...

В возникшем шуме с трудом удается разобрать выкрики с мест:

— А как увязать с предстоящим Законом о выезде?

— А как быть с армией?

Вопросы повисают в воздухе...

— И все-таки у игроков должен быть стимул играть за сборную страны, — спокойная реплика Спартака Мироновича, второго тренера сборной СССР, словно приглашает к более конкретному разговору. Владимир Гладченко готов его продолжить:

— Ну как мы можем держать их силой! У меня Тюменцева трижды с поля в реанимацию увозили. Если я ему замены не подготовлю, значит, задерживая, — его же эксплуатирую. Стимулы нужны конкретные — чтобы игроку выгодно было играть за сборную.

Его поддерживает заслуженный тренер СССР Юрий Предеха:

— Призывы к порядочности здесь бесполезны. У нас нет пока правовой основы — ее необходимо выработать. Прежде всего игрок должен подписать договор с клубом. Затем, в случае приглашения в сборную, — с ней. Слова Евушенко: «Я пойду и договорюсь...» должны исчезнуть из нашего лексикона. Все должно встать на твердую правовую основу. Необходимо составить контракт, который был бы выгоден игроку...

— А как тогда собрать сборную? — реплика председателя Федерации Владимира Кривцова вновь тонет в шуме:

— Как во всем мире...

— Создать условия, достойные чемпионов мира...

И вновь вынужден вернуть всех на землю Александр Кожухов:

— Пока не можем... Пока нет условий...

Поэтому и решили остановиться на том, что по силам уже сегодня — создать комиссию по разработке этих контрактов. Состав ее назвали быстро: Макаров, Климов, Сегал, Кожухов, Предеха... Вдруг спохватились: но ведь и от игроков нужен кто-то. Задние ряды, где сидели представители сборной страны, ответили молчанием. В итоге все-таки включили Андрея Тюменцева, хоть он и пытался сослаться на нехватку времени.

Новорожденной комиссии, естественно, надавали напутствий, среди которых чаще всего повторялось одно:

— Помните, главное юридическое лицо — клуб!

— А страна?! — на очередной вопрос В. Кривцова уже весь зал ответил молчанием.

В наступившей паузе я попыталась для себя определить причину недоумения, которое вызвали первые полтора часа заседания тренерского совета. Какие-то явные, бросающиеся в глаза противоречия не давали покоя. Всю жизнь слышала от

спортсменов, что высшая цель для них — выступление за сборную страны. Точно так же, как для оперного певца или артиста балета предел мечтаний — Большой театр. Это признание: и таланта, и личных заслуг в сфере своей профессиональной деятельности. И престиж, конечно. И материальные блага. И вдруг... не хотят выступать за сборную. Где же разошлись интересы главной команды страны и игроков, из которых она же и состоит? Почему контракт, выгодный спортсмену, помешает (по словам Кривцова) собрать сборную? А процветание клуба может нанести ущерб уже даже не сборной — стране?! Короткое выступление главного тренера ЦСКА, олимпийского чемпиона Анатолия Федюкина лишь усилило это недоумение:

— Почему, например, знаменитый Марадона должен постоянно держать себя в форме, заботиться о собственном рейтинге, дабы после очередного чемпионата мира заключить миллионные контракты, а нам это вроде бы ни к чему?

— Теоретически правильно. На практике не получается. — Этот ответ А. Евушенко лишь породил очередное «почему?»

— Но ответ искать уже было некогда. — Заседание продолжалось. Температура в зале вновь начала повышаться.

«ХВАТИТ ЛИТЬ ГРЯЗЬ НА СБОРНУЮ!»

Возмутителем спокойствия опять оказался Владимир Гладченко:

— Считаю, что руководство сборной развалило команду. Свидетельство — поведение игроков на чемпионате мира, их поведение по возвращении в клубы. Игрок сборной примером здесь должен быть. А у нас уже и случаи пьянства не редкость.

Валентина Игнатьева, член президиума Федерации, возражает резко:

— Сколько лет наши ребята в сборной? И за это время вы не объяснили им, как надо себя вести? Не воспитали? Мы слишком много говорим о правах клубов. Пора и об обязанностях поговорить — об их обязанностях перед сборной. Если наша сборная не будет выигрывать, что делать будем?!

Но Гладченко своих аргументов не исчерпал. Очередной вопрос уже главному тренеру сборной адресует:

— Когда мои напились, вы за мной следом ходили — просили не наказывать? Ради сборной! В итоге — никто не наказан...

Эмоции явно захлестнули собрание:

— Было — не было... Не пьянка, а шампанское... И всего-то один-два раза...

— И в Швейцарию трезвые ездили, когда десятками в мире оказались? — реплика заслуженного мастера спорта Владимира Максимова, видно, переполнила чашу терпения главного тренера:

— Хватит лить грязь на сборную!

Опустим эмоции. Они, возможно, и простительны, но серьезному делу не помогут. Вернуть разговор в деловое русло предложил главный тренер ленинградской «Невы» Валерий Сидоренко.

— Не о том спорим. Сборная команда стала меньше тренироваться.

Упала дисциплина. Упало мастерство. Чем игроки заняты? Если тренеры сборной их за доллары не могут играть заставить, то что делать нам, клубным тренерам? Мне памятно время, когда нам на Кубках Европы вообще играть запрещалось, дабы излишне самостоятельными не стали. Думаю, что и Спартак Петровичу пора свое слово сказать...

Второй тренер сборной СССР Спартак Миронович от разговора не уклонился:

— Согласен со многим из сказанного здесь. Я в сборной недолго — четыре года. Перед прошлой Олимпиадой пришел. Тогда создавалась команда. Согласен, что хвалебные статьи, серии коммерческих турниров расслабили сборную. Тренерский процесс упал. Перед чемпионатом мира не было ударных тренировок. То ли я сам устроился, то ли меня отстранили... Сейчас команда в неважном состоянии. Нужно многое начинать заново. Когда вижу, как некоторые игроки ведут себя на площадке, — мне стыдно. Словом, прошу освободить меня от работы в сборной...

Случается, что чуть слышно сказанные слова громом прогремят. Так и на этот раз: иным показавшись, что они ослышались... Возможно, вновь возобладали эмоции — многие из присутствующих на этом настаивали. По словам А. Евушенко, для него заявление второго тренера оказалось полной неожиданностью. Во всяком случае, от комментариев он отказался — до разговора с глазу на глаз. Против этого возражать трудно. Иногда отношения, действительно, нужно выяснять без свидетелей. О результатах мы в итоге узнаем. А пока лица для размышлений и так достаточно. Уже не клубные тренеры — один из наставников сборной признал: в команде не все благополучно. Многие надо начинать сначала. Вот с этим главный тренер согласиться не смог:

— Требовательность по отношению к сборной не упала... В Сизтле мы выиграли!

— У кого? — дружноотреагировал зал.

Главного тренера опередил Кривцов:

— Неважно. Главное — выиграли!

А Евушенко свою позицию попытался обосновать:

— При чем здесь состав участников? При чем юниоры, с которыми мы играли в Сизтле? Я готов играть плохо, но все выигрывать!

Ловлю себя на мысли, что мое недоумение по поводу происходящего в зале все возрастает. И вопросы множатся — по-прежнему без ответа. Конечно, каждый имеет право на свою точку зрения, но чтобы они настолько расходились у подлинных профессионалов при оценке того, что у всех перед глазами?! — Отказываюсь понимать.

Психолог сборной Евгений Калинин буквально излучает оптимизм:

— После Сизтла психологический климат в коллективе уже совсем иной. Несмотря на конфликты, отношения в команде прекрасные. Она явно на подъеме!

— Климат в команде все ухудшается, даже по сравнению с чемпионатом мира, — буквально взрывается в ответ Валерий Сидоренко.

— В Барселоне мы выиграем обязательно, — утверждает главный тренер сборной.

(Окончание на стр. 25)

ПРОФИЛЬ-91

Вероятно, кому-либо из наших читателей этот материал покажется несколько странным. Да еще рубрика какая-то незнакомая — «Профиль». И тем не менее мы решили своеобразно представлять многих ведущих спортсменов, не сосредоточивая внимания на заброшенных шайбах и забитых мячах. В конце концов в командах мастеров играют... живые люди и, стало быть, ничто человеческое им не чуждо.

Начнем с хоккея. А точнее, с капитана «Крылышек» **Сергея НЕМЧИНОВА**. Все просто: вопрос — ответ...

Дата рождения: 14 января 1964 года, город Москва. Рост: 183 см. Вес: 83 кг. **Команда:** «Крылья Советов» (Москва). **Амплуа:** центральный нападающий. **Карьера в высшей лиге:** «Крылья Советов» — 1981/82, с 1985/86; ЦСКА — 1982/83—1984/85.

Самое яркое событие в хоккейной жизни.

— Золотая медаль чемпиона мира на первенстве в Стокгольме в 1989 году.

Самое большое разочарование.

— Неудачное выступление в розыгрыше Кубка Канады 1987 года.

Самый неудачный момент в игре.

— До сих пор помню, как вышел один на один с вратарем в решающем полуфинальном матче с ЦСКА чемпионата страны 1988 года. Оставалось пол-

торы минуты до конца. Не забил, но никто из ребят и тренеров ни слова не сказал в упрек.

Хоккейные кумиры детства.

— Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов, Александр Мальцев, Юрий Лебедев.

Твои лучшие хоккейные качества.

— Об этом судить не мне.

Любимые города, когда играешь на выезде.

— Рига, Киев, Стокгольм.

Любимые Дворцы спорта.

— Наш, сетульский. Нравится «Юбилейный» в Ленинграде. Одно время любил играть в Киеве, но сейчас там неважно лед заливают, да и сцена около поля глаза не радует. Люблю североамериканские арены.

Кого из игроков уважаешь больше всего.

— Юрия Лебедева, Владислава Третьяка.

Что бы сделал, если бы на день стал президентом Федерации хоккея СССР.

— Я даже не могу себе этого представить.

Любимая еда.

— Голубцы домашние, плов.

Любимые актеры.

— Андрей Миронов, Анатолий Папанов.

Любимые певцы.

— Александр Малинин, Александр Розенбаум, ансамбль «Битлз».

Любимая телевизионная передача.

— «Взгляд». Но посмотреть удается только когда нахожусь дома. На базе не получается — в 23 часа отбой.

Идеально проведенный вечер.

— Дома, с женой и дочкой.

Любимые книги.

— Исторические романы.

Лучшие друзья.

— Сергей Макаров и Юра Хмылев — с детства играем вместе, учились в одном классе. Давно дружу с парнем, который с хоккеем никак не связан.

ПЕРЕКРЕСТОК МНЕНИЙ

Разговор этот — о судьбах московского хоккея — тренер сборных команд по Москве Игорь ПРУСОВ начал на откровенно пессимистичной ноте.

— Да, сегодня московские команды и впрямь пока еще в порядке. Но дела складываются так, что смотреть с оптимизмом в будущее особых оснований не вижу. Козырей у столичных команд становится все меньше, а проблем все прибавляется и прибавляется. Не сможем решить их сегодня, сейчас — того и гляди рассыплется наше хоккейное хозяйство, потом уж и не собрать.

Волнуют меня прежде всего вопросы подготовки резервов. Всем, кто близок к хоккею, известно, конечно же, положение в столичных спортшколах...

маться к престижности, а тут — единственный комплект рубашек на три команды, одни снимают, другие ждут — им уже на лед выходить. Да и возраст — разный, на одних рубашки висят, другим они тесны. Наконец, не хватает и раздевалок, далеко не всегда ребяташки после игры могут душ принять. Ясно, что все это отталкивает от хоккея и родителей, и самих ребят, даже фанатично преданных.

— Мы с вами что-то все на «Динамо» да на ЦСКА замыкаемся. Я и сам не раз слышал, что вот, дескать, Елена Чайковская весь лед для своих фигуристов в динамовском дворце заняла, а хоккеистам приходится в Новогорске его искать. Но что ж, на «Динамо» свет клином сошелся? Нельзя ли, да и не лучше ли, учиться ребятам хоккею там, где они живут, на дворовых катках?

Знаменитая «Золотая шайба», что она, окончательно скомпрометирует

много ни мало как полноценный каток с искусственным льдом и даже с трибунами.

В Красногвардейском районе заработал клуб «Дискавер», во дворах появились прекрасные хоккейные коробки, и вот уже детские команды этого района заявляются для участия в первенстве Москвы. Нашлись энтузиасты в Тушине, и там появились хорошие хоккейные площадки.

— Но за окном 1991 год, не за горами третье тысячелетие. До каких же пор мы будем все на энтузиазм уповать? Тем более что общей картины запустения, убожества, печать которой лежит на всех сферах жизни нашего общества, он, этот энтузиазм единиц, преодолеть не в состоянии.

— Вы правы, и спорт вообще, и хоккей в частности тут не составляют исключения. Как и повсюду, и здесь царит бесхозяйственность. Площадок трест Мосгорремстрой понастроил в

РЕБЯТА, НЕ МОСКВА ЛЬ ЗА НАМИ?

— Тут я и сам вспоминаю, что и впрямь давненько уже не слышал о том ажиотаже, каким сопровождался прежде каждый новый набор в школы ЦСКА или «Динамо», не видел и толп ребятшек, с мамами и папами устремляющихся по Ленинградскому проспекту к Петровскому парку и к спорткомплексу ЦСКА.

— ...Увы, все в прошлом, — продолжал между тем мой собеседник. — Прославленные наши клубы не в состоянии предоставить ребятам лед хоть в сколько-нибудь удобное для них время. Москва — это ж огромный мегаполис. Представьте себе, каково ребятишкам добираться в спортшколы из Медведкова или Бескудника к семи часам утра да еще зимой. А в семь, между прочим, уже на лед надо выходить одетым во все хоккейные доспехи. Поезды ребята с полгода, а потом и скажут: «Хорошенького понемножку». Так что сейчас разве что пацаны из Подмоскovie еще по незнанию, как мотыльки на огонек, слетаются на объявления о наборе в спортшколы, чтобы потом разочароваться так же, как и москвичи.

Добавьте к нехватке льда острейший дефицит хоккейной экипировки, который испытывают все детские команды. В той форме, что выдают ребятам в клубах, родители подчас стесняются отпускать их на тренировки. И понять их, родителей, можно: все сегодня стре-

вала себя? Помнится, в Черемушкинском районе возглавлял спорткомитет большой энтузиаст Михаил Григорьевич Юркин, и не смолкали батальи на дворовых катках — не даст соврать известный наш хоккейный тренер Дмитрий Богинов. Ушел Юркин на пенсию, и не стучат уже клюшки под окнами...

— Спору нет, фактор личности руководителя играет немалую роль. Но главное, думается, в неумении распорядиться средствами, этом общем бедствии нашего, не привыкшего к проявлению инициативы общества. Куда-то вбухиваем миллионы, а где-то богатство лежит, только наклонись да возьми; так нет, не хотим наклониться, не можем взять.

Общеизвестно ведь об отчислениях из квартплаты трех процентов на культурно-массовые и спортивные цели. Эти деньги поступают в распоряжение ДЭЗов и ЖЭКов. Но как там ими распоряжаются?! Видеотеки, пусть и самые убогие, да кружки авиамоделлистов еще встретить можно. Спортивные же секции хиреют на глазах. Так называемые педагоги-организаторы, конечно же, не научат ребят играть в хоккей, они даже секцию не в состоянии организовать, самый примитивный каток залить.

Между тем выход из положения найти можно. Нашли же его в Перовском районе столицы. Исключительно на эти самые три процента отчислений от квартплаты там смогли построить ни

столице вроде бы много, да в каком они все состоянии! То снегом лед занесет, то растает он вовсе. Если согласно нашей пресловутой отчетности эти площадки сотнями насчитываются, то в строю едва 30% их остается.

Так их же льдом заливать еще надобно. А где взять заливочные машины? Не все дворцы спорта имеют их, что уж о дворовых клубах говорить.

Ну да ладно, как говорится, не до жиру. Но ведь и таких площадок мало. Вот уже десятки лет, как новые не строятся, а выйдут из строя старые, что делать будем? Соревнования разного рода календарей захлестывают, строительство и ремонт все откладываем «на потом». Москва пока выигрывает, рапортовать «наверх» есть о чем, вот и... Но рано или поздно, причем скорее рано, чем поздно, мнимое благополучие разлетится вдребезги.

Наконец, в каждом деле нужны — хоть и из застойных времен пришло это слово — свои маяки. Детские команды скорее растут, если на заводе, скажем, есть сильная мужская команда. Но сегодня все больше и больше трудовых коллективов отказываются иметь на содержании хоккейные команды. Мотивы? Ну хотя бы такой: «Жилье нужнее». Как тут возразишь?

Закрываются даже именитые клубы. Только за последние два года Москва лишилась хоккейных коллективов «Крылья Советов» в Мейеровском проезде, «Торпедо» ЗИЛ (на его цент-

ральном стадионе!), Ярославского отделения Московской железной дороги, клуба СИМ. А ведь на их катках выросли родоначальники нашего хоккея, ведь именно в Мейеровском катались Альфред Кучевский, Алексей Гурышев, Михаил Бычков — звезды первой величины мирового хоккея.

— Но вернемся к хоккею детскому. Вы немало поездили по свету, наверное, могли встретиться с похожими проблемами и за рубежом. Как решаются они там?

— Проводить параллели — дело не всегда благодарное. Там, «у них», не привыкли уповать на разного вида дотации, живут по принципу «любишь кататься — люби и саночки возить», хотя, должно быть, и не подозревают о существовании этой русской поговорки. Лед для вашего дитяти? Пожалуйста. Форма? Извольте. Но и заплатить за все это надо полновесным американским или канадским долларом.

Родители и платят — нет проблем. В Канаде, например, на эти родительские деньги создаются детские клубы, в которых играют даже... 5-летние мальчишки. И как они смотрятся, одетые в хоккейную форму с иглолочки и уже прекрасно катающиеся на коньках!

Прошлой зимой мы впервые свозили в Канаду команду своих 14-летних.

Повели нас в Квебеке на тренировку. В самой середине огромного торгового центра с ярмарочными каруселями и иными аттракционами сверкал на солнце льдом великолепный каток. На нем катались юные фигуристы, но они тут же уступили место хоккеистам.

Быстренько собрался народ — сами понимаете, канадцев в недостатке внимания к хоккею не упрекнешь. Буфеты функционируют вовсю, музыка — красиво! Ребятишки наши только рты разевают от всего этого великолепия. Обидно только стало за их форму, особенно тускло выглядывшую на фоне расцвеченных канадских маек.

— Что ж, остается надеяться на добрую волю наших мастеров хоккея, выступающих за рубежом? Выручила снегоочистительная машина, присланная Сергеем Пряхиным, каток «Крылышек» в Сетуни. Надели ребята цезсовской СДЮШОР форму, полный комплект которой прислал нам из Канады Вячеслав Фетисов. А других реалий и не видно?

— Зато еще одна угроза московскому хоккею становится все реальней. Не хотят московские клубы заявлять свои детские команды в первую группу первенства столицы. Руководителей устраивает и более низкий уровень. В первой группе выступают всего четыре

СДЮШОР: ЦСКА, «Динамо», «Крылья Советов» и «Спартак». Клубы АЗЛК «Москвич» и «Локомотив» также имеют специализированные детские спортшколы по хоккею. Однако руководство этих клубов считает, что в первую группу им рваться не стоит. Становятся чемпионами по второй группе, и ладненько.

«Москвич», правда, заявлялся в первую, да когда стал проигрывать, кому-то там, «наверху», это не понравилось, и они тут же переиграли заявку. Встречаются во второй группе с командами, не имеющими вовсе искусственного льда, обыгрывают их — чего же боле для отчета? И никому нет дела до того, что у их ребят за этим «чемпионством» во второй группе нет никаких перспектив. Все, закат...

Да, безрадостную картину состояния детского и юношеского столичного хоккея нарисовал Прусов. Не в ней ли лежит разгадка некоего феномена, что не так давно объявился и в нашем большом хоккее? Сколько упреков адресовалось еще недавно московским командам, что они, дескать, перетаскивают игроков из периферийных клубов. Теперь же можно наблюдать обратную картину: все больше москвичей уезжают играть в периферийные команды.

В ТУПИКЕ

А как видится та же картина человеку, не менее заинтересованному в судьбах московского хоккея, но стоящему не во главе, а, так сказать, у самых истоков его — детскому тренеру. Слово — заслуженному тренеру РСФСР Яну КАМЕНЕЦКОМУ.

— Да, уезжают в другие клубы наши воспитанники. Но эти переезды не выйдут из рамок естественной миграции, что всегда было, есть и будет в спорте. Куда больше беспокоит меня обратный процесс, этакая переориентация наших тренеров и функционеров. Если просмотреть списки московских команд мастеров, увидишь в них много, если и не большинство, иногородних хоккеистов. Клубы не смущают никакие затраты. Приглашает «Динамо» 15-летнего Суханова из Тольятти, 12 тысяч рублей платит за него клубу... Но тому кажется мало: как за кандидата в сборную он требует за Суханова 18 тысяч. И не отпускает парня, пока не перечисляет «Динамо» эту сумму на расчетный счет волжского клуба.

Как тут не задаться вопросом: «Зачем тратить полмиллиона в год на содержание нашей динамовской СДЮШОР, если можно купить, скажем, два

десять игроков на стороне?» Меньше затрат, а тем более хлопот. Другое дело — куда это может завести. «Рынок»-то рано или поздно истощится, где ж тогда покупать? Не иначе как в Канаде, там-то рынок этот побогаче. Правда, там валюта нужна, а с нею у нас, как известно, не густо. Абсурд все это, скажете? Не знаю, не знаю...

Знаю одно: приток свежих сил в команду необходим. Одного, двух, ну трех игроков можно и пригласить, но основную массу-то их извольте готовить сам. Готовить же под силу лишь толковым, любящим свое дело людям. Увы, на ниве подготовки резервов подвизается слишком много случайных людей.

Оно и понятно. Зарплата тренеров спортшкол мизерная, знакомым стыдно признаться, где работаешь. Она ж, зарплата эта, в два раза меньше, чем у преподавателей физкультуры общеобразовательных школ. Вот и бегут — другого слова тут не придумаешь — тренеры из ДЮСШ, этих «кузниц мастерства», как по старинке их у нас еще называют.

Справедливости ради надо сказать, что не так давно зарплату нам вроде бы и повысили. Но с одной, весьма существенной оговоркой: «Если у клуба есть

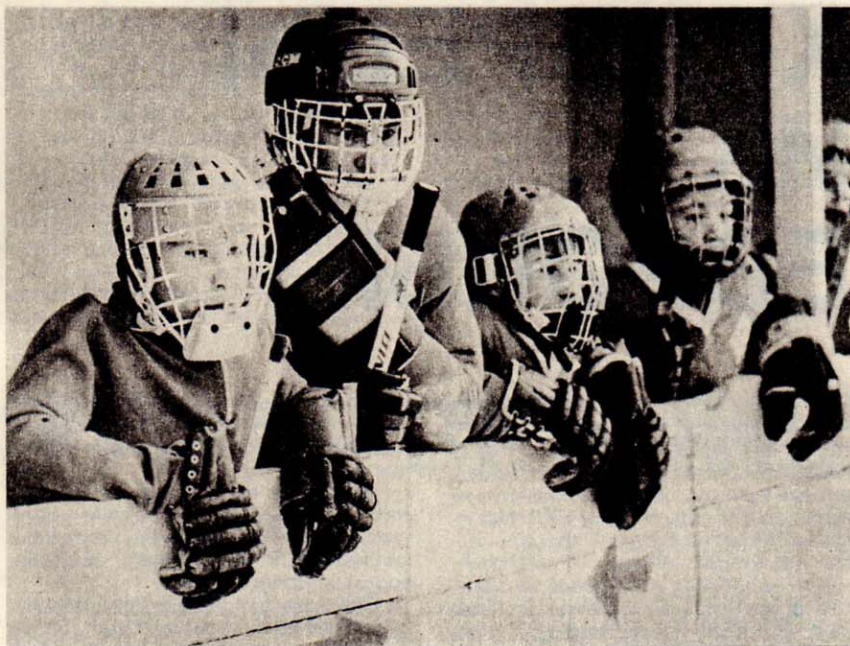
средства...» Да кому же не известно, что средства эти расходуются в первую очередь на команду мастеров, а на детские — едва ли не в последнюю?

Ни одна из московских хоккейных СДЮШОР не имеет такой базы, которая позволяла бы готовить по-настоящему полноценный резерв. Главный тренер команды мастеров московского «Динамо» Владимир Юрзинов прошлым летом бросил нам упрек: дескать, не хватает у ваших ребят физических качеств, требующихся хоккеисту. Но где ребятам набрать эти качества? У мастеров есть для этого все, вплоть до специального тренажерного зала. Ребятам же нашим в громадном Петровском парке не нашлось и уголка, где уж не «качаться», а на элементарных снарядах поработать.

В ЦСКА для ребят есть еще небольшой зал, в «Крылышках» — специальной площадки, но и это все лишь на кустарном уровне.

Лед же и вовсе становится притчей во языцех. В «Динамо» на два месяца ломается машина для заливки. Есть лед в Новогорске, да аренда автобуса «кусаются»: где взять 25 тысяч рублей? А именно в такую сумму ценят свои услуги транспортники. Дворец спорта «Крылышек» для выполнения плана вынуждены под концерты отдавать. Вроде бы в более лучшем положении «Спартак» — два крытых катка плюс площадка с искусственным льдом. Но и там свои проблемы: во Дворце, например, зимой холоднее, чем на улице.

А летние лагеря? Ни одна московская хоккейная школа не имеет своего

стационарного лагеря. Арендуем пионерские. Еще недавно родителям наших юных хоккеистов обходилось это в 25 рублей, теперь берем с них по сотне, так еще попробуй найди его, этот лагерь.

Подытожим. Нет льда, нет залов, нет летних лагерей. Так что же есть? Энтузиазм, который эксплуатируется столько лет. Не довольно ли выезжать на нем?

Наверное, в бедах, перечисленных выше, тренер помочь нам едва ли в состоянии. Но вот очень непростой вопрос о повышении тренерской квалификации. Ведь существовала же, и не так давно, очень хорошая практика, на базе инфизкульты проводить занятия, на которых тренеры всех клубов могли бы обмениваться опытом, брать лучшее у товарищей. Увы, эту практику благополучно похоронили, заменив чисто формальной — раз в пять лет — аттестацией. Тут бы и вмешаться тренеру, возродить хорошее начинание.

Но это все о, так сказать, хоккее квалифицированном. Меня, признаться, больше волнует положение в хоккее, который принято называть массовым, уж очень оно безрадостно. Знаменитая «Золотая шайба», как едва ли не все начинания нашего родного комсомола, долгое время туманила нам всем мозги. В отчетах фигурировали десятки, да что там — сотни и тысячи «ставших на коньки» и «взявших в руки клюшки» ребятшек, не менее внушительно выглядели и цифры, обозначающие количество хоккейных площадок.

Да полно, посмотрелся я на эти площадки: у одной бортик проломлен, на другой ребяткам переодеться негде, на третьей и вовсе давно забыли, когда лед заливали. Не сделают погоды и

катки с трибунами. Не нужны ребятам трибуны, им лед нужен.

Картинка канадской ярмарки, нарисованная нашим тренером, конечно, впечатляет. Но попробуйте заглянуть прежде в кошельки родителей наших ребят. Хоккейные секции не относятся к престижным, кооператоры или дельцы теневой экономики отдают своих детей совсем в другие. Тем не менее экипировка и лед стоят большие деньги.

Четверть стоимости формы оплачивают родители, лагерь, как было уже сказано, тоже они. Это родителям «вытянуть» еще под силу. Но оплачивать дорогостоящий лед, а тем более тренеров им явно не по карману.

«Где же выход?» — спросите вы. В клубах по месту жительства. Вот сюда, на них отделу хоккея Мосгоркомспорта и надо бы направить свои усилия в первую очередь. У Прусова об этом вроде бы и правильно говорится, да где они, клубы, где катки?

Сегодня очень активным и отзывчивым стал наш Моссовет. Так стучись в его дверь, добивайся таких катков в наших микрорайонах, чтобы они, эти районы, не оставались только «спальными». Пока три процента отчислений от квартплаты для нас всех, кто связан с детским спортом, остаются чем-то ирреальным, мифическим. Вот и превратите их в реальность.

Не хватает этих отчислений, можно привлечь средства предприятий, расположенных в данном микрорайоне. Будут катки — семилетним мальчишкам не придется через всю Москву тащиться на Ленинградское шоссе. Очень уж хочет пацан попасть в «Динамо», что ж, мы готовы взять шефство над какими-то

микрорайонами, домовыми секциями, организовать там тренировки. Подойдет время, подрастут ребята, лучших из них пригласим и к себе в Петровский парк.

Есть и еще одна проблема: как в условиях Москвы сохранить хотя бы то, что есть сегодня, а именно — не растерять выпускников наших СДЮШОР. Понятно же, что далеко не каждый из них попадет в команду мастеров. Во всяком случае, сразу после выпуска. Казалось бы, не все потеряно, совершенствоваться можно и в студенческих командах.

«У них» можно. «У них» студенческая лига открывает дорогу в «самую» НХЛ. У нас едва ли. Наш студенческий хоккей пребывает в таком состоянии, что там скорее растеряешь и что имел, чем что-то приобретешь. На смешотворно низком уровне проводится студенческое первенство столицы. В свое время планировали на него по 70—80 матчей для каждой команды. Сейчас, дай бог, сыграть 14 (!).

Слышали ли вы, чтоб кто-то из институтской команды попал в команду мастеров? Да и как этого ожидать, если на всю столицу лед имеет единственный вуз — институт физкультуры, ну разве еще МИСИ и МАИ где-то у кого-то арендуют площадки. Остальные же вынуждены ждать зимы. А окажись она теплой...

Вот и получается, что в СДЮШОР паренек 10 месяцев в году на льду стоял, а пришел в институт — забудь об этом. Ибо что ж это за чемпионат на открытых площадках?

Отдаю себе отчет, каково это в условиях нашей разваливающейся экономики поднимать все те вопросы, что я затронул выше, в особенности о строительстве площадок, тем более крытых. Но вот в Швеции и Финляндии служат же хоккею простейшие залы ангарного типа. Ладно, Скандинавия нам сегодня не ровня. Но неужели богаче нас Чехословакия? Там-то ведь тоже в «ангарах» для хоккеистов недостатка нет...

Мнения записал Виктор ПУГАЧЕВ

* * *

От редакции. Похоже, что ничего сверхъестественного и невыполнимого в поднятых Каменецким проблемах и впрямь нет. А как их видят в Мосгоркомспорте? И что собираются предпринять для их разрешения? Редакция надеется получить ответ на эти вопросы.

Кстати говоря, несколько цифр для справки. На сегодняшний день в ЦСКА играют 7 своих воспитанников, в «Спартаке» — 9, «Крыльях Советов» — 8, «Динамо» — 7. Причем большинство из них пока лишь пробуют силы в основном составе команды мастеров. Для сравнения: в «Химике» играют 14 собственных воспитанников...

«Прочел в «Советском спорте» высказывание Виктора Тихонова о том, что большинство лучших хоккеистов Чехословакии ныне играют в Европе. Однако слышал, что немало чехословацких игроков подались в НХЛ. Как же обстоит дело в реальности?»

М. ЖУКОВ

г. Москва

ХРАБРЕЦЫ ИЗ ЕВРОПЫ

Первое появление чехословацких игроков в НХЛ относится к 1974 году — именно тогда нелегально отбыли в Америку Вацлав Недомански и Рихард Фарда. А вскоре хоккейная эмиграция из ЧССР в НХЛ превратилась в настоящий поток — из списков чехословацких хоккейных клубов исчезли фамилии трех братьев Штясны, Петра Климь, Франтишека Мусила, Петра Свободы, Михала Пивоньки, Давида Волека... Это — не считая тех, кто получил официальное разрешение от прежнего Хоккейного союза ЧССР.

Однако размах той эмиграции не идет ни в какое сравнение с нынешней. Не менее девяти хоккеистов, которые год назад играли еще в чехословацких клубах и сборной, ныне выступают в командах НХЛ. Центрофорвард Роберт Райхел, самый результативный нападающий последних юниорских чемпионатов мира, играет за «Калгари». Знаменитый вратарь Доминик Гашек и защитник Франтишек Кучера надели форму «Чикаго», «Хартфорд» заполучил нападающего Роберта Холика и защитника Йергуша Бачу, «Нью-Джерси» — левого крайнего Зденко Цигера, а «Ванкувер» — форварда Роберта Крона. «Питтсбург», чей выбор на летнем аукционе игроков был пятым, не раздумывая купил права на правого крайнего Яромира Ягра.

Мы назвали лишь наиболее известных чехословацких хоккеистов, всего же летом 1990 года на аукционе клубы НХЛ приобрели 21 игрока из этой страны. Год назад таковых было лишь восемь.

Однако дело не только в количестве. Политические и социальные изменения в Чехословакии сказались и на характере самих «путешественников» за океан. Новые «чехословацкие канадцы» и дома поднимались на трапы самолетов с улыбкой, с улыбкой же сходили с трапов и в Северной Америке. Никто из членов их семей, оставшихся в Чехословакии, не подвергался преследованиям, как это было с родственниками Недомански и Фарды. Никто из них не исчезал под покровом темноты во время зарубежного турне сборной, как это сделали Петр и Антон Штясны в 1980-м. Никто не пересекал границу ползком, как Ян Людвиг в 1981-м. Да и «похищения» — как это было с Климой в 1985 году и Пивонькой в 1986-м — стали абсолютно ненужными.

Итак, путь в Северную Америку стал

гладким. Но так ли легко и гладко пройдет утверждение молодых чехословацких игроков в НХЛ?

За исключением Петра Штясны еще ни один из чехословацких хоккеистов не попал за эти годы в элиту НХЛ. Никто, кроме Петра, не входил в составы первой или второй команды «Олл Старз». Никто не забивал по 50 голов за сезон. Никто, кроме Петра Штясны, не набрал 100 очков по системе «гол+пас» (Штясны добивался этого в 7 сезонах). И даже Пивонька, который на юниорском мировом чемпионате 1986 года выглядел как потенциальный нхловец, в дальнейшем разочаровал.

Не произойдет ли подобное и с наиболее талантливыми из представителей новой волны — Холиком, Райхелом, Ягром?

Пожалуй, более всего на роль провидца в этой ситуации подходит Петр Штясны, проведший в НХЛ уже десять лет. «На нас, тех, кто уезжал нелегально, — говорит Петр, — все время давил психологический груз. Прежнее правительство умело воздействовать на нас достаточно тонко — предельно усложняя жизнь членам наших семей, оставшихся дома. И речь не о тюрьмах или лагерях — им «только» мешали получать образование, работать. Это было, так сказать, интеллектуальное воздействие. Но оно оказывалось порой эффективнее, чем грубое физическое».

Страх за близких, разумеется, мешал жить «невозвращенцам». Но на него накладывались и другие проблемы. В первую очередь проблема общения.

Когда Петр Штясны прибыл в Канаду, по-английски он умел лишь читать. Хотя уже вскоре, к своему первому Рождеству в Северной Америке, был в состоянии дать интервью. Это, конечно, помогло Петру быстрее акклиматизироваться, но главное, с его точки зрения, способствовало успеху в НХЛ качество заключалось в твердости характера.

«Если вы не получаете того, о чем мечтали, немедленно или по крайней мере быстро, вы можете начать сомневаться в себе. Но, если речь идет об НХЛ, мгновенный успех невозможен. Особенно для тех, кто приезжает сюда, уже вылезши из детских штанишек. Вы должны начинать здесь с нуля, что требует, естественно, времени. Может потребоваться год, два или три. Но

такого времени у нас может не оказаться — тех, кто приспосабливается не слишком быстро, отправляют в минорные лиги...»

«Никто из европейцев, — продолжает Штясны, — даже годами выступавших за сборную, скажем, Чехословакии или СССР, не обладает... выносливостью местных игроков».

Они проводят тяжелейший, восьмидесятиматчевый «регулярный» сезон, жизнь во время которого осложняется постоянными переездами. Никто из европейцев дома с этим не сталкивался.

Но это еще не все. Предсезонные «показательные» встречи и напряженные матчи плей-офф увеличивают нагрузку до сотни игр в сезон. И не просто игр, а игр, каждая из которых требует полной отдачи. Тогда как в Европе в матчах национальных первенств, пожалуй, лишь треть требует подобных затрат, а в другой трети заранее известно, кто победит».

Штясны предупреждает игроков чехословацкой новой волны, что в НХЛ нельзя останавливаться, даже получив в первом сезоне приз лучшего новичка Лиги. Счастье в НХЛ непостоянно. К примеру, Волек, попав к «Нью-Йорк Айлендерс», в первом сезоне, сезоне 1988/89 года, добился отличного результата — 25 голов и 59 очков. Однако уже в следующем сезоне опустился вниз — 17 и 39.

«Давид — не первый парень, — говорит генеральный менеджер «Айлендерс» Билл Торри, — который после успешного дебюта сталкивается с проблемами... Он женился, переехал в новый дом, и все эти прозаические жизненные трудности не могли не сказаться на нем».

Вторит Торри и Лу Ламорелло, руководящий «Нью-Джерси». «Не следует ожидать от новичков слишком многого, хотя прибывшие чехословацкие хоккеисты и приглашались как «игроки мирового класса». Но таковыми в НХЛ станут в лучшем случае 10—15% из них, у остальных же взлеты будут чередоваться с падениями. И это, наверное, не их вина. Возможно, мы должны вначале работать с ними как-то по-иному».

Как? На этот вопрос трудно ответить однозначно. А потому прислушаемся вновь к мнению Петра Штясны: «Главное — в нас самих. Для меня признание в НХЛ было делом принципа, делом

чести. И за это признание я был готов платить любую цену: тренироваться больше всех, отбросить мирские соблазны. Но так платить соглашаются на все. И потому не все блистают в НХЛ».

Но все же не только от игрока зависит его будущее. Яромир Ягр, например, столкнулся с новыми проблемами еще до начала своего первого сезона.

Этот молодой правый крайний в прошлом сезоне, играя за команду Кладно, в 51 матче забросил 30 шайб и сделал столько же голевых передач. Однако в «Питтсбурге», куда он попал, правых крайних — в избытке. Причем

среди них есть такие, как Джо Маллен, бывший лучший бомбардир «Калгари», Тони Танти, Марк Реччи. И новый тренер «Пингвинз» Боб Джонсон заявил, что кто-то из этой обоймы должен будет сменить амплу. Правда, говоря о шансах Ягра, Джонсон подсластил пилюлю: «Он чувствует себя весьма комфортно на льду. А лед одинаков, что — в Европе, что — в Северной Америке...» Но, думаю, Ягру да и остальным новичкам НХЛ из Европы полезнее прислушаться к мнению прошедшего огонь, воду и медные трубы Петра Штястны.

Б. СРЕНЕНСКИЙ

От редакции. Вряд ли можно говорить о смене поколений в чехословацкой сборной — ныне на лед выходит абсолютно новая команда, в составе которой осталось лишь четыре игрока из участников предыдущего чемпионата мира — Бржиза, Шчербан, Долана и Лубина. Так что не приходится ожидать чего-либо сверхъестественного от вчерашних юниоров...

ЭТО — ЗРЕЛИЩЕ

...Хоккей с мячом? Конечно же, зрелище! Да еще наше, исконно русское, национальное — так можете вы воскликнуть, увидев эти снимки. И еще добавить, что обиходное название игры — русский хоккей даже преобладает у

нас над, так сказать, официальным.

И будете не правы. Потому как изначально-то игра возникла в Англии, в графствах Кембриджшире и Линколншире, на рубеже XVIII и XIX веков. И первый официальный клуб был образо-

ван в Ноттингеме в 1865 г. «Ноттингемский лесной клуб по игре в футбол и бенди» — на островах тогда, видно, в моде были длинные названия. А к нам «русский хоккей» в нынешнем его виде пожаловал уже в конце прошлого века,

причем «экспортировали» его нам английские служащие, работавшие на петербургских промышленных предприятиях.

Первый матч россияне провели при публике 8 марта 1898 года, когда хоккеисты из «Петербургского кружка любителей спорта», разделившись на команды «белых» и «черных», вышли на городской Северный каток. Для самых педантичных любителей статистики сообщим, что выиграли тогда «черные» — 5:4.

Но это все далекое прошлое. А в послевоенный период хоккей с мячом получил полное право именоваться русским. Ведь сборная команда Советского Союза начиная с 1957-го года, когда начали разыгрываться мировые первенства, была чемпионом 11 раз подряд! Правда, в 80-х годах шведам удалось нарушить нашу победную монополию, и теперь мировой хоккей знает двух полноправных лидеров, а потому предсказать исход чемпионата мира-91, который пройдет в Финляндии, не возьметсся, наверное, никто.

Впрочем, дело, ведь, наверное, все же не в победах. Вы посмотрите: хоккей с мячом — это действительно зрелище...

Фото Александра ФЕДОРОВА

ДЕЛО СПАРТАКОВСКОЙ ШЕСТЕРКИ

Весной 1938 года харьковским футбольным болельщикам явно повезло. В областном спорткомитете неожиданно раздался телефонный звонок из Москвы: «Систему розыгрыша чемпионата страны меняем — даем вам два места в группе «А» (теперь — высшая лига), готовьте команды». И мигом все завертелось, любители футбола радостно обсуждали приятную новость.

А в кабинете председателя Михаила Бочарова уже через час собрались

заинтересованные лица. Кому же отдать эти два места? Ведь в прошлогоднем розыгрыше первенства страны все четыре харьковские команды выступали в группе «В» и лучшим на финише был «Трактор» (ХТЗ), занявший пятое место. Другие же — «Спартак», «Сельмаш» и «Динамо» — заняли в итоговой таблице с седьмого по девятое места. Но теперь приходилось взвешивать не только прошлые заслуги — в группе «А» будет 26 команд, календарь насыщенный, ездить придется во все концы страны. Кто возьмет на себя нелегкие хлопоты по содержанию показательных — так тогда называли команды мастеров — футбольных коллективов?

Динамоцы отказались сразу: у них только что отозвали в Киев старшего тренера — заслуженного мастера спорта В. Фомина. Сменить его должен был один из первых игроков советской сборной А. Шпаковский, но 10 марта его вдруг бросили за решетку, обвинили в шпионаже. Тракторозаводцы, сославшись на финансовые трудности, тоже отклонили предложение. Словом, решено было отдать путевки «Спарта-

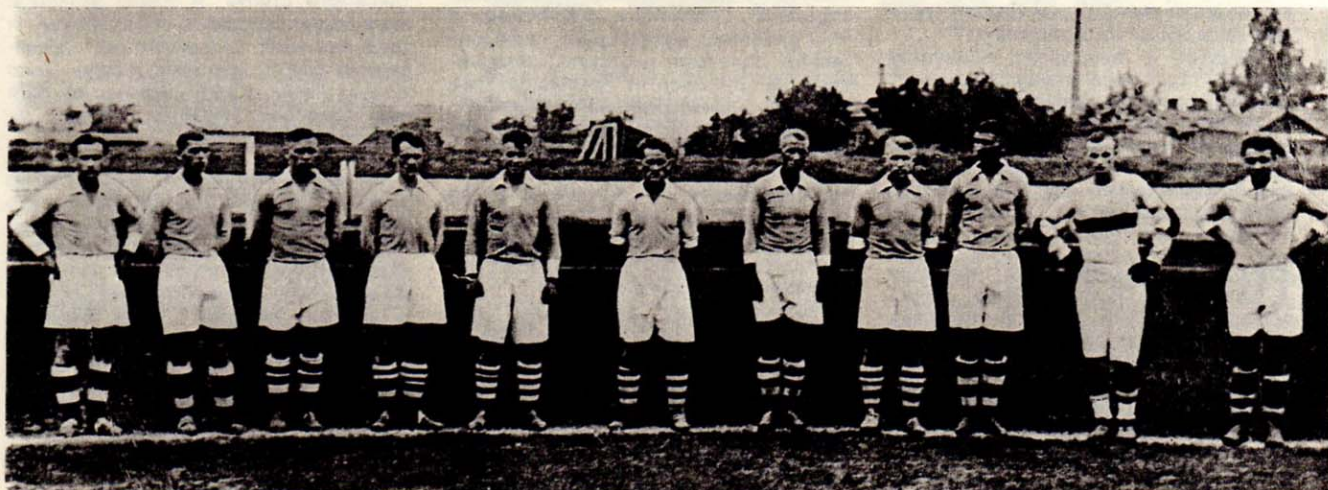
ку» и «Сельмашу», но в крепкую команду спартаковцев ввели еще и лучшие динамовские силы — игрока сборной Украины Д. Кириллова, капитана Б. Андреева, а вместе с ними — В. Гусарова, В. Макарова, В. Иванова, Л. Милова, Г. Харламова. В новый игровой ансамбль подобрали и толкового рабочего тренера, отличного знатока техники игры, требовательного и старательного Александра Азаренко, преподававшего футбольную науку в местном институте физкультуры.

Главному тренеру Николаю Федоровичу Кротову (впоследствии заслуженному мастеру спорта. — Авт.), да и начальнику команды Косте Беленисову принципиальнейших организационных забот хватало по горло, а повседневные дела, тренировки почти целиком легли на плечи Азаренко.

Стартовал «Спартак» вполне удачно — сыграл в Москве вничью с торпедовцами — 2:2, оба гола у харьковчанина забил баскетбольного роста 20-летний форвард Алексей Серов; выиграл 2:0 у столичного «Пищевика». Ему бы развить успех, но у команды не было собственного стадиона, тренировочной

Харьковский «Спартак» перед окончанием сезона 1937 года. Крайний справа А. Лесной, третий — А. Серов, шестой — абсолютный чемпион СССР-36 по гимнастике М. Дмитриев, девятый — И. Серов.

базы, школы резерва — проблем перед ней возникло множество. В областном совете начали было развязывать запутанные узелки, как вдруг парализовала его силы напасть, предугадать которую, разумеется, было невозможно.

...Еще в сентябре 1937-го в разгар сталинских репрессий в облсовете «Спартак» тоже раскрыли «бывшего белогвардейца», безукоризненно интеллигентного 43-летнего старшего тренера по гимнастике, основателя этого вида спорта в Харькове и на Украине Николая Константиновича Гвоздикова — остроумного, жизнерадостного, всестороннего развитого человека. Его квартира на улице Свердлова для многих харьковских спортсменов была своеобразным клубом. Особенно велик был авторитет Константиновича среди коллег-гимнастов. Ведь именно он ставил на ноги, шлифовал мастеров первого в стране абсолютного чемпиона 1936 года Михаила Дмитриева, вел его к победам. Любопытно, что лучший гимнаст страны и в футболе знал толк — как-то в Париже ему пришлось даже играть в составе московского «Спартака», а в полузащите харьковской команды он выходил на поле частенько.

Забрали Гвоздикова втихомолку, незаметно. Разговоры по этому поводу в облсовете уже начали утихать, как вспыхнула вторая волна страшных репрессий и тут же захлестнула еще одного «врага народа» — председателя облсовета «Спартак», популярного когда-то гандболиста Александра Винника. Вскоре, 23 июня, увезли в тюрьму и влюбленного в футбол Сашу Азаренку, через два дня — заместителя председателя облсовета Нисона Шульмана, инструктора Иосифа Зайцева. Потом дошла очередь и до Кости Беленисова — начальника команды бросили за решетку второго июля.

Теперь, понятное дело, ждали арестов и игроки — у каждого стоял наготове «тюремный» чемоданчик, настроение у ребят было отвратительное. Кропотливо разводил руками — с кем же работать, у кого искать помощи? А ведь его тоже могли забрать в любую минуту — несмываемым пятном лежала на нем царская награда, заработанный отважным прапорщиком еще в боях первой мировой войны орден Святой Анны. Что, если докопаются, вспомнят?

Исчезла у вчерашних меценатов былая доброжелательность, от команды все чаще стали отворачиваться. В спортивных же кругах невольно сплели воедино все аресты спартаковцев, и разговоры о «вражеском гнезде», свитом в облсовете, поползли не только по городу.

По укоренившейся, увы, традиции следовало и официально, громкогласно заклеить «врагов» позором. Из Киева, насунив брови, приехал новый председатель республиканского совета «Спартак», только что снявший бутсы заслуженный мастер спорта Константин Фомин — недавний харьковчанин, прославивший защитник сборных страны и Украины. Уж кого-кого, а Сашу Аза-

ренко он знал, наверное, как и самого себя, но получил, видно, Константин Васильевич суровый приказ выдать по первое число «врагам народа», и на собрании он каждому высказал в полной мере, о какой дружбе даже не вспомнил.

— Спортивная аудитория, правда, далеко не однозначно восприняла эти обвинения, — рассказывал мне участник позорного собрания, ветеран спорта, почетный судья всесоюзной категории А. М. Калевзон. — Тренеры наших волейболистов Алексей Есипенко (впоследствии заслуженный мастер спорта. — Авт.) и Анатолий Жулды, еще несколько одноклубников попытались даже защищать товарищей. Я, когда работал ответственным секретарем и заведующим учебно-спортивным отделом облсовета, дружил, разумеется, с Винником и Шульманом, прекрасно знал и других ребят. За это и обливала меня с трибуны грязью Фомин, и сразу же после собрания мне пришлось искать другую работу.

А сколько же обидных, горьких слов брошено было тогда с трибуны в адрес «беляка» Гвоздикова. И никто из сидевших в зале ДК промкооперации не мог, разумеется, знать, что еще 15 октября 1937-го Особая тройка Харьковского УНКВД присудила истерзанного пытками Николая Константиновича к высшей мере наказания, а уже на пятый день этого мужественного, смелого человека расстреляли. Только 1 марта 1989 года Н. К. Гвоздикова реабилитировали в соответствии со статьей 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года. «Место его захоронения неизвестно» — такой ответ получили мы на свой запрос из областного УКБ УССР.

Судьба остальных заключенных спартаковцев сложилась иначе. Во всяком случае, в муром здании НКВД их вовсе не собирались пропускать по одному делу. Винника и Шульмана почему-то оторвали от одноклубников и записали в групповое дело десяти руководящих сотрудников харьковского и украинского спорта. После длительных пыток 20 мая 1939 года Военный трибунал Харьковского военного округа приговорил их вместе с заместителем председателя областного спорткомитета М. Гуревичем, заведующим кафедрой легкой атлетики института физкультуры З. Синициком и преподавателем кафедры физвоспитания Института механизации и электрификации сельского хозяйства Я. Якубовичем, как членов придуманной «террористической организации», к десяти годам заключения в лагерях строгого режима. Бочарову же и директору Харьковского института физкультуры М. Бунчуку вынесли смертные приговоры.

Приостановить исполнение этих страшных наказаний вначале помогла очередная смена руководства в НКВД страны. Потом заключенным почти год пришлось дожидаться в камерах решения Военной коллегии Верховного суда СССР, разбиравшей коллективную кассационную жалобу харьковских

спортивных работников и отменившей 17 февраля 1940 года противозаконный приговор.

А с Азаренко, Беленисовым и Зайцевым разобрались дома, в стенах областного НКВД, где за относительно короткое время им дали исчерпывающую возможность на собственной шкуре познать, что же такое настоящая работа следователей. Кстати, одним из тех, с кем им доводилось встречаться на допросах, был следователь Анатолий Лесной, давний напарник Азаренко по спартаковской футбольной команде, старший брат бессменного капитана спартаковцев и игрока сборной города 30-х годов Александра Лесного. Быть может, он и замолвил словечко за своих одноклубников.

— В тюрьме я даже не подозревал, что прохожу по одному делу с Азаренко и Беленисовым, — рассказывает ветеран войны и спорта И. А. Зайцев. — Били нас нещадно, мне довелось побывать и в карцере — нынешние болельщики оттуда и начались. Но выбить из нас нужные им показания следователи не смогли, и постановлением Харьковского УНКВД от 19 сентября 1938 года нас троих из-под стражи освободили, уголовное дело было прекращено.

Но, оказавшись снова на воле, «технарь», как звали его знатоки, Саша Азаренко не мог и думать возвратиться на тренерскую работу. Специалисты с улицы Чернышевского отбили ему охоту работать с людьми, обучать их премудростям футбола. Не хотелось Александру и появляться среди тех, кто отвернулся в трудную годину. А тут началась финская кампания, и Александр Иванович надел армейскую форму. Великую Отечественную он встретил кадровым командиром, но защищать родную землю бывшему тренеру пришлось недолго. После одного из жестоких боев его похоронили где-то на Брянщине.

Иосифу Зайцеву и Константину Беленисову в первые же дни войны пришлось взять в руки оружие, а сняли они армейскую форму только в 1946-м. Последний в послевоенные годы был начальником охраны Харьковского университета, а Зайцев всю свою мирную жизнь продолжал трудиться под спартаковским стягом. Я давно знаком с этим немногословным, выдержанным и трудолюбивым специалистом, посвятившим спорту всю свою жизнь, — но только теперь узнал, сколько же горя ему довелось хлебнуть. Почему он столько лет молчал?

— Все очень просто. Выпуская из тюрьмы, с нас взяли подписку, что мы никогда и никоим образом не будем рассказывать о том, что происходило в стенах НКВД. Но теперь рассказывать об этом надо. Надо рассказать правду о людях, которых тогда нарекли «врагами народа», на долгие годы вычеркнули не только из справочников и книг, но и из человеческой памяти. Ведь и сегодня еще далеко не всем вернули их доброе имя.

Юрий ГРОТ

В 1986 году в издательстве «Физкультура и спорт» вышла книга журналиста Льва Филатова «Форварды», сборник очерков о членах Клуба Григория Федотова, в который, как известно, входят мастера, забившие в главных всесоюзных и международных турнирах не менее 100 мячей. С тех пор в Клуб получили право поступить еще несколько человек. Сейчас готовится второе издание книги. Мы предлагаем вниманию читателей очерк об одном из вновь вошедших — Леониде Буряке.

Буряк всегда был не отрететированно, не показательно, а естественно прям, заставляло на него обратить внимание и для того, чтобы полюбоваться статью и заодно призадуматься, как-то ему живется с высоко поднятой головой и в игре и во всем, что ее окружает?

Буряк вел себя на поле на загляденье разумно, тратил ровно столько движений и усилий, сколько требовал эпизод, никакой суетни. Я не помню его, хотя видел десятки матчей с ним, как-нибудь нелепо, глупо, смешно, ненужно упавшим, растянувшимся на траве. Не

ЛЕОНИД БУРЯК

Лев ФИЛАТОВ

Вот уж кто не был охотником за голами, так это Буряк. Играя в передовой линии, он находил себе множество дел, постоянно был занят, и интерес, как мне казалось, находил в разнообразии, его не могло устроить повторение от матча к матчу одних и тех же приемов, верчение вокруг точек, которые, подметив, начинают называть «излюбленными». Для Буряка сторожить так называемый голевой момент, кидаться опретью в смутной надежде, что улыбнется случай, сфальшивит нога у противника, бить наобум по прямоугольнику ворот, в надежде, что мяч подправит дуновение ветерка, было равносильно потере половинной, а то и большей части удовольствия, которое он ждал и получал от игры, от своего в ней

участия. Он с самого начала и до конца своей полевой карьеры был высокого мнения о футбольном мастерстве, не позволяя себе опуститься до примитива, до той простоты («вдарил от души, не глядя, пузырь в лузе, и все дела!»), которая тешит ухарей, лепит героев ненадолго из везунов, устраивает присосавшихся надсмотрщиков, а на самом деле грубо, нагло посягает на многотрудное, переборчатое, нескончаемо тянущее к себе искусство. А ему-то только и хочется служить и быть верным.

Что выделяло Буряка, делало опознаваемым с первого же беглого взгляда? Высокий рост? Но разве сантиметры, аршины и футы сообщают что-либо существенное о человеке? А вот то, что

помню его бегущим с надрывом, из последних сил, с искаженным лицом. Он поспевал в требуемую точку угаданным рывком, и сказать о нем — «появился», «прибыл», «возник» было уместнее, чем «прибежал» или «примчался». Буряк был записным пробивальщиком угловых, штрафных и пенальти, в его присутствии на эту вымеренную, тонкую, требующую расчета и хладнокровия работу конкурентов не находилось. К угловым флажкам, чтобы подать корнер, он проходил иной раз полполя, но, даже если его команде было туго и этот корнер сулил возможность сравнять счет, Буряк не бежал, не изображал пассажира, опаздывающего на электричку, шел быстро, фиксируя каждый шаг, и никому в голову не приходило поторопить его —

ни из партнеров, ни из публики. Все были приучены, что так надо, что Буряк знает, как ему удобно идти, все были уверены, что свой корнер он подаст не в толпу, не в свалку, а высмотрев кого-то, кому удобно будет выскользнуть на снижающийся мяч. «Леня пошел подавать, Леня собирается бить», — подождем, лучше, чем он, никто не делает.

Ждали от него и длинющих передач, тех, что ни за что не угадать. Его специальностью было перестраивать ход наступлений, монотонность его угнетала, он искал, что бы затеять, но не обманом, не подвохом, а чертежом, линией.

Буряк благоговел перед Валерием Ворониным, игроком его мальчишеских грез. Выбор объяснять излишне: Воронин был неотразим. И знаменит, и красив со своим пробором в черной шевелюре киногероя, и все приемы в игре отборные — усекай, заимствуй, и улыбка, как привычно говорят о таких, ослепительная, но нисколько не отстраняющая, не держащая на расстоянии, а милая, пожалуй, даже признающаяся в мягкосердечии, в уязвимости.

Вряд ли одесский паренек Леня Буряк способен был разобраться в своей симпатии. Воронин последние свои матчи сыграл, когда Буряку было 16 лет, пути их не пересеклись, «отцы» и «дети». Но вот о чем я думаю, когда мысленно ставлю их рядом, Воронина и Буряка. Обоих отличала прямота. Не была она внешней общей чертой их двоих, хотя и делала слегка похожими в некоторых игровых переплетениях. Прямота была их судьбой. Оба они как заявили в футбол с безотчетными, идеальными, рыцарскими представлениями, так и служили в нем, как в некоей тайной ложе, и ничто их, уже успевших узнать решительно все секреты «мяченокцев», всю закулисную подноготную, всю неправедность и черноту, не способно было отвратить от святых орденских хоругвей, чего бы это им ни стоило, во что бы ни обошлось. Оба они, заметные с первого взгляда на поле ростом и прямотой, приняли на себя все причитающиеся бесхитростным праведникам удары.

С Ворониным судьба расправилась в открытую, беспощадно. Избаловав, нашептал, что без износа силен, соблазнила, подставила под автомобильную аварию, а потом и добила рукой пьяного подкона. С Валерием я познакомился за несколько лет до аварии. И вот однажды, в ложе прессы Лужников, какой-то человек обнял меня сзади за плечи: «Давненько же мы не виделись». Я обернулся, мельком взглянул на него и кивнул: «Да, да, здравствуйте». И когда он отошел, напорившись на холодность ответа, спросил соседа: «А кто это был?» И услышал: «Воронин». И хоть не виноват, потому что узнать сразу его искаженное, изуродованное лицо я был не в силах, стыд за это небрежное «здравствуйте» как ошпарил в ту же минуту, так и живет. И не вытравили его даже последующие встречи и разговоры с Валерием.

С Буряком мне не довелось быть знакомым. Всего лишь один телефонный разговор. Да какой там разговор, звонок и несколько его слов. О том, что умер Михаил Исаакович Михайлов. И все, какие еще расспросы. Частые гудки. С Михайловым, киевским журналистом, мы дружили много лет. Он любил футбол нежно и писал о нем, о его людях сентиментально, трогательно и возвышенно. И даже когда «критиковал», то с укором, с сожалением, пылко, не сомневаясь, что раскритикованные им непременно исправятся. Такие люди в журналистике не так уж часто встречаются, желчных больше, и к Михайлову я был сердечно привязан.

То, что с этой вестью позвонил мне Буряк, не удивило: я знал, что Михайлов делал литературную запись книжки Буряка «Горячие точки поля», изданной в Киеве. Книжку эту Михайлов мне прислал, да все недосуг было ее открыть. Ну а тут я за нее взялся, последняя работа близкого человека. Перелистывал страницу за страницей — и вот странность: в ушах звучал голос Буряка, то, как он произнес свою весть. Знаем мы, как распространено в обиходе превращать такую весть в повод для того, чтобы удивить слушателя («вы не знали?»), прихвастнуть своей информированностью («я еще вчера вечером узнал»), затеять, придравшись к случаю, пустое философствование о бренности, а то и поискать, чем сократил свой век усопший, какими излишествами и неосторожностями, тем самым намекая на свое благоразумие. Леонид Буряк произнес свою весть без обиняков и вздохов, просто, кратко и с доверием, полагая, что я разделю его чувство, что мы с ним равны в эту минуту, испытывая потерю. Только искренне расстроенный, тактичный человек мог так поделиться с другим своим переживанием.

Читая книгу, я подавил в себе оценщика, редактора, критика (да я и знал, что Михайлов готовил ее, болея) и, поощряемый голосом Буряка в телефонной трубке, стал искать разгадку этого человека. И обращал внимание на строчки, которые при других обстоятельствах, скорее всего, пропустил бы незамеченными.

«Любое проявление доброго чувства меня всегда трогает».

И знаменитый хавбек киевского «Динамо» и сборной СССР уже не кажется далеким в своей великолепной отстраненности, когда он вычерчивал что-то ему уютное на зеленом полотне, вызывая восторг взрывчатого амфитеатра, а предстает совсем в сущности молоденьким человеком, которого, несмотря на все его футбольное молодечество, так и тянет откликнуться на простое сочувствие.

По всей книге цепочкой протянулись слова признательности ко многим и многим встреченным Буряком людям. Одесский мальчонка со знаменитой Пересыпи, привороженный футболом, преданный, вернейший его слуга, всем тренерам, всем друзьям мальчишеских и юно-

шеских лет нашел добрые слова, и это не обязательный, как в анкете, перечень, который отбарабанивают по заведенному порядку выдвинувшиеся спортивные звезды, а проявление святой веры в то, что таким прекрасным делом, как футбол, могут заниматься только прекрасные люди.

Буряк привязчив и честен. Ему было невероятно трудно из родной Одессы, из «Черноморца», перебраться в Киев, в «Динамо», хотя его благословил на отъезд дома тренер С. Шапошников, а пригласил, принял А. Севидов. С третьего раза двадцатилетний Буряк закрепился наконец в Киеве и был признателен за приют и поддержку Олегу Блохину и его родителям. И было для него особым удовольствием состоять на поле в связке с Блохиным, общепризнанным бомбардиром, который был его старше всего на год, и это была связь дружеская, навечно, во всяком случае, именно так ее рисовал для себя Буряк. Он привык к этой дружбе, она делала его сильнее.

И пришла минута. Весной 1982 года сборная готовилась ехать на чемпионат мира в Испанию. Недавно, прошлой осенью, она была на диво хороша, а Буряк в ней был одной из ведущих фигур. И тут вдруг жесточайшая травма, лечение, боли, желание ускорить выздоровление и сомнения тренеров — зачислять ли в состав? Дальше — из книги.

«Мышалов отошел от меня, вышел на улицу. Мимо корпуса трусцой пробежал Блохин, и я увидел, как доктор остановил его. До меня долетели обрывки слов:

— Поговори ты... Может тебя послушают... Надо убедить тренеров... Всего одна пробежка.

Олег пожал плечами.

— Тренеры сами знают, что делать...

Мне показалось, что сердце в груди остановилось. Что-то умерло во мне в эту минуту».

(Быть может, кому-то покажется, что автор очерка слишком широко пользуется книгой Леонида Буряка, изданной не так уж давно, в 1985 году. Но коль скоро тираж ее издательски мал — 30 тысяч, думаю, что мои ссылки и выдержки для большинства читателей окажутся неизвестными).

Справившись с переездом из Одессы, Буряк породнился с Киевом душевно, такие, как он, не могут без сильных привязанностей. Да и как иначе. В Киеве ему сказочно повезло, сбылось решительно все, о чем только смел задумать мальчонка, целыми днями босиком гонявший мяч на пляже в Лузановке. Он — в лучшей команде страны, очень быстро — золотая медаль, и без проволочек — в сборной. Это внешний сюжет, доступный мальчишке. А произошло то, что предсмотреть едва ли было возможно. Настал 1975 год, Буряку всего 22, и он в числе одиннадцати киевских динамовцев, составивших, надо полагать, лучшую у нас в стране команду не по медалям, а по классу игры, с тех пор не повторенную и не превзойденную. Ее опора и украшение — линия полузащиты: Владимир Мунтян, Владимир Веремеев, Виктор

Колотов и он — Леонид Буряк. Ах, как же им игралось в том незабвенном году, как стекались на их матчи несметные толпы! И как шла Буряку его высоко поднятая голова, его прямизна, его сдержанная гордость!

Тринадцать сезонов сыграно за киевское «Динамо», разных, с разного достоинства медалями, с переживаниями, поражениями, особенно болезненными для игроков такого клуба. Но, что бы ни было, Буряк все это время лелеял не призы, не рубли и не доллары, а эмблему своего клуба, парусом надутое заглавное «Д». Но тот, 1975-й остался неповторимым, спели песню, а теперь вспоминай слова да мотив... И не даётся: похоже, да не совсем то. Что поде-лаешь, короток век великих команд, а эту, киевскую, загубил следующий сезон, олимпийский, проваленный без игры, принесенный в жертву ради умозрительных идей изолированной, усиленной тренировки вне чемпионата страны. Это было сильное разочарование для динамовцев, уже разжившихся Кубком кубков и Суперкубком и видевших себя вознесенными надолго. Хрупкая вещь — классная игра. Довелось и через это пройти Буряку.

Давным-давно, когда я еще не был редактором «Футбола» и хотя по возрасту не имел права называться «молодым репортером», но фактически был им по неразвитости познаний о футбольной жизни, довелось мне довольно долго путешествовать со сборной командой страны. Для футболистов и в гостиницах поддерживали строжайший распорядок дня, как в казарме, они томились от скуки, но ничего не поде-лаешь, руководители делегации имели в виду не одни соображения спортивного порядка, но и то, что окружала нас зловеющая граница, которой в те, шестидесятые, годы полагалось советских людей страшать. На меня, корреспондента, правда, распорядок этот не распространяли, я в делегации проходил по другому департаменту. Так вот, потому что номер мой не контролировался и не проверялся, ко мне после отбоя на цыпочках пробирались кое-кто из игроков отвести душу, поболтать, выкурить по полсигаретке, выпить по полрюмочке сухого.

Отводили душу, как заведено, ругая порядки в команде, высмеивая дедовские тренировочные упражнения, снотворные установки на матчи. А компания собиралась такая: Лев Яшин, Альберт Шестернев, Валерий Воронин, Слава Метревели, Галимзхан Хусаинов... И когда я слушал этих звезд, во мне закипало какое-то неясное, но бурное чувство, состоящее из недоумения и протеста. В конце концов я не выдержал и выступил с заявлением:

— Слушайте, друзья, я ничего не могу понять. Что же вы с вашим авторитетом не взбунтуетесь? Вас же обязаны послушать. В интересах дела какникак...

Ответом мне было долгое молчание. Я понял, что выступил невпопад. И Лева Яшин, как всегда деликатный, потрещал

меня по колену и, с веселой хитрецой поглядывая на своих товарищей, сказал: «И после этого мы не скоро соберемся вместе, так, ребятки?»

Ту наивность звезды мне простили. Но я бы не слишком доверял их покорности и беспрекословности.

В том же турне я стал нечаянным свидетелем одной секретной сцены. В подтрибунном коридоре, перед выходом на поле, Воронин, который тогда был в зените своей славы, задержал игроков и вполголоса холодно и резко выговорил: «То, что вам велено, забудьте. Играть будем так: я прохожу справа, ты мне выкидываешь, а сам...»

Буряк, как мне легко предположить, был из дисциплинированных. И в то же время, читая его книгу, я чувствовал, что он ничего не брал на веру. По сути дела, он имел одного тренера — Валерия Лобановского, человека последовательного, несгибаемого-упрямого в осуществлении своей линии. И Буряк полностью отдал ему должное и в достижениях команды, и в своем собственном формировании как игрока. Нет, он не кадил ему подобострастно и не ехидничал с издевкой (с тем и другим сталкиваться мне приходилось), он обдумывал, размышлял и оценивал, соглашался и не соглашался, одобрял и делал замечания. И в этом деликатном моменте Буряк самостоятелен, проявил чувство достоинства большого мастера.

Потом общий, вечный для всех мастеров острый, каменный порог — 31 год. В чемпионате 1984 года у клуба небывалое 10-е место, ну и, как водится, хлопоты с омоложением состава, косые взгляды в сторону так называемых ветеранов. Буряк еще хочет играть, чувствует в себе силу, но ему с его прямизной невыносимо ощущение, что вокруг его места в составе разыгрываются интриги. Он решился на разрыв и с родным клубом, и с родным городом, ответил согласием на предложение «Торпедо». И как водится, мгновенно от него отвернулись поклонники таланта и те, кто из года в год клялись в дружеской верности. Скрепя сердце от всех этих невзгод, напрягши волю, Буряк играл — и превосходно, полезно играл — в «Торпедо», выделяясь среди новых партнеров, позволяющих себе то небрежность, то вольность, то лень, то покорность проигршному счету, безупречным выполнением обязанностей в любых условиях, стойкостью до конца, стремлением в любой игровой эпизод вложить максимум умения. Он выглядел в этой достаточно квалифицированной, но не имеющей памяти о чемпионских высотах команде, как Чайльд Гарольд, как выходец из другого мира, из того незабываемого сезона 1975 года.

И еще один сезон, 1987 года, мы видели Леонида Буряка в высшей лиге, в средней линии харьковского «Металлиста». Ему 34, он прошел все мыслимые ступени, по-футбольному едва ли не старик, а в одном из интервью вдруг пробился мальчишка с Пересыпи, признавшийся чистосердечно, что в «Металлисте» он хотел бы забить те пять

мячей, которых ему не хватало для вступления в Клуб Федотова. Впрочем, вполне возможно, что не мальчишество подсказало ему эту затею, а, совсем наоборот, близость расставания с футболом и желание лишний раз увековечить свое имя, желание понятное, когда каждый день грозит стать последним.

Буряк забил не хватавшие ему мячи. Удовлетворение — да, но никаких восторгов, прыжков и объятий. И вот что сказал, что не мог не сказать, по поводу последнего, заветного, сотого мяча мастер, профессионал: «В какой-то мере забить сотый мяч помогло то, что вратарь ерванцев занял не лучшую позицию и не был готов к моему удару».

Обычно мы, окружающие, любим и запоминаем футбольных героев такими, какими видим их на поле: в майке, трусах, гетрах и бутсах, эта немудреная, легкая одежка в наших глазах становится подобием доспехов, лат, кольчуг, сапог. И когда встречаем их в таких же костюмах, которые носим сами, то чего-то нам не хватает, исчезает какое-то очарование. И точно так же нам, поглощенным зрелищем нескончаемых турниров и матчей, бывает и недосуг и невдомек подумать, что кроме проверяемой врачом команды частоты пульса и видения поля, за которым следит тренер, у наших героев есть и сердце и ум, открытые для переживания, и показное их рыцарство входит в условия игры, а жизнь за пределами магического зеленого прямоугольника своим чередом испытывает их, хлещет и ранит.

Я не мог не подумать обо всем этом, размышляя о Леониде Буряке. О его чистейшей, честнейшей увлеченности футбольной игрой с детства. О его прямизне, заметности и уязвимости. Скорее всего сествистость, ранимость, оставаясь незаметными, на поле заставляли Буряка быть умнее, точнее, неукротимее. Он сам вряд ли стал бы влезать в изыски самоанализа, он просто бы сказал, что играл в тот футбол, каким его себе представляет, только и всего. И это была бы правда.

И еще одно впечатление о книге Буряка. Не помню других мемуаров людей футбола — а их немало издано, — где бы так много строк было отведено жене, где бы герой-автор так охотно и убежденно признавался в ее влиянии, отдавая должное ее заслугам. Меня не удивляли, а радовали эти строки Буряка о его Жанне. Кроме всего прочего, я чувствовал, что мой друг журналист Михаил Михайлов в этом отношении нашел в своем соавторе родственную душу, он тоже всегда был не прочь потолковать о «роли и значении» Натальи Николаевны в его журналистской судьбе. Приятно встречать такие совпадения.

Буряк с достоинством пронес свою прямизну, высоко поднятую голову через множество матчей. Он ничего не делал нарочно, напоказ, специально, не подлаживался ни к тренерам, ни к партнерам, ни к публике, был верен самому себе, и публика его понимала, ценила, полностью доверяла ему.

ТРИ «КИТА» КИЕВСКОГО «ДИНАМО»

«Когда наблюдал футбол с трибуны как простой болельщик, и пред- ставить себе не мог, насколько много- гранна деятельность команды, — про- говорил президент клуба «Динамо» (Киев) Виктор Безверхий и откинулся в кресле самолета, в котором мы возвращались из финского города Куопио с первого матча розыгрыша Кубка обладателей кубков. — Впрочем, интересует ли любителей футбола, заплативших деньги за то, чтобы увидеть зрелище, что и как происходит внутри команды? И нужно ли ему знать об этом?»

Наверное, интересует. И, наверное, пришедший на стадион человек хочет знать, как и за счет чего добывается успеха команда, которой он симпатизи- рует.

КОМФОРТ, ЖЕСТОКАЯ РАБОТА И ХОРОШИЕ ДЕНЬГИ

В первом советском суперклубе, каковом, вне всякого сомнения, явля- ется киевское «Динамо», выигравшее дважды европейский Кубок кубков (1975 и 1986) и Суперкубок (1975), в центре всех интересов стоит игрок.

«Мы обязаны делать все, чтобы наши футболисты не испытывали дис- комфортных ощущений в жизни. И мы делаем это». Заявляя так, руководи- тели клуба вынуждены как белка в колесе крутиться в условиях тотального советского дефицита и общей бесхо- зяйственности.

Футболисты не знают об их усилиях, пользуются плодами их работы как должным, но в то же время отвечают достойной игрой, которая приносит славу и деньги клубу.

Каждое утро от расположенного в центре Киева уютного стадиона «Дина- мо» мягко отходит шикарный, по нашим понятиям, автобус «ФИАТ», полученный в свое время в качестве подарка из Турина в дополнение к сумме ювенту- совского контракта за Александра Заварова. В этом автобусе можно жить — мягкие кресла, электронная кухня, туалет, большой стол, видеоманито- фон и два телевизора.

Тренировочный лагерь клуба распо- ложен в полчасе езды в живописном месте в Конча-Заспе — именно здесь на двух полях, окруженных корабельными соснами, проводится вся тренировочная и восстановительная работа.

Если в день одна тренировка, то она длится не более полутора часов. Затем наступает время двух врачей и двух массажистов клуба. Они тщательно про- веряют с помощью достаточно совре- менного оборудования каждого футбо- листа и готовят их к серьезной работе на следующий день. Через полчаса после того, как последний игрок поки- нет кабинет доктора, данные о каждом ложатся на стол тренера.

В уютной клубной столовой игрокам регулярно подают черную икру, кото- рую сейчас невозможно найти — за большие деньги — даже на черном рын- ке, свежее мясо, овощи и фрукты, кото- рые поступают по договоренности из ближайших колхозов и совхозов.

«Хорошее, научно обоснованное

Александр ГОРБУНОВ

питание — один из элементов игры нашей команды», — считает главный врач киевского «Динамо» Владимир Малюта, работающий здесь уже 17 лет и пропагандирующий среди игроков при- готовленные им самим настои на раз- личных травах.

Работники столовой прекрасно зна- комы с запросами каждого. В день игры они никогда не поставят на стол 32-лет- нему ветерану клуба Владимиру Бессо- нову мясное блюдо — он предпочитает рыбу. 26-летний полузащитник Павел Яковенко, обладающий хорошими зна- ниями в области медицины, сам состав- ляет свое меню.

Почти сорок лет хозяйкой базы киев- ского «Динамо» является Ольга Трофи- мовна Подуран. Трудно сосчитать, сколько поколений футболистов и тре- неров прошло за это время через коман- ду, но Ольга Трофимовна хорошо помнит каждого — живая история киев- ского «Динамо».

Перед игрой футболисты живут в лагере не менее двух суток. Это вынуж- денная мера. Тренеры не отпускают игроков домой, как это принято в запа- ноевропейских клубах, не потому, что боятся слишком вольного их поведения в свободное время, а только потому, что дома они никогда не получат такого питания, которое необходимо в усло- виях исключительно жесткой трениро- вочной работы. Футболисты и их жены с утра до вечера могут бегать по киев- ским магазинам, но нигде не получат того, что стоит на столе в Конча-Заспе.

На следующий день после игры фут- болисты весьма охотно приезжают в лагерь, где их ждут сауна и готовые к работе массажисты. Но если вратарь Виктор Чанов и защитник Андрей Баль заходят в парилку по несколько раз, подбрасывают воду на шипящие камни, то полузащитнику Ивану Яремчуку хват- ает двух-трех минут для того, чтобы крикнуть «жарко!» и пойти в распоряже- ние массажистов, знающих каждую мышцу каждого футболиста.

«От изнурительных тренировок можно было бы повеситься, если не знать, что каждая из них детально гото- вит нас к такой игре, в которой мы в состоянии добиться хорошего результа- та», — говорит многолетний капитан

киевского «Динамо» защитник Анато- лий Демьяненко.

Самой «адской» работой киевское «Динамо» занимается во время подгото- вительного периода. Сил у игроков после тренировок и проходящих на их фоне товарищеских матчей остается только на то, чтобы дотащить до кров- ати и рухнуть на нее. И так — каждый день.

На футбольном поле чемпион и обладатель Кубка СССР-90 — команда единомышленников, коллектив, в кото- ром каждый готов прийти на помощь каждому. В жизни многие из них дружат между собой, но не настолько, чтобы собираться всем вместе в свободное время и за бокалом шампанского обсу- ждать рабочие проблемы. Большинство предпочитает проводить свободное время в семье: на прогулках с женой и детьми, у телевизора, поставив в видео- магнитофон кассету с новым интерес- ным фильмом.

Впрочем, свободного времени мало. Жена Виктора Чанова рассказывала, что в 1989 году ее муж ночевал дома 38 раз.

Валерий Лобановский уделял про- блеме пристальное внимание и старался ее регулировать: раз в год, летом, команда обязательно делала перерыв в работе и на 10—14 дней выезжала на Черное море в Ялту — игроки, жены, дети проводили время как им заблаго- рассудится, причем физические конди- ции футболистов поддерживались только кроссами.

Разумеется, сумма зарплаты и пре- мий игроков киевского «Динамо» дер- жится в секрете, но она достаточно высокая для того, чтобы футболистам не приходилось думать о расставании с этой командой. «На мой взгляд, — гово- рит технический директор киевского клуба Владимир Веремеев, — некор- ректно кому-то со стороны вникать в финансовые вопросы футбольной команды. Лично меня никогда не волно- вало, как и сколько платят в «Днепре» или «Спартаке». Убежден: материаль- ное стимулирование футболистов — сугубо внутренние вопросы конкретного клуба. Тем более сейчас, когда мы сами себя содержим. В конце концов дина- мовцам успех приносили всегда не

деньги как таковые, а футбольный, точнее, профессионально-футбольный курс, избранный командой».

Перейдя на профессиональные рельсы, киевское «Динамо» начало с нуля — в клубной кассе не было ни копейки. Работникам клуба пришлось поработать не меньше, чем футболистам на тренировках. Сейчас клуб, имеющий достаточно авторитетных спонсоров в Италии и Англии, в состоянии, как заметил Веремеев, сам себя содержать, не требуя ни рубля дотации, а, наоборот,

полняя государственную казну налогами от своих доходов, в том числе и валютных.

«Футбольное дело, — считает Валерий Лобановский, — должно быть организовано таким образом, чтобы не только ничего не просить у государства, но и помогать ему. Главное, чтобы не мешали».

Киевскому «Динамо» удалось избавиться практически от всех палок, которые вставлялись в его колеса городски-

ми, республиканскими и всесоюзными организациями и ведомствами.

Клуб, который в состоянии оплатить чартерный рейс «Аэрофлота» для того, чтобы команда не испытывала неудобств и не «торчала» сутками в аэропортах, первым в Советском Союзе создал для своих игроков дополнительный стимул в работе — возможность оказаться в западноевропейском клубе и, в случае хорошей игры, заработать себе на всю оставшуюся жизнь.

Во всяком случае, Александр Заваров, Сергей Балтача, Вадим Евтушенко, Игорь Беланов, Олег Протасов, Алексей Михайличенко, Олег Кузнецов не жалеют о том, что они играли в киевском «Динамо». После сезона 1990 года к киевским «иностранцам» добавились Виктор Чанов, Андрей Баль, Анатолий Демьяненко, Владимир Бессонов, Геннадий Литовченко.

ТРЕНЕР, ВЗОРВАВШИЙ «ФУТБОЛЬНОЕ БОЛОТО»

Режим дня Валерия Лобановского незлыблем вот уже тридцать лет. Каждое утро, где бы он ни находился, Лобановский встает в восемь утра, бегаёт 40 минут, приводит себя в порядок и начинает рабочий день, который

(Окончание на IV вкл.)

портретная
галерея

На снимке чемпионы СССР 1990 года и обладатели Кубка страны — киевские динамовцы. Нижний ряд (слева направо): массажисты Павел Швыдкий и Валерий Евлантьев, Сергей Ковалец, Алексей Михайличенко, Василий Рац, Сергей Шматоваленко, Олег Протасов, администратор Александр Чубаров, Борис Деркач; верхний ряд: тренер Анатолий Пузач, администратор Олег Матовецкий, врач Влади-

мир Малюта, Олег Кузнецов, Олег Лужный, Виктор Чанов, главный тренер Валерий Лобановский, Ахрик Цвейба, Олег Саленко, технический директор клуба Владимир Веремеев, Анатолий Демьяненко, Андрей Баль, Геннадий Литовченко, Михаил Михайлов, Сергей Заец.

Фото Юрия СОКОЛОВА

ТРИ «КИТА» КИЕВСКОГО «ДИНАМО»

(Окончание. Начало на стр. 20)

продолжается чаще всего до полуночи.

После того как весной 1988 года перед чемпионатом Европы у Лобановского был сердечный приступ, он прекратил бегать и занялся по совету своих американских друзей ежедневной полтора-часовой быстрой ходьбой.

«В ходьбе, — говорит Лобановский, — свои несомненные преимущества. У меня есть время подумать на ходу. Иногда я приглашаю в компанию коллег, и за полтора часа нам многое удается обсудить». Обычно обсуждается состав на предстоящий матч или же тактическое построение игры.

Тренерские принципы Лобановского, который сейчас известен всему футбольному миру, выработывались десятилетиями. Его давний друг Олег Базилевич, игравший вместе с Лобановским в киевском «Динамо» в конце 50-х — начале 60-х годов, свидетельствует, что уже тогда левый крайний лучшей команды Украины тщательно следил за всей футбольной информацией, изучал поступающую литературу по спортивной тематике и внимательно приглядывался к работе тренеров киевского «Динамо».

Киевское «Динамо», между прочим, — единственный в стране клуб, в котором налажена серьезная работа по сбору информации. Великолепно владеющий английским языком Михаил Ошемков, сын известного в прошлом тренера киевского «Динамо», тренера, пригласившего, кстати, в свое время Лобановского в команду, собрал за последние 17 лет уникальное досье на подавляющее большинство клубных и сборных команд мира. Досье, хранящееся в многочисленных папках и на видеокассетах, постоянно обновляется. Лобановский, который детально просматривает игры всех соперников, всегда может получить из «сейфа» Ошемкова интересующую его справку.

Лобановский перестал играть в футбол в 29-летнем возрасте, и ему сразу предложили возглавить днепропетровский «Днепр». Лобановский, инженер по профессии, не колебался ни минуты и через два года вывел «Днепр» в высшую лигу, где команда сразу же заняла шестое место.

«Днепр» стал тренерским полигоном Валерия Лобановского. Все идеи, которыми он пользуется в Киеве, прошли серьезную лабораторную проверку в Днепропетровске — городе, к которому до сих пор неравнодушно уехавший на два года в Объединенные Арабские Эмираты тренер.

В связи с отъездом Лобановского так и тянет писать о нем (примени-

тельно к киевскому «Динамо») в прошедшем времени, но это было бы неверно: Лобановский по сентябрь включительно был в Киеве и фактически — в рамках чемпионата страны — не принимал участия только в ключевом матче киевлян с ЦСКА, после которого киевский клуб в тринадцатый раз был провозглашен чемпионом СССР. За 16 сезонов работы Лобановского в Киеве команда восемь раз становилась чемпионом, четыре раза занимала вторые места, два раза третьи, шесть раз выигрывала Кубок СССР, дважды — Кубок обладателей кубков.

Уже в Днепропетровске Лобановский отказался от деления футбола на атакующий и оборонительный, назвав тот футбол, который он хотел видеть в исполнении своей команды, гармоничным.

Гармонии он пытается достичь и в детально подготавливаемых тренировочных занятиях. Суть каждой тренировки Лобановский доступным каждому языком объясняет в течение 15—20 минут перед началом каждого занятия. На поле никаких объяснений не бывает. Все игроки знают, что им предстоит делать в следующую минуту. Знают также и то, для чего это нужно.

Все модели тренировочных занятий, разработанные Лобановским, заложены в компьютерную систему, которой киевское «Динамо» пользуется уже четыре года. Программисты, находящиеся в штате клуба, ежедневно закладывают в машину многочисленные физические, биохимические характеристики на каждого футболиста. В любой момент тренер может получить обобщенные данные и руководствоваться ими при проведении тренировочной работы.

В общем плане тактические воззрения многолетнего тренера киевского «Динамо» просты. Он считает, что в игре могут быть три фазы: первая — его команда отдает инициативу и действует на контратаках, вторая — его команда отбирает инициативу и атакует соперника в той точке, где он овладевает мячом, третья — смешанный вариант, при котором попеременно «работают» первая и вторая фазы.

«Разумеется, — говорит Лобановский, — компьютер не будет вместо нас выходить на поле, но если в него «заложить» максимально возможную информацию, то он, поверьте, может выдать немало хороших советов по поводу ведения игры. Только вот относиться к ним следует дифференцированно. Электронный мозг, например, не в состоянии учесть изменение погоды, отвратительное судейство или предсказать необъяснимую робость нашего форварда перед чужими воротами. Компьютер — не гарантия успеха, но фактор, ему, безусловно, содействующий».

Лобановский верит в технику, но убежден, впрочем, и в том, что она никогда не заменит человека, в том числе и в таком творческом деле, как футбол.

Оппоненты довольно часто обвиняют Лобановского в «роботизации» футбола. «Да, на тренировках мы не просто гоняем мячик, а моделируем

ситуации, которые возникают на поле в матчах. Но чем больше у футболистов в памяти будет автоматических навыков действия в элементарных ситуациях, тем больше времени у них будет оставаться на импровизацию, которая не только не запрещается нами, но — наоборот! — всячески поощряется», — говорит Лобановский.

Критика оппонентов вызвана, скорее всего, нежеланием разобраться в том научном обосновании, которое Лобановский применяет к футболу: к тренировкам и тактическому построению. Они считают, что привнесение в игру научных рекомендаций только вредит ей. Лобановский же полагает, что в век научно-технической революции футбол не может оставаться в стороне от ее развития и делает все, чтобы использовать технические достижения во благо футбола.

Как ко всему этому относятся главные действующие лица — футболисты киевского «Динамо»? С полным пониманием, что благодаря активности киевского тренера в нашем футболе стали образовываться профессиональные клубы, а игроки получили почти беспрепятственную возможность подписывать контракты с западноевропейскими командами.

«Лобановский взорвал в Советском Союзе «футбольное болото», написал однажды «Франс футбол», подразумевая, что благодаря активности киевского тренера в нашем футболе стали образовываться профессиональные клубы, а игроки получили почти беспрепятственную возможность подписывать контракты с западноевропейскими командами.

Бесспорен ли футбол Лобановского? Разумеется, нет. Ошибается ли он? Разумеется, да. Бесспорных идей, равно как и не совершающих ошибок людей, в мире не существует.

НАСТАЛА ОЧЕРЕДЬ ДРУГИХ

Уехали звезды киевского «Динамо». Уехал Лобановский. Команду возглавили Анатолий Пузач и Владимир Веремеев — оба связаны с «Динамо» не одно десятилетие.

«В принципе мы преемники Лобановского, — сказал в одном из интервью Веремеев. — Хотя, разумеется, обстоятельства складываются таким образом, что нам предстоит готовить уже новое поколение динамовцев. Сегодня ведь наша команда очень молода, малоопытна, многим игрокам основного состава еще нужно работать и работать, чтобы вырасти в настоящих мастеров».

Анатолий Пузач и Владимир Веремеев — на тренерской скамейке, Олег Лужный, Ахрик Цвейба, Сергей Шматоваленко, Сергей Заец, Олег Саленко, Борис Деркач, Сергей Ковалец, Андрей Алексаненков, Андрей Анненков, Юрий Мороз, Сергей Юран — на поле: настала очередь других поддерживать незыблемость трех «китов» киевского «Динамо» — высокий уровень тренировочной работы, профессиональную организацию футбольного дела и традиции клуба.

ВАЛЕРИЙ ГАЗЗАЕВ: «ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ!»

Сергей МИКУЛИК

Путь в высшую лигу проходил не только через футбольные поля, но и через учебные классы: Валерий Газзаев объясняет своим подопечным очередное задание

Фото Александра ФЕДОРОВА

Уезжая два года назад работать в нынешний Владикавказ, а в то время город Орджоникидзе, он позвонил на прощание, сказал, что срывается вот, как головой в омут,

чтобы попробовать, какой из него выйдет тренер. «Хочу, знаешь, быть первым или никаким». Я знал это, потому как достаточно знал Газзаева. Знал и, признаюсь, немного сочув-

ствовал ему. Ведь он хотел быть первым сразу, ждать — не в его характере. И в этой ситуации на «никакого» шансов было значительно больше, а значит, Газзаева-тренера мы за просто могли потерять, еще не раскрыв.

Он ведь и игроком ушел, по глубокому моему убеждению, недооцененным. Да, был бесспорным и многолетним лидером московского «Динамо», но вспомните, какие задачи решала команда в пору его лидерства. Единственный яркий за долгие годы промельк — выигрывает Кубок в 84-м, один за семь динамовских сезонов Газзаева. А в первенстве — так даже и до медалей каких-нибудь дотянуться не удалось...

И вот он бросается в тренерство по обычному своему принципу — пан или пропал. Принимает середняка первой лиги (хотя были и другие предложения, куда заманчивее) и обещает — одним уже своим приездом — скорое восхождение, чуть ли не высшую лигу через пару лет. Максимализм — это конечно же хорошо, но уж больно он на тот момент отдавал романтизмом...

— Я действительно сразу и навсегда решил для себя проверить мои тренерские способности и специально выбрал для этого команду, ничего особенного из себя не представляющую. Даже, пожалуй, переборщил — я ведь за две недели до старта первенства появился в Орджоникидзе, и командой всю зиму никто практически не занимался. А как такой марафон без предсезонной работы идти? Пришлось наверстывать упущенное в ходе сезона. Но всего-то было не наверстать без потерь.

Однако функциональная подготовка была не самым большим недостатком в «Спартаке». Хуже было то, что за годы прозябания — будем называть вещи своими именами — на нижних этажах таблицы у игроков команды выработалась устойчивая психология поражения, людей, для которых проигрыш

отдельного матча — вовсе не трагедия, а частично даже и не драма.

Они привыкли быть битыми — за столько-то лет. Дома могли еще на поле с настроением на победу выйти, но в гостях всякий раз как обреченные становились, причем играя против команд, ничуть объективно не более сильных, чем они сами. Заранее настраивали себя, что им не выиграть — так чего тогда попусту биться? Из кого мог, я эту психологию за год выбил, с остальными же пришлось расстаться, хотя в чисто футбольном умении большинства из них на уровне первой лиги мне сомневаться не приходилось.

— Да, взял он круто. Многие думали — ничего, обобьется и даст задний ход, ведь согласно пословице каждый, сующийся в чужой монастырь со своим реформаторским зудом, должен получать по шапке. А по уставу первой лиги, выработанному за двадцать лет ее существования, надо прежде всего отбistar «свои», домашние очки и в гостях особо не рвать жилы — тогда и проживешь безбедно. Но Газзаев словно нарочно скликал эти беды на свою непокорную голову.

— Я же форвард, и по мне футбол должен жить атакой. Безразлично — на своем ли, чужом поле играть, моя команда не должна отсиживаться в окопах. Мне, понятно, говорили, что я авантюрист, что 0:0 во всех случаях лучше, нежели 3:5. Но ведь 0:0 — это та самая окопная психология. Мы все сетуем — отчего же это зритель-то на футбол не идет? Да потому, что неинтересно зрителю смотреть, как одна команда будет другой мешать в этот самый футбол играть. Или как первая команда будет свято оберегать свой вымученный какой-нибудь гол. Это что, зрелище, что ли? Вместо такого футбола человек лучше вечером в очередях протолкается — там хоть что-то полезное для себя можно взять.

— В 1989 году зритель пошел на команду Газзаева, как водится, в самом начале первенства — как ни падает у нас повсеместно интерес к футболу, а за зиму народ все же успевает по игре соскучиться. Пошел — и довольно быстро убедился, что чуда с преображением «Спартак» в суперклуб не произошло. И — тоже по традиции — поостыл.

— Я все понимаю — зритель ждать не может. Но и мне тогда, сразу, дать ему было нечего. Все остальные уже играли, а мы работали. Я смотрел на людей и пытался понять, кто из них чего стоит. Многие сразу не приняли моей позиции — в лиге же есть ЦСКА, «Пахтакор», «Кайрат», «Гурия», куда нам до них?! Задаром грязь помесим, да и осядем в итоге на «надцатом» своем месте.

Тут надо сказать, что игроки не были так уж не правы. Базой у «Спартак» два года назад был домик в лесу. Поля тренировочного вблизи него и то не было — приходилось ездить работать на игровое. Если уж замахиваться на лидерские позиции, так надо бы и условия какие-то создавать.

Почему-то так повелось, что на Северном Кавказе из всех необходимых условий издавна было принято довольствоваться хорошей погодой, которая чуть не круглый год позволяла работать на открытом воздухе. В хорошем климате, дескать, мастера сами вырастают. Да, но дальше-то что? Где и кто в последний раз видел команду мастеров, у которой нет своего тренировочного поля? Какие задачи можно решать на такой базе? Мне было невероятно тяжело в первое время, потому что действовать приходилось сразу на двух магистральных направлениях — ломать психологию не только игроков, но и руководства республики, причем не только спортивного. К счастью, «наверху» мне быстро и охотно пошли навстречу — я сумел убедить людей, от которых зависело решение многих наших вопросов, что футбол сегодня — это индустрия, и прежними кустарно-любительскими методами ничего в нем не добьешься. Какая может быть выс-

«МОЯ КОМАНДА НЕ ДОЛЖНА ОТСИЖИВАТЬСЯ В ОКОПАХ»

шая лига с такой базой? «А если базу современную отстроим, то когда можно ждать результатов?» Я отвечал, через год.

И за год, представьте, базу реконструировали. Не полностью, правда — ремонтные работы там и по сей день продолжают. Но поле сделали — заглядынь. В конце прошлого сезона Газзаев построил на его кромке команду и объявил, что выдерживаться оно должно по технологии ровно год и, стало быть, тренироваться на нем команда начнет, уже вступив в высшую лигу. Кто в это не верит, могут с чистой совестью уходить в любой клуб Советского Союза.

— Я определился уже к тому времени, с кем пойду в дальнейшую «разведку». В недрах той, старой команды вызревала весь сезон новая. Тедеев, Спандаршвили, Иванов — самому старшему из них в 89-м едва двадцать стукнуло. Они еще не испорчены были ни практицизмом, ни рационализмом, и я не простил бы себе, если бы и эти мальчишки начали привыкать к поражениям. Хотя проигрывали мы со «старой гвардией», надо сказать, немало, но ребята видели, как тяжело я эти удары переживаю. Когда наш затянувшийся подготовительно-соревновательный период должен был начать давать результаты, ветераны окончательно поняли, что я не шучу. Кто смог, стал играть на макси-

муме, ну а если меня этот максимум не устраивал, тогда уже извините.

Как футболисту, в свое время — и совсем ведь недавно! — неоигравшему верных пару-тройку сезонов, Газзаеву понятно, конечно, было состояние игроков, с которыми он расставался. Но сделать с собой он уже ничего не мог — раз тронул состав вперед, надо оставлять попутчиков, а не просто пассажиров.

— Гурам Чкареули — явный ведь лидер у нас в нападении был. Но, поди же ты, не верил человек, что мы попадем в мишень, в которую нацелились. А раз так, то какой смысл держать его в команде? Или, напротив, Тимофеев в «Кайрате» когда играл, то явно видно было, что уровень притязаний человека превышает общекомандный. И игрок пришел ко мне, биться за те высокие цели, к каким был готов. «Кайрат» получил за него положенную денежную компенсацию. За Чкареули, кстати, мы с нижегородского «Локомотива» никаких денег не потребовали — в уходе Гурама из команды я не виню, а беду игрока видел.

И все-таки Газзаеву не слишком верили. Ведь объективный критерий в спорте принят все же один — результат, и с этой точки зрения работа Газзаева была топтанием на месте — в 89-м так «надцатыми» и финишировали.

— И какие же я нагрузки в «предсезонке» закатил! Выдержим, говорю, будет нам в конце года высшая лига, а нет — знать, нам сам Бог соваться туда не велел. Выдержали. А потом я вдруг — тренер всегда должен быть непредсказуем — посадил их на однократные тренировки, это когда все сегодня чуть не к трехразовым стремятся! И весь сезон — за исключением одного длительного планового сбора — такой график выдерживал. Воспитывал в людях жадность к мячу и игре. Саша Новиков, который пятнадцатый год в большом футболе, подходил ко мне и говорил, что давно так легко не восстанавливался после тренировок и давно ему так играть не хотелось. И мне те слова — как бальзам на раны.

А раны были. После известных событий число участников чемпионата сократилось, и «Спартак» как раз на первые туры выпал отдых. А начинать со всеми одновременно и догонять вперед ушедших — это далеко не одно и то же. Да к тому же начали эту погоню отнюдь не с удачи.

— Две трети игры с «Таврией» не то что на ее половине — в чужой штрафной сидели. Но — 1:1. И народ же как раз на стартовый матч пришел, ему товар лицом показывать надо. Люди, правда, увидели, что рвения в нашей игре много было, но результат-то, результат... Однако смотрю — как ребята переживают! Раньше бы ничего подобного не было — а что случилось, не проиграла же. А потом мы поехали на выезд и вбили соперникам, никак не ожидавшим, что мы атаковать приедем, все те голы, что «Таврии» не забили, и еще те, что им полагались. И ребята

первый раз сами поверили, что действительно что-то могут. Мне их на тренировках сдерживать приходилось. Зато в играх — летали.

Зритель такой порыв оценил и 30-тысячный стадион стал забиваться до отказа. Газзаева это, естественно, радовало, но у каждой палки, как известно, бывает два конца.

— Понимаете, на нашем стадионе не только мы, но и соперники лишались права сыграть плохо — при такой-то аудитории. Юрий Семин, например, говорил мне, что лучшую свою игру в сезоне московских «Локомотив» показал именно во Владикавказе и что его футболисты забыли уже, когда на них столько зрителей смотреть приходило. Болельщик у нас в городе, надо сказать, довольно объективный и чужую хорошую игру без внимания тоже не оставляет. Нам, правда, для начала со своей разобрататься нужно было. Показательным в этом отношении стал для меня домашний матч против «Пахтакора». Двадцать первых минут мы «возили» соперников как хотели, но забить не смогли, и в первой же контратаке они нас наказали — Хорен Оганесян всегда был непрезойденным мастером такой игры. Мы бросились отыгрываться и... получили второй мяч в свои ворота, а сразу за ним и третий. Но, представляете, продолжали играть на выигрыш, играть как ни в чем не бывало! Раньше ведь стоило сопернику повести в счете, как сразу готовы были белый флаг выкинуть — не наш, мол, сегодня день, смирился с неудачей и подождем следующего. А тут веряют, смотрю, что смогут еще отыграться. И ведь чуть по-нашему не получилось! 3:4 все закончилось, и болельщик нас, проигравших, аплодисментами проводил. И на следующей игре стадион вновь был полон — при такой игре люди признавали за нами и право на ошибку.

Ошибки ошибкам рознь. Грубость на поле — тоже ведь всего лишь ошибка. Так вот, в команде Газзаева: такая оплошность обходится ее игроку в 100 рублей. «Ошибка» с собственным весом стоит 50 рублей за килограмм лишнего, опоздание на тренировку — 20 рублей минута. При чем в высшей лиге «репрессивные» расценки наверняка ужесточатся. Не знаю только, учащаются ли поводы для их применения.

— Грубость я ненавижу всеми фибрами своей души, когда еще играл. И моя команда никогда не будет грубой. Остальное относится уже не к игровой дисциплине, а к внутренней. Других способов повысить ее я как-то не видел — скажу лишь, что за опоздание и превышение веса в течение последнего сезона не был оштрафован у нас лишь Александр Новиков. Все остальные финансами помогли созданному летом 89-го года хозрасчетному клубу «Спартак».

Новиков, кстати, и единственное свое предупреждение в году получил в предпоследнем матче сезона, причем в ситуации, где явного умысла с его стороны не было. От потери сот-

ни, впрочем, это его все равно не спало. Не судья же, в самом деле, будет платить за него в кассу клуба.

— О судьях я лучше умолчу, иначе, если разговорюсь, мне трудно остановиться будет — еще с игровых времен у меня сложились непростые отношения с «людьми в черном». Скажу лишь, что из пяти поражений, которые на нашем счету, судьи в двух случаях получали от инспекторов «тройки» и в одном — «двойку». Из тех, кто запомнился действительно хорошим классом судейства, могу назвать, пожалуй, лишь Спирина. А в целом, на мой взгляд, судейский корпус переживает сейчас нелегкие времена, и если среди игроков у нас ярких личностей меньше становится, то у судей и подавно. И это меня, как тренера, не может не тревожить.

Причину такого резкого взлета «Спартак» бросились по горячим следам исследовать многие, и в исследованиях этих как-то быстро всплыло и стало все чаще повторяться слово «деньги». Игроки стали получать больше, чем раньше, оттого и заиграли лучше. Если намного больше — значит, намного лучше.

— Следуя такой логике, команду должен готовить не тренер, а председатель какого-нибудь преуспевающего кооператива или, еще лучше, совместного предприятия. Или кто-то всерьез может думать, что если игрокам с завтрашнего дня повысится зарплату, то они

«МНЕ ИХ НА ТРЕНИРОВКАХ СДЕРЖИВАТЬ ПРИХОДИТСЯ»

с того же числа резко прибавят в качестве игры? Я считаю, что каждый человек должен получать вознаграждение эквивалентно вложенному труду. И правление хозрасчетного клуба здесь со мной солидарно. Клуб у нас занимается не столь широкой предпринимательской деятельностью, как, например, «Металлург» в Запорожье, но зато мы от той же посещаемости уже немалый доход имеем, что позволяет увеличивать зарплату игрокам. А почему, собственно, нет — ведь это они привлекли людей на трибуны, они создали то зрелище, за которое народ готов платить деньги. Намерены мы создать и совместное предприятие, слухи о деятельности которого несколько опережают действительность. Моя мечта — покончить с пресловутой уравниловкой и иметь возможность заключить с каждым игроком официальный контракт, об условиях которого будем знать лишь мы двое и президент клуба.

Пока же мы еще продолжаем жить в путах давно устаревших инструкций — это я вам как юрист по образованию говорю. Но, думаю, что сама жизнь рано или поздно приведет нас к этому. Хотелось бы, конечно, пораньше.

Максималист Газзаев хотел в прошлом году не просто войти в высшую лигу, а въехать в нее, как истинный джигит, на белом коне — то есть одержать больше всех в своей лиге побед и мячей забить больше, а пропустить меньше всех и по числу поражений быть тоже лучшим. Удалось ему, правда, в итоге не все, но ведь и соперники не лыком шиты.

— Наверное, нельзя одновременно и на перспективу работать, и сегодняшним днем сильнее других быть, но так хотелось... Посмотрите — у меня средний возраст мальчишек — 22 года, а в «Металлурге» или «Пахтакоре» — под 30, а в «Шиннике» и того больше. И где они опытом брали, нам азартом не всегда добрать удавалось. Команды эти боееспособные, спору нет, но вот как они себя в высшем обществе покажут — еще большой вопрос. И остальные фавориты нашего турнира — ставропольское «Динамо», московский «Локомотив», что называется, в возрасте были. А кроме них, за исключением, пожалуй, сухумского «Динамо», особо интересных команд я бы не рискнул назвать — может, потому, что все остальные работают как-то без души, слишком уж на рационализм в игре направили. А по мне так нельзя, если уж вышел на поле — забудь о расчетах. Игрой, а там футбол расудит. Игра-то у нас справедливая...

Да, вот уж что не прилипает к Газзаеву, так это рационализм. Что к игроку, что к тренеру. Я приехал во Владикавказ на один из последних матчей сезона. Когда Валерий со своей командой решили, по существу, уже все свои проблемы. Игра была с «Ростсельмашем», который отчаянно бился за очко. Газзаева ничья — по всем арифметическим раскладам — тоже очень даже устраивала, вплотную подводя к вождьленному первому месту. Погода выдалась отвратительная, полдня хлестал холодный дождь и ветер гонял по беговой дорожке стадиона огромные лужи. В самой большой и глубокой из них весь второй тайм стоял главный тренер «Спартак» и умолял словами, жестами и самой позой свою команду выиграть. Та создавала момент за моментом, но упрямые ростовчане стояли стеной. И лишь за пять минут до конца, когда маленький и легкий (вспомните о «таксе» перевеса!) Бадрик Спандерашвили неожиданно могучим ударом вколотил-таки мяч в сетку, Газзаев облегченно вздохнул, посмотрел на свои безнадёжно испорченные пижонские ботинки из тонкой кожи и перебрался на последние пять минут в лужу помельче.

И как это я мог подумать, что из Газзаева может выйти «никакой» тренер?..

Владикавказ — Москва

ГЛАДИАТОРЫ УХОДЯТ В РЭКЕТ

(Окончание. Начало на стр. 3)

читься уже сейчас относиться к этому иначе — не так, как нас долгое время приучали. И, конечно, не осуждать. Право выбора есть у каждого: один выбирает себе просто работу, другой — способ самореализации, максимального самовыражения.

И вновь предвижу возражения: а как же с утечкой мозгов? Утечкой талантов? Ведь ясно же, что побегут лучшие, талантливейшие. А я ничего страшного в этом не вижу — ведь лучшим и талантливейшим у нас зачастую негде найти себе применение. Мы создаем новые факультеты. Люди получают специальность — иногда единственную в мире по какому-то качеству, но... не находят себе работы по 20—30 лет. Так не лучше ли сохранить сегодня этих лучших, наши национальные кадры, для себя же. А сохранить можно только в действии, только в работе. И ничего страшного, если этот человек сохранит себя на высоком профессиональном уровне на Западе, но при этом будет иметь возможность счастливо вернуться обратно. Вернуться не только сохранившимся, но и обеспеченным (если деньги эти не отберут, как у нас пытаются делать). И, возможно, к тому времени у нас уже появится потребность в этих людях.

Словом, пора нам становиться цивилизованными людьми в отношении к Таланту. В том числе к таланту спортивному. Потому что большой спорт — это прежде всего талантливый исполнитель. И когда мы построим у себя цивилизованное общество, то убежден — продолжая настаивать на своей точке зрения — мы обязательно придем к шоу на спортивной арене, которое заменит «бескомпромиссное сражение», а попросту говоря, драку, превращающую человека в разрушителя.

Говоря о профессионализме в спорте, мы часто обращаемся как к аргументам к балету, цирку. Что ж, там тоже нужно хорошо тренированное, здоровое, координированное тело. Но там нужен еще и сценарий, и режиссер. Спорт-зрелище требует выполнения тех же условий. Но в нашем большом спорте никогда еще не было режиссеров и сценаристов. Я не беру такие виды, как фигурное катание, — там это заложено уже в тренировке. Я беру футбол, хоккей — словом, спортивные игры. И легкую атлетику тоже. Если это не олимпийские игры, а областные соревнования, например, то они должны быть отрежиссированы — выпуск определенных групп, стыковка определенных групп... Зрителя нужно заинтересовать. Его нужно привлечь. А на трибунах должны сидеть мамы, которые будут болеть за своих детей. Правда, их дети могут победить только определенную группу. Что ж, побежденная тоже должна получить свою дозу сна-

стья — может быть, накануне. Все это нужно отрежиссировать. И такая специальность у нас есть — организатор массовых зрелищ.

А как же главная привлекательность спортивного зрелища — непредсказуемость результата, — спросите вы, — она что, исчезнет? Отнюдь. Мы уже слегка затрагивали эту проблему. Возвращусь вновь к Сергею Макарову. Я не часто прибегаю к цитатам, но здесь очень важно послушать выводы Мастера, к которым он пришел на основе собственного опыта.

Итак, он оказался в НХЛ, уже неоднократно побеждая канадских хоккеистов в составе сборной СССР. Пришел и почувствовал себя никем. Не игроком. Почему? Да потому, что не сумел на первом этапе себя реализовать. Не сумел

«СЧАСТЬЕ — ЭТО МАКСИМАЛЬНОЕ САМОВЫРАЖЕ- НИЕ»

себя показать. И на него поначалу не реагировал зритель. А главный критерий в клубной хоккейной команде НХЛ — реакция зрителя. Что же касается непредсказуемости результата, то... чем свободней игра, чем она индивидуальней, — тем больше непредсказуемых комбинаций. Если же целью ставится только победа, только очки, для чего нужен гол любой ценой — коллективными усилиями, с помощью накатанных схем, — то зритель будет ущемлен: он не увидит того, что игрок высокого класса, играя для него, может ему же продемонстрировать, даже пожертвовав голом. Он не забудет шайбу. Он не отдаст передачу (это слова Макарова), но продемонстрирует свое индивидуальное мастерство и порадует зрителя, возможно, больше, чем наши хоккеисты. Порадуется зритель — будет счастлив исполнитель: он лидер! Он наполнен информацией! Он наполнен зрелищем! Макаров сказал, что не получалось у них лишь на первых порах. Потом они сориентировались и сумели использовать свое мастерство, накопленное дома. Их заметили. Сейчас они звезды: Ларионов, Макаров, Фетисов... Значит, Талант в них был заложен

подлинный, только ему не давали развиваться, используя как винтик для машины.

Конечно, Талант требует к себе особого отношения, но... это уже другая тема. Очень большая и серьезная — как сохранить талант в любых условиях. Однако и ее нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от других, которые связаны между собой теснейшим образом, все вместе составляя одну, глобальную проблему — здоровье нации. А мы сегодня, к сожалению, в большинстве своем очень нездоровы. В том числе те, кого так долго принято было считать самыми крепкими, ловкими, бодрыми и здоровыми — увешанные медалями, увенчанные самыми высокими титулами наши спортсмены. Почему? — частично мы попытались ответить на этот вопрос сегодня, коснувшись наиболее проблем большого спорта. Но это лишь часть общей проблемы. А разбираться необходимо во всем. И досконально. В первую очередь в том, как помочь нам всем, большинству (в том числе детям, среди которых больные составляют 75%) вернуть утраченное здоровье. Восстановиться! Конечно, нам требуется помощь. И помогать должен тот, кто это здоровье у нас отнял, — наше в общем-то несчастное государство, которое в силу бесконечных своих ошибок просто вынуждало нас жить неправильно. Поэтому нам нужна Государственная программа оздоровления нации. В ней, конечно, должно быть уделено особое внимание большинству — тем 75%, требующим реабилитации. Но ни в коем случае не должно быть забыто и меньшинство — те оставшиеся 25%, не нуждающиеся в реабилитации, а лишь в дальнейшем совершенствовании. С ними связаны наши надежды. Они должны стать

«НАМ НУЖНА ГОСУДАРСТВЕН- НАЯ ПРОГРАММА ОЗДОРОВЛЕНИЯ НАЦИИ»

нашей опорой, ибо без них нам просто не на что будет себя оздоравливать. Без заботы о них бессмысленно обсуждать проблемы инвалидов, которые в последнее время поднимаются все более остро. Без них нам не накормить пенсионеров... Без них просто не поднять страну!

Если эти проблемы интересны не только нам, медикам, встретимся еще раз. Попробуем разобраться.

КОМУ НУЖНЫ СОВЕТЫ ТРЕНЕРСКОГО СОВЕТА?

(Окончание. Начало на стр. 6)

— Побывал на двух соревнованиях и очень расстроился, увидев игру, уже знакомую по Праге — нервную, невыдержанную... Почему никто не ответит, был ли разбор этих игр? — тренер киевского СКА Леонид Захаров, действительно, огорчения скрыть не может.

— Какие конкретно есть творческие задумки? — интересуется председатель федерации.

— Против каждой команды одна и та же защита. Одно и то же нападение, — делится личными впечатлениями от Сизтла главный тренер ЗИИ Валерий Зеленев. — **Надо разобратся.**

И они искренне пытались разобратся — наставники наших ведущих клубных команд. Наверное, им могли бы прийти на помощь те, кто разместились на задних рядах, у стены. Ведь не школьников согнали на пионерский сбор — игроков сборной страны пригласили на профессиональный Совет. Для чего-то все-таки они пришли в этот зал! Не волновало происходящее? Но ведь обсуждавшиеся проблемы вплотную затрагивали буквально каждого из них. Привыкли к тому, что все за них решит кто-то? Не верили в саму возможность каких-либо серьезных решений в этих стенах? — Ответов на эти вопросы тоже найти не удалось — задние ряды безмолвствовали...

«РАЗГОВАРИВАТЬ ВЫ ВПРАВЕ...»

Казалось, в выступлениях уже стали проскальзывать завершающие интонации, когда поднялся с места наставник краснодарского СКИФа Валентин Шиян:

— То, что у нас сборная не работает уже полгода — это факт... Предлагаю провести голосование о доверии к ее руководству. А там... пусть решает Коллегия...

И хотя в зале раздался голоса в поддержку этого предложения, очень скоро стало ясно, что до Коллегии дело, естественно, не дойдет. Заместитель начальника Управления летних видов спорта Геннадий Кириянов подвел итог:

— Состоявшийся разговор считаю ценным и своевременным. Вся критика — очень показательна. Надо чаще советоваться с клубными тренерами, тем более что сегодня здесь собрались сильнейшие. Конечно, вы вправе разговаривать о доверии и недоверии, только... никто всерьез этот вопрос рассматривать не будет, ведь до Олимпиады осталось всего два года.

И еще: критика — это одно, а переход на личности...

Окончательную точку в разговоре поставил Председатель Федерации гандбола СССР Владимир Кривцов:

— Почему мы так себя ведем? Ведь

раньше всегда пытались во всем разобратся. И результаты были хорошие. И сборная выигрывала много весомых соревнований... Давайте наберемся терпения и окажем помощь в работе сборной команды!

Так о чем же был этот трехчасовой разговор? Как утверждали сами его участники, — за тем и собирались вместе, чтобы эту помощь оказать. И вот как ее понимали:

В. Сидоренко:

— Я не говорю, что надо снимать Евтушенко. Я настаиваю на том, чтобы работу руководства сборной необходимо контролировать.

Л. Захаров:

— Я пришел не снимать главного тренера, а разобратся. Ведь если все оставить по-прежнему, мы еще не раз проиграть можем...

В. Максимов:

Мы, тренеры, должны заботиться о сборной. Всем будет хуже, если она не будет побеждать...

Казалось, все говорили об одном: забота о сборной страны — дело общее, ибо от ее успехов на международной арене напрямую зависит элементарное благополучие и самих игроков, и их наставников, и клубов, питающих сборную. Наконец само существование этого вида спорта, который пока, к сожалению, очень популярным действительно не назывешь. Но вот в вопросе о том, как добиваться этих побед, столь важных всем, к единому мнению на тренерском совете так и не пришли. С одной стороны, его участникам критиковать вроде бы не возбранялось, с другой... только без перехода на личности. С одной стороны — разговаривать о доверии и недоверии они тоже могли, но... никто всерьез эти разговоры принимать не собирался. Тогда зачем созывали со всей страны, действительно, сильнейших (как отметил представитель руководства Управления)? Комиссию создать? — Создали. Что дальше? — «Продолжать выигрывать все, даже играя плохо», — как сказал главный тренер сборной? Возможно ли это?

На этот последний вопрос ответ мы все уже получили. Правда, не на тренерском совете, а чуть раньше — в Пражском дворце спорта, в финале последнего чемпионата мира...

«ЗАЧЕМ МЫ СЮДА ПРИЕЗЖАЛИ?»

— Мы приезжаем второй раз. И опять впустую. Я хотел выяснить основные вопросы, не получилось...

Эти слова наставника ленинградской «Невы» Валерия Сидоренко, сказанные под занавес, побудили обратиться и к другим участникам только что закончившегося совета с просьбой также поделиться впечатлениями о его итогах, о практической отдаче столь авторитетного форума профессионалов. Предоставляем им слово:

Владимир Максимов: Разговор о зарубежных контрактах не случайно был поднят в числе первых. Проблема серьезнейшая, ибо сегодня сложилась парадоксальная ситуация: члены сборной команды могут выехать в иностранный клуб не раньше, чем в 28 лет. Но до них в гандболе еще дожить надо. Игрок же, не нужный ни сборной, ни клубу, отпускается на все четыре стороны. В итоге середняк, на которого не оказалось спроса дома, благополучно получает по полторы тысячи долларов в месяц, да еще находясь на полном

содержании клуба за рубежом. А сильнейшие — опора сборной — по 400 рублей, причем наших кровных, цену которым знают все. Естественно, подобный абсурд стал источником постоянного напряжения и привел к конфликтам в сборной. А состояние ее сегодня и без того весьма плачевное. Победа в Сизтле может дилетанта ввести в заблуждение, но не профессионалов, видевших собственными глазами, как мы еле ноги унесли (да и то не без помощи судей) от молодежной сборной Югославии, которая даже на молодежном чемпионате мира всего третьей оказалась.

Потому группа тренеров, побывавших на Играх доброй воли, и решила собраться — высказать все начистоту руководству сборной. Но оказалось, что наставники клубов, работающие на деньги своих краев и областей, а не находясь на бюджете Госкомспорта, давая своих игроков в сборную, — даже права совещательного голоса не имеют в оценке работы главного тренера. Если подобное противостояние будет продолжаться, боюсь, что клубы просто перестанут поставлять пополнение в сборную. А при все возрастающей их самостоятельности, в связи с переходом на хозрасчет, механизма давления у центра уже не будет. К чему это может привести, думаю, объяснять не надо.

Ю. Прехеда: К сожалению, впечатление от только что закончившегося разговора отнюдь не из приятных. Надеюсь на более серьезное восприятие критики и более весомые результаты. Проблемы, поднятые на тренерском совете, — отнюдь не новые. Я сам был тренером сборной, и еще в семидесятых годах мы разбирали эти конфликты: между наставниками сборной и клубов, игроками... Сегодня они всплыли вновь. Думаю, что причина — в методах работы Евтушенко. Возможно, он просто устал. А ситуация, действительно, тревожная. Убежден, что мировой гандбол сегодня на подъеме. Вижу огромные потенциальные возможности в других странах. Словом, соперничество на мировой арене будет возрастать. Полностью согласен с Максимовым — пора перестраиваться и центру. Пора думать, что клубы становятся все более самостоятельными, не получая от него, центра, ничего — ни финансов, ни экипировки. Методы силового давления себя исчерпали. Если центр будет продолжать так же вести себя по отношению к клубам, это может кончиться фиаско.

От редакции: Последняя информация на тренерском совете гласила: назначено заседание Президиума Федерации гандбола СССР с приглашением тренеров клубных команд. Повестка дня: «О подготовке к Олимпийским играм 1992 г.» Итак, тема разговора та же. Действующие лица — те же. Значит, продолжение следует. Но где гарантия, что это продолжение не обернется повторением...?

ЗВОНОК БРЕЖНЕВА

Футбол в Баку, как, впрочем, повсюду, очень любил, и, конечно, именно этот вид спорта был всегда в центре внимания руководства республики еще со времен Мир Джафара Багирова. Баку дал отечественному футболу в разные годы немало блестящих мастеров кожаного мяча. Достаточно назвать Алекпера Мамедова, Юрия Кузнецова, Эдуарда Маркарова, Анатолия Банишевского, Казбека Туаева. И успехи были у бакинских команд не малые. Самой большой — бронзовые медали бакинского «Нефтяника» в чемпионате СССР 1966 года. Но именно в годы правления Алиева азербайджанскому футболу похвастать было нечем. Более того, футбол переживал глубокий спад. В начале 70-х годов бакинцы вынуждены были покинуть высшую лигу и хотя спустя несколько лет вернулись в нее, «Нефтчи» постоянно был на грани нового вылета. Такое место азербайджанского футбола в отечественной таблице о рангах, конечно, никак не соответствовало амбициям первого секретаря, ибо резко диссонировало с теми победными рапортами и сводками, которые поступали со всех фронтов, прежде всего с промышленного и сельскохозяйственного. Ведь республика при Алиеве ежегодно удостоивалась переходящих Красных знамен за победу во всесоюзном соцсоревновании, а в 1980 году была награждена орденом Ленина. Я помню, с каким нетерпением Гурвич, находясь в ЦК, ждал тассовской ленты с Указом Президиума Верховного Совета о награждении Азербайджана орденом Ленина. Когда мы сообщили ему, что лента получена, потребовал немедленно привезти ее — он хотел быть первым, кто доложит Алиеву о высокой награде.

Но спорт подчинялся своим законам. Он был ареной открытого соперничества и не подвластен припискам, дутым цифрам и другим манипуляциям, которые так легко проходили в промышленности и сельском хозяйстве, где можно было рапортовать, например, о миллионном урожае хлопка, других фантастических рекордах. Разумеется, и в

футболе совершались аферы, «покупались» игры, но только таким путем занять высокое место в турнирной таблице команда, которой явно не доставало мастерства, естественно, не могла.

Сезон 1979 года бакинский «Нефтчи» начал с новым тренером — Игорем Нетто. Мне довелось готовить с ним интервью сразу же по приезде в Баку — планы были обнадеживающие и настроен он был в целом оптимистически — видимо, плохо представлял себе, с какой командой ему предстоит работать, находясь в плену старых представлений о «Нефтчи» образца 60-х годов. В результате после первого круга команда плелась в самом хвосте таблицы, и Нетто вынужден был уехать из Баку.

В качестве палочки-выручалочки пригласили Ахмеда Алескерова, ранее снятого с должности старшего тренера команды. В это время Алескеров тренировал нахичеванский «Араз», куда привез из Одессы нескольких игроков, благодаря чему «Араз» лидировал в своей зоне турнира второй лиги. У Алескерова была основательно подмоченная репутация: тренер-махинатор, футбольный делец, герой нашумевшего фельетона «непотопляемый», лишенный звания заслуженного тренера Украины и Азербайджана... Но спасти положение, в какое попал «Нефтчи» летом 1979 года, мог, казалось, только Алескеров. И надо сказать, что он сделал почти невозможное — вывел «Нефтчи» (используя, естественно, все средства, какие считал нужными) из опасной зоны, оставил команду в высшей лиге. Она заняла 14-е место.

Предположить, что после столь скромного результата последует прием в ЦК, было слишком большой смелостью. Тем неожиданнее для меня были вызов к Гурвичу и его сообщение о том, что Алиев примет команду «Нефтчи», а значит, мне надо идти в ЦК.

Прием состоялся 14 декабря. Когда я вошел в кабинет Алиева, то увидел, что там собралось все руководство республики — и Председатель Президиума Верховного Совета Курбан Халилов, и Председатель Совмина Али Ибрагимов, и старый знакомый — секретарь ЦК Кямран Багиров. Присутствовали также кандидат в члены бюро ЦК КП Азербайджана председатель Совпрофа республики Зулейха Гусейнова, зампредсовмина Кямран Гусейнов, председатель Спорткомитета Геннадий

Рзаев, о котором я уже не раз упоминал, председатель исполкома Баггорсовета Айдын Мамедов, зам. зав. отделом науки и учебных заведений ЦК Буният Сардаров.

Алиев кивнул головой помощнику, и в кабинет впустили футболистов и их тренеров. Все они расселись за длинным приставным столом и на боковых стульях — встреча началась. Дали слово Алескерову. Говорил он довольно долго: о том, каким трудным выдался сезон, в каком невероятном сложном положении он принял команду и как удалось вывести ее из прорыва. Алескеров говорил с подчеркнутой уверенностью, как человек, которому все должны быть обязаны чудесным спасением «Нефтчи», обильно пересыпал свою речь чисто футбольными терминами, совершенно неизвестными большинству его слушателей.

— Вы представляете, Гейдар Алиевич, — сказал он, например, — придя в команду, я увидел, что игроки настолько плохо подготовлены физически, что ни один не мог выдержать тесты Купера.

Алиев, вряд ли слышавший о каком-нибудь другом Купере, кроме Фенимора, никак не среагировал на слова Алескерова, и тот продолжал. Когда старший тренер закончил свою, так сказать, вступительную речь, начались вопросы. Не помню уже, кто из руководства спросил Алескерова, почему команда так неуверенно играет в защите.

Алескеров отвечал довольно просто, говорил о тактике, о технике, а в заключение сказал:

— Объективно по своим физическим возможностям мы уступаем большинству других команд, особенно российским. Ведь мы — люди низкорослые, соперники, как правило, превосходят нас в росте, и это прежде всего затрудняет игру в защите, борьбу за верховые мячи.

Этот довод Алескерова вызвал совершенно неожиданную реакцию Алиева. Он резко встал, лицо его потемнело от гнева.

— Мы отвергаем этот ваш тезис, товарищ Алескеров, — почти вскричал первый, подкрепляя свой протест энергичной жестикуляцией. — Решительно отвергаем. Мы, азербайджанцы, — горный народ. А горные люди — высокорослые. Так что ваши объяснения оскорбительны для нас.

Я смотрел на него и думал о том, что уж кто-кто, а Алиев имеет право на возмущение. Высок, здоров, представительен. Под стать ему был и Кямран Багиров. Как ни странно, но самыми маленькими были в этом кабинете несколько футболистов, да еще Председатель Совмина А. Ибрагимов.

После гневной реплики Алиева в кабинете воцарилась тягостная тишина. Алескеров, видимо, растерялся и не знал, что сказать. На помощь ему пришел Г. Рзаев:

— Гейдар Алиевич! Алескеров неверно выразился. Он хотел сказать, что просто в команде подобрались в основном низкорослые футболисты. Речь идет только о команде.

— Ну, это другое дело, — успокоился Алиев. — Значит надо подбирать игроков с соответствующими физическими данными.

Инцидент оказался исчерпанным, и все облегченно вздохнули. После того как вопросы к Алескерову закончились, свой традиционный монолог произнес Алиев. В моем официальном отчете значится:

«Г. А. Алиев поздравил футболистов и тренеров с окончанием трудного сезона. Неудачи на старте чемпионата, — сказал он, — поставили команду в критическое положение, но принятые организационные меры позволили выправить сложившуюся ситуацию, футболисты проявили волю, бойцовский характер, лучше провели второй круг чемпионата и сохранили за собой место в высшей лиге. Однако 14-е место, занятое в чемпионате, далеко не соответствует ни возможностям команды, ни богатым традициям азербайджанского футбола.

Наступающий 1980 год для спортсменов необычный, олимпийский — подчеркнул Г. А. Алиев. — Это — и год славного 60-летия Советского Азербайджана. Ознаменовать его новыми достижениями — дело чести спортсменов республики. Не должны стоять в стороне от этой важной задачи и футболисты «Нефтчи», от которых любители спорта Азербайджана, справедливо желающие видеть свою команду в числе лучших в стране, ждут хорошей, красивой, а главное... — стабильной и результативной игры...»

Алиев говорил долго, и, естественно, не все из того, что он говорил, предназначалось для печати. Я чувствовал, что он должен сказать нечто важное, объясняющее причину этого странного приема. Действительно, зачем первому секретарю нужно принимать команду, ничем себя не проявившую, имеющую прочную репутацию аутсайера. Хвалить ее не за что, ругать — бессмысленно. Нет, тут что-то другое. И вот, сделав небольшую паузу, об этом другом вдруг и заговорил Алиев.

— Хочу сказать вам вот о чем. Вчера мне звонил Леонид Ильич Брежнев. Он просил передать свои поздравления трудящимся нашей республики в связи с успешным окончанием года, отличными показателями. Леонид Ильич с присущей ему теплотой говорил об успехах республики, интересовался нашими проблемами. А в конце разговора Генеральный секретарь сказал: «Все ты там, в Азербайджане, поднял, Гейдар Алиев. Только вот футбол поднять не можешь». И мне нечего было возразить Леониду Ильичу.

Теперь мне все стало ясно. Если звонок Брежневу не был выдумкой (а я не думаю, чтобы Алиев пошел без особой надобности на такое сочинительство), то тайна приема объяснялась очень просто. Первый, как это и было заведено в среде руководителей любого ранга, просто реагировал на критику сверху, тем более что в данном случае она исходила от самого Генерального. Брежнев слегка, скорее даже в шутку, пожурил

его за недостаточное внимание к футболу — значит, это внимание нужно было самым срочным образом проявить. Как? Устроить прием в ЦК!

...Прием близился к концу, когда Алиев взял со стола довольно толстую тетрадь и стал перелистывать ее. «Что это еще за тетрадь?» — успел подумать я. И, словно отвечая на мой немой вопрос, Алиев сказал:

— Мне передали ваши просьбы, пожелания. Они изложены здесь и касаются различных бытовых вопросов — выделения квартир, автомашин и импортной мебели. И квартиры, и машины заявленных марок вы получите. Несколько сложнее обстоит сейчас дело с импортной мебелью, но и с ее приобретением постараемся вам помочь. Я хочу подчеркнуть, что мы делали и будем делать для вас, футболистов главной команды республики, все от нас зависящее. Но мы в то же время вправе ждать, что вы ответите на эту заботу и внимание к вашим нуждам хорошей игрой, высокими результатами.

Слушая Алиева, я не переставал удивляться поразительной наглости футболистов и их тренера, не постеснявшихся прийти в кабинет первого секретаря с этими списками. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС должен был устраивать им мебель, машины... И за что? За то, что они едва не вылетели из высшей лиги? Да, поистине, все увиденное здесь иначе, чем фарсом, не назовешь.

Так закончился последний из трех спортивных приемов в ЦК, участником которых мне довелось быть. Поднять футбол в республике, как того требовал Брежнев, Алиев так и не смог; Алескерова через два или три года в очередной раз с треском сняли с поста старшего тренера. Я узнал об этом, зайдя как-то к Гурвичу и услышав, как он вовсю ругает старшего тренера «Нефтчи», не стесняясь самых резких выражений и настоящей брани. Это был верный признак того, что песенка Алескерова спета, ибо Гурвич никогда не позволял себе ругать человека, находящегося при должности. Другое дело, когда вопрос о снятии считался решенным и Гурвич заблаговременно узнавал в ЦК об этом. Ну тогда... Однажды, когда я жаловался ему на несправедливость претензий, предъявленных мне по поводу одного материала руководителем (точнее, руководительницей) высокого ранга — кандидатом в члены бюро ЦК КП Азербайджана, он добродушно прервал меня и сказал:

— Вы не обращайтесь на нее внимания, Валерий. Она же дура! — Эта характеристика, лишенная всякой уклончивости, была настолько выразительна, что я понял — мой высокопоставленный оппонент попала в немилость у первого и доживает на своем посту последние дни. И действительно, через неделю она была освобождена от работы. В том, что по поведению Гурвича можно безошибочно предсказывать судьбу должностного лица, я убедился и в случае с Алескеровым. оказа-

лось, что Гурвич столь нещадно бранил его уже после того, как бюро ЦК решило вопрос о снятии старшего тренера «Нефтчи».

На долю некогда популярной команды выпала трудная судьба. Громкие фразы, на которые не скупилось руководство, щедрые подарки футболистам не могли заменить кропотливой работы по развитию футбола, совершенствованию мастерства игроков. В результате спустя несколько сезонов команда вновь выбыла в первую лигу, где и играет до сих пор. А жаль — бакинский футбол знал лучшие времена.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Я рассказал о трех приемах у Алиева, типичных для обстановки парадности и шумихи, царивших все 13 с лишним лет, в течение которых он возглавлял республику. Вероятно, приемов этих было бы еще больше — наверняка он принял бы вновь Каспарова после завоевания звания чемпиона мира; возможно, Магаддина Аллахвердиева, трижды подряд выигравшего мировое первенство по классической борьбе; не исключено, что еще раз встретился бы с футболистами, если бы опять понадобилось срочно отреагировать на звонок из Кремля. Но этим приемам уже не суждено было состояться, ибо в ноябре 82-го Алиев переехал на работу в тот самый Кремль, откуда звонил в Баку уже сам.

И в тот же день, когда он на Пленуме ЦК КП Азербайджана произнес свою прощальную речь, я по поручению Гурвича, отправил в ТАСС сверхважную информацию о том, что новым первым секретарем ЦК избран Кямран Багиров, и сообщил его биографические данные. Впервые главным руководителем республики становился человек, проживший много лет в спортивном мире. Это радовало и вселяло надежды.

Увы, им не суждено было оправдаться. У Багирова руки до спорта просто не доходили, а возможно, лучше других зная истинное положение дел со спортом в республике и считая, что выправить его вряд ли удастся, он не хотел зря тратить время и силы. Так или иначе, но каких бы то ни было серьезных изменений в спортивной жизни республики при Багирове не произошло.

Прекратились и приемы спортсменов в ЦК, во всяком случае официальные, с последующим освещением их в печати, хотя именно на этот период пришлось три лавровых венка Каспарова и три чемпионских титула Аллахвердиева, сенсационная победа сборной команды шахматисток Азербайджана на Спартакиаде народов СССР.

Багиров не стал связывать их успехи со своим именем — помимо всего прочего это могло вызвать неудовольствие Гейдара Алиевича, зорко следившего из Москвы за тем, что делается в республике. В его отсутствие «золотой» алиевский век здесь кончился и фанфары должны были умолкнуть.

Валерий АСРИАН

ГОЛЬФ

В прошлогоднем ноябрьском номере «Спортивных игр» читатели могли прочитать статью «Гольф: за и против». Социально-экономические аспекты появления у нас этого экзотического, с нашей точки зрения, но почти обыденного на Западе, вида

спорта в той статье были освещены досконально.

Сейчас же многих заинтересованных читателей интересует другой вопрос: как, собственно, играть в гольф, каковы основные правила этой игры? Отвечаем им.

Гольф — игра преимущественно для среднего и пожилого возраста, очень распространена в Западной Европе и Северной Америке. Игра происходит в поле, парке, на опушке леса, берегу моря, на умеренно пересеченной местности. Площадь от 50 тыс. до 200 тыс. кв. м разбивается на 9 или 18 размеченных значками дорожек. Длина каждой дорожки (которая остается в своем естественном состоянии) — от 145 до 470 м, а ширина ее — 30—40 м. В начале дорожки слегка очищается начальная дорожка, ставят два проволочных прута высотой около 1,2 м над землей с дисками, перпендикулярными направлению дорожки. Сзади дисков устраивается из земли «начальный холмик» высотой около 2,5 см, с которого производится первый удар по мячу. Часто холмик делают в виде деревянного гвоздя с большой вогнутой шляпкой.

На конце дорожки на расстоянии 145—470 м выравнивают поверхность площадью около 20 кв. м — конечную лужайку, делая ямку посередине в 11 см

диаметром и 10 см глубиной. В ямку ставят металлический цилиндр, внутрь которого водружают флажок.

Расположение дорожек таково, чтобы конец одной находился близко к началу другой и чтобы естественные препятствия были разнообразны.

Мяч для гольфа — из литой вулканизированной резины, 14 см в окружности, имеет внутри малый резиновый шарик, оплетенный резиновой ниткой, с шероховатой тисненой поверхностью, весом около 42,5 г. Каждый игрок обычно имеет не менее 4 мячей.

Посылают мяч специальными палками длиной от 0,85 до 1,1 м с головкой на нижнем конце. Головка расположена под углом к рукоятке. Диаметр палки сверху у рукоятки — 2,25 см, внизу у головки — 1,2 см. Палки бывают разной формы и отличаются друг от друга величиной, толщиной и формой головки, которой бьют по мячу. Обычно играют, имея 6—9 палок разных типов: две с деревянными головками и 4—7 — с металлическими. Палки имеют названия: «драйвер», «брасси», «спун»,

«клик», «зирон», «мидайрон», «мэши», «ниблик», «путтер».

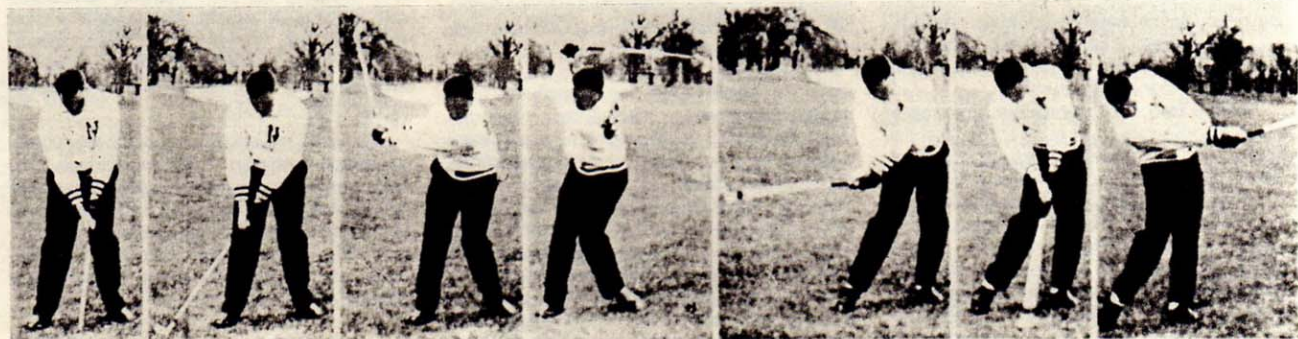
«Драйвер» («кнут») имеет длинную ручку и деревянную головку. Употребляется для ударов на большие расстояния с начального холмика.

«Брасси» («медный») похожа на «драйвер», только головка палки больше отклонена назад и имеет медную пластинку снизу. Употребляется для ударов с удобного места и для максимальной длины полета мяча.

«Клик» («щеколда») имеет металлическую головку и длинную ручку. Головка очень мало наклонена. Употребляется для средних дистанций, когда положение мяча недостаточно удобно для «брасси».

«Мидайрон» («полужелезный») имеет более короткую ручку и тяжелее «клика». Головка более глубокая и более наклоненная, чем у «клика». Употребляется для броска мяча в воздух при приближении к яме.

«Мэши» («пест») имеет более короткую и более наклоненную головку, чем «мидайрон». Употребляется для посылки на короткие расстояния, при приближе-

нии к конечной площадке или для игры из трудного положения. Размах этой палки делается только наполовину или на три четверти обычного.

«Ниблик» («кий») имеет короткую круглую головку. Употребляется для игры из песка или при трудных препятствиях.

«Путтер» («для лунки») имеет самую короткую ручку и головку без наклона. Употребляется для ударов на очень короткие расстояния, при игре на конечной площадке.

Каждый игрок гонит ударами палок свой мяч от начального пункта до ямки, проходя поочередно таким образом все дорожки. Мяча соперника касаться воспрещается.

Выигрывает игрок или партия, загнав мяч наименьшим количеством ударов во все 9 или 18 ямок. Техника удара по мячу во время прогона по дорожке отличается сильными размашистыми ударами, а при приближении к ямке на конечной площадке — осторожными короткими ударами.

Способ держать палку зависит от индивидуальных особенностей игрока и типа палки, но преимущественно применяются два варианта: первый, при котором пальцы — большой и остальные — частично прикрывают друг друга, причем большой палец левой руки лежит вдоль рукоятки, а правая рука лежит ближе к головке, и второй, когда большой палец и остальные соприкасаются и ладони охватывают одна другую.

Положение корпуса различно при разных условиях. Наиболее часта такая позиция: ноги расставлены на ширину плеч, носки наружу. Мяч находится на 5—6 см ближе к левой ноге, чем к правой. Когда держат конец ручки палки у пояса, то головка палки должна достигать мяча. Руки согнуты, взгляд направлен на мяч.

Удобно став, игрок размахивает палкой вперед и назад над мячом в направлении его полета несколько раз, затем на один момент останавливает головку палки на земле сзади мяча и с размаху наносит удар.

Каждая палка, как уже говорилось, служит для различного удара, и не всякий вариант может быть сделан любой палкой. Удар зависит от положения мяча, расстояния от ямки и желаемой высоты полета мяча.

Различаются следующие основные виды ударов:

длинный удар для посылы мяча на далекое расстояние;

удар с недалекого расстояния от конечной площадки, предназначенный для того, чтобы положить мяч на площадку;

после того как мяч достиг конечной площадки, применяются удары, направляющие мяч в ямку, — это не сильные, но точные удары по мячу;

иногда необходимо (перед высоким препятствием или при плохом положении мяча — в ямке и т. п.) поднять мяч с грунта. Для этой цели служит та часть головки, которая при ударе касается мяча. У разных палок она наклонена назад под различными углами для того, чтобы облегчить подъем или, наоборот, избежать его;

особым ударом можно отклонять мяч во время его полета влево или вправо.

Посыл мяча никаким другим способом, кроме удара, не разрешается. Нельзя мяч подбрасывать или толкать.

Есть две давно установившиеся формы игры, называемые «на ямки» и «на удары», и третья недавнего происхождения — «без соперника».

В игре «на ямки» объектом является выигрыш ямок, т. е. необходимо каждую ямку взять меньшим числом ударов, чем соперник. Основным является счет числа выигранных ямок, а не число ударов всей игры.

В игре «на удары» основным является наименьшее число ударов за всю игру.

«Без соперника» — форма игры, в которой каждый игрок сравнивает свой счет каждой ямки со счетом, утвержденным соответствующей организацией для каждой ямки.

Утверждаемый организацией счет представляет собой число ударов, которыми хороший игрок может взять каждую данную ямку. Можно играть без соперника с гандикапом.

При игре «на ямки» и «на удары» могут играть:

два игрока один против другого — «одиночная игра»;

два партнера играют одним мячом против двух соперников, играющих также одним мячом, — «четверка»;

один игрок играет против двух играющих одним мячом — «тройка»;

три игрока играют каждый своим мячом — игра «в три мяча»;

игра «в четыре мяча» — в этой игре два партнера имеют по мячу. Каждый из игроков играет своим мячом, но в зачет

результата идет лучший мяч партнеров против лучшего мяча соперников;

игра «в лучший мяч» — любое число игроков более трех играет каждый своим мячом. Выигрывает лучший.

Игры «одиночная», «тройка» и «четверка» имеют преимущество при прохождении по дорожке над всеми другими категориями игр («три мяча», «четыре мяча», «лучший мяч» и «без соперника»). На одной дорожке с небольшой последовательностью можно играть несколько разных партий.

Мимо одиночного игрока (играет один), занимающего дорожку, и двух игроков, играющих одним мячом, могут проходить все категории игр.

Играющие полный «оборот», т. е. на 18 ямок, могут проходить мимо играющих на 9, 12, 15 ямок.

Играющие медленно и отстающие менее чем на одну ямку от идущей непосредственно сзади другой партии должны разрешить по требованию нагоняющих пропустить их по дорожке.

Ишущие потерянный мяч должны дать возможность нагоняющим игрокам пройти мимо и не должны возобновлять игры, пока игроки не отошли на безопасное расстояние вперед.

Первый начальный удар для первой игры устанавливается жребием.

В последующих играх победитель последней игры получает право на начальный удар, при «ничьей» — победитель на последней ямке.

Если первый удар был сделан игроком, не имеющим на это права, то применяются следующие правила:

при игре «на ямки» мяч по желанию соперника может быть возвращен обратно, а неверно сыгравший играет в свою очередь. Штрафа не полагается;

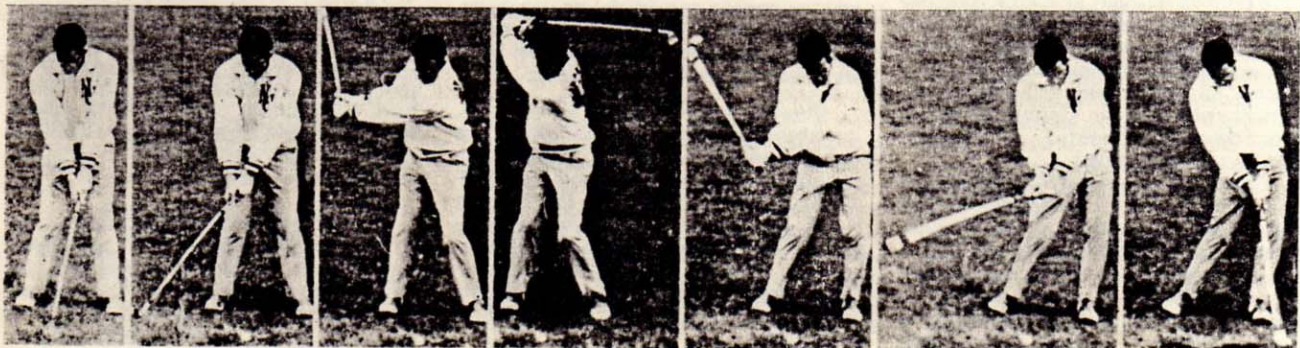
при игре «на удары» мяч не возвращается и штрафа не полагается;

при игре «тройка» и «четверка», если игрок бьет начальный удар не в очередь, т. е. когда должен играть его партнер, то при игре «на ямки» его сторона теряет ямку, а при игре «на удары» игрок дисквалифицируется.

Все правила для первого удара с начальной метки остаются действительными и для всех остальных ударов с метками.

Партия считается законченной, когда полностью пройден один круг дорожек.

Ю. САВЕЛЬЕВ

Александр ВОЛКОВ

КОНЕЙ НА ПЕРЕПРАВЕ

Все больше появляется у нас теннисистов-профессионалов, которые сами стремятся решать свою судьбу: самостоятельно заключают контракты, самостоятельно путешествуют по турнирам. А что же тренеры? В нашем теннисе пока не действует контрактная система, но и без нее ученики не торопятся давать отставку учителям. Как живется сейчас людям, создавшим теннисных звезд, как складываются их взаимоотношения, какие планы на будущее? Слово — заслуженному тренеру РСФСР Валерию ШКЛЯРУ, воспитавшему Александра Волкова, и заслуженному тренеру УССР Валерию БАХЧЕВАНУ, вырастившему Елену Брюхову.

Валерий ШКЛЯР: Начиная с чемпионата Австралия-90, в течение трех месяцев я путешествовал вместе с Волковым, видел все его игры и в конце концов решил, что мне там рядом с ним делать нечего. Казалось бы, если тренер и ученик вместе на всех турнирах много и хорошо работают, то многого достигнут. Но я не учел того, что, играя большинство (примерно 80 процентов) зарубежных соревнований без меня, Саша не привык к моему присутствию за границей. На выезде он первое лицо, начальник, а я во всем от него зависю. Морально это очень тяжело.

Например, я говорю: сегодня на тренировке надо выложиться, а Саша не хочет. Может согласиться на словах, но, поскольку это противоречит его желанию, начинается нервотрепка. В результате Волков выходит на корт и проигрывает. И хотя, приезжая домой, он хочет сразу все успеть и ни в чем себе не отказывает, все равно, как бы он ни устал, явится на тренировку и будет выполнять все мои задания. Потому что знает: без тренерских советов не преуспел еще ни один теннисист.

Со мной Волков контракта не заключал, но говорит, что откладывает на мой счет сумму, какую сам считает нужной. Двенадцать тысяч марок из нее ушли на покупку БМВ. На мои более мелкие расходы достает из кармана деньги без всяких разговоров. Устраивают ли меня такие отношения? Вполне. И до тех пор,

пока нужен Волкову, буду его тренировать.

Но я не могу быть довольным результатом, потому что не нравится мне отношение Александра к делу. Татьяна Наумко, например, нелегко с Чесноковым — я ей не завидую, Наталье Роговой — с Черкасовым, мне — с Волковым. От этого никуда не денешься. У нас с Александром разные взгляды на жизнь. Он любит удовольствия, я же получаю удовольствие от хорошей, до седьмого пота, работы.

Самое большое удовлетворение я испытал после победы Волкова над Стефаном Эдбергом, которая подтвердила мою правоту. Ведь в 1985 году, когда мы перешли на удар одной рукой слева, со всех сторон раздавались голоса: разве можно менять технику восемнадцатилетнему парню. Но вот он обыграл чемпиона мира, значит, не только можно, но и нужно.

И все-таки успехи Волкова могли быть значительно веселее, все дело в нем самом. Он ведь никогда не тренировался с удовольствием, с полной отдачей. Этим Волков разительно отличается от Черкасова. И хотя у Саши появилось гораздо больше честолюбия, чем раньше, не исключаю возможности, что он останется только сокрушителем чемпионов, но сам чемпионом никогда не будет.

Но при всем моем неудовлетворении понимаю, что могло быть хуже. Тем и утешаюсь. К тому же знаю, когда ситуация для Волкова становится критической, он делает все, чтобы из нее выпутаться, начинает много и серьезно работать. А без проблем он не может. Если их нет, обязательно создаст сам.

Волков, как и Зверева, и Чесноков, путешествует автономно. Например, все билеты мы покупаем на валюту. За рубежом наши организационные проблемы решает Ай-Эм-Джи. Визы Саша тоже оформляет, не утруждая нашу домашнюю бюрократию. Выступая, скажем, во Франции, заходит там в посольство страны, где будет играть следующий турнир, и получает необходимые документы.

Календарь соревнований тоже составляет самостоятельно и старается играть как можно больше турниров. Пока теннисист не попал в двадцатку, он маленький винтик, и АТП выгодно запречь его на все 365 дней. Это Волкову только на пользу, пусть набирает игровой опыт.

Кроме того, Саша заключил контракт с берлинским клубом «Рот вайс», выступающим в бундеслиге. Клуб очень богатый. И хотя играть там Волкову приходится только в августе, за ним на весь год закреплен двухместный номер в гостинице, и в любое время он может туда приехать потренироваться, что мы и делали, когда путешествовали вдвоем. Для поездок клуб выделил нам тогда машину, и мы полтора месяца колесили по Европе.

Одна русскоязычная семья уговорила меня подписать контракт и давать уроки тенниса дочери. Я отказался, потому что уже вышел из того возраста, когда мог стоять на корте и подкидывать мячи начинающим; пусть даже и за марки.

У себя в Калининграде я решил на более интересное дело: открываю малое предприятие «Спорт — Туризм — Сервис». Хватит тратить деньги на тех, кто ничего не хочет, и довольно кормить тренеров-тунеядцев. Заплатив десятку за теннисные занятия сына, родители сами проконтролируют, чему и как их ребенка учат.

Для начала мы хотим взять в аренду спортивные сооружения, которые сейчас в ужасном состоянии, и привести их в порядок. Надо, чтобы у каждого стадиона был свой хозяин. Будем предоставлять платные услуги калининградцам и на вырученные деньги ремонтировать спортивные базы, строить новые корты. Думаем организовать теннисные клубы, чтобы люди рвались не в питейные заведения, а к нам, на корты.

Но никто просто так нам стадионы не отдаст. Чтобы пробить аренду, придется ходить по многим кабинетам, где хватает мерзавцев, которые на нашей бесхозяйственности делают деньги и которым больше ничего не надо. Я бы не

НЕ МЕНЯЮТ

Елена БРЮХОВЕЦ

начал этого дела, если бы не было единомышленников, поэтому вера в успех все-таки есть.

Валерий БАХЧЕВАН: То, что у нас много сильных теннисисток 1971 года рождения, сыграло против Лены Брюховец. Можно сказать, две Наташи — Зверева и Медведева — перекрыли ей кислород, потому что Госкомспорт в состоянии обеспечить зарубежными поездками только очень ограниченный круг спортсменов. Когда я как-то спросил Ольгу Морозову, собирается ли она брать на турниры мою Лену, услышал: пусть сначала выиграет чемпионат страны... В том, 1988 году, Лена действительно стала чемпионкой Союза, обыграв на зимнем первенстве друг за другом почти всю сборную СССР: Наташу Звереву, Лейлу Месхи и Наташу Медведеву. Морозова слово сдержала, Лена стала играть в профессиональных турнирах.

Два последних года Брюховец постепенно набирала очки. В 1989-м вошла в число двухсот лучших теннисисток мира, на следующий год прошла три круга отборочных состязаний на Ролан-Гаррос, пробилась в основную сетку Уимблдона. Но результат мог быть и выше, если бы она начала свой путь в профессионалы не с крупных турниров, а с турниров-сателлитов и через них естественным образом dorосла бы до турниров «Большого Шлема».

В детстве Лена покорила меня своим упорством, цепкостью в игре. Маленькая была «качалой». Часто начинала плакать уже с первого гейма. Ревет, но не сдается, упирается. И главное, может в нужный момент выиграть очко, внести перелом в ход поединка. Вообще, у нее характер лидера. Даже если играет в паре с Наташей Медведевой, она — лидер. Голова у нее тоже на месте.

Сейчас уже три года, как Лена действует на корте активно, без свечек. Выходит к сетке пусть не часто, зато эффективно. Лучше, по-моему, выиграть шесть выходов из семи, чем два из двадцати. Над этим мы и работаем, а тренируется она всегда с полной

отдачей. Конечно, работать с ней нелегко. Но если бы с ней было просто, она не стала бы чемпионкой.

Когда мы путешествуем вместе, что бывает редко, то во время матча я всегда сижу на трибуне. И после каждого розыгрыша Лена смотрит на меня. У нас целый язык жестов отработан. В прошлом году на турнире в ФРГ, где Лена вышла в финал, фотокорреспондент засек меня за передачей ей очередного «секретного» совета и на следующий день в газете появился «компромат».

До 1988 года Лена ни разу не проигрывала Аранте Санчес. Она ее называет «мой клиент». Среди советских игроков, кстати, ни разу не проигрывала Жене Манюковой. Но те зарубежные теннисистки, которых Лена побеждала на юношеских турнирах, уже в тридцатке. Почему? Не только из-за большого опыта. Основная причина — в методике тренировок. Обучать теннису на Западе начинают с того, что учат бить, бить и бить на выдохе. Сначала, конечно, при такой игре очень высок процент ошибок. Но постепенно, с опытом игроки набирают и стабильность. У нас все наоборот. Тренеры постоянно одергивают молодого игрока: «Не спеши, поддержи мяч...» За счет такой игры ребенок какое-то время побеждает своих не столь стабильных зарубежных сверстников. Но умение выполнять сильные удары в отличие от стабильности не приходит само собой от долгого повторения и игровой практики. Поэтому из наших детей-чемпионов не вырастают победители турниров взрослых.

В 1988 году у нас в Одессе открылся теннисный кооператив для материального стимулирования тренеров и поддержания спортивной базы в хорошем состоянии. Теперь он перерос в профессиональный спортивный клуб «Дюк» с собственным факсом и автобусом. Наш спонсор — коммерческая фирма «Тирс», миллионер с валютным счетом, образованная при отделе культуры облисполкома. Я уже и факс заслал в Европейскую теннисную ассоциацию о возникновении одесского клуба.

Его задача — вывести на профессиональный уровень как можно больше детей. Дело в том, что нашим сборным командам не нужны теннисисты с пятого номера по десятый. Госкомспорт в состоянии возить четверых-пятерых, а куда девать остальных? Может быть, тот, кто сейчас десятый, через несколько лет обойдет всех первых. Для таких я и создал свой клуб. Уже сейчас в Союзе есть не меньше двадцати теннисистов, способных достойно выступать в профессиональных турнирах и приносить прибыль. У меня самого есть ученик — Кобыленко Павел, стоящий в десятке Союза среди теннисистов 1974 года рождения, или восемнадцатилетняя Маша Тукмакова, тоже из десятки по своему возрасту, но которую никогда не возили. А она, побывав в Канаде по частному приглашению, попутно выиграла и юношеский турнир. И сколько еще таких, кого к десятому классу списывают со всех счетов, если он не пробился в сборную. Это ужасная расточительность.

Таким теннисистам мы и беремся помочь. А поскольку граница близко, можно сесть в автобус и своим ходом — на турнир, например в Болгарию. Даже авиабилеты доставать не надо. Из турниров я подбираю те, где обеспечиваю питание и размещение.

Некоторые родители могут сами финансировать «поездку ребенка». Мы используем любую возможность. На будущее будем заключать контракты не только с одесскими теннисистами и не обязательно на длительный срок, можно и на один турнир.

Другая идея — тренер должен иметь возможность ездить за рубеж вместе со своим учеником. Вот я, например, воспитал чемпионку страны, а что от этого имею? Ничего. Ее возит на турниры старший тренер сборной, Лена играет, набирается опыта, а я сижу дома. Естественно, отстаю от нее. И если в нашей стране знаю всех игроков наперечет, то что могу посоветовать ей перед встречей с западными теннисистками? Остается только слушать ее рассказы по возвращении. Так тренер теряет авторитет.

ШОУМЕН ИЗ ЛАС-ВЕГАСА

Так кто же он? Несравненный талант или самонадеянный выскочка? Неутомимый работяга или невероятный лодырь? Забавный простофиля или хладнокровный бизнесмен? Истинный джентльмен или капризная примадонна? — всё решают и никак не придут к окончательному выводу многочисленные фаны, покоренные его обаянием. Самое же интригующее — это то, что вместо противопоставляющего «или» вполне правомерно употребить соединительное «и». Полноте, да разве можно быть столь противоречивым? Оказывается, да, если речь идет об Андре АГАССИ, стремительно взошедшей звезде на поблекшем было небосводе американского тенниса.

Быть Андре — это непросто! Необходимо иметь прическу рок-звезды, носить черные шорты поверх ярко-розового фосфорисцирующего велосипедного трико (такая форма придумана впервые в истории тенниса!), жизнерадостные по сочетаниям спортивные майки и кроссовки в черно-розовой цветовой гамме, играть ракеткой фирмы «Принс», «загримированной» под «Донней». Быть Андре — это летать по площадке, славиться снайперским глазомером и твердой рукой теннисного гения, посылающего мячи с такой сокрушительной энергией, что, казалось бы, выпущены они из теннисной «пушки» (кстати, подобное сравнение пришло в голову Полю Аннакону после матча с Агасси). И это при скромных по современным теннисным меркам физических данных: росте 180 см и весе 70 кг. Быть Андре — это неутомимо раздавать воздушные поцелуи поклонникам, элегантно запускать мячи в воздух, демонстративно переодеваться на глазах изумленной публики, зарабатывая дешевле, как мы бы сказали, аплодисменты.

Взлет Агасси был столь же стремителен, как и он сам. В течение менее чем трех лет теннисист перепрыгнул с 230-го места мировой классификации на третье, с которого тут же и слетел. Первая популярность свалилась на его непривычные к славе плечи достаточно внезапно. Поэтому неудивительно, что он был не очень-то и готов к весьма значительному «добавочному курсу». Образ свободного художника на корте, который мы попытались набросать, согласитесь, достаточно не традиционен, и

поэтому в привычных рамках профессионального тенниса воспринимается неоднозначно.

Теннисные обозреватели всех мастей задаются вопросом: сможет ли этот обаятельный южанин вывести американский теннис на новый уровень? Или Агасси — явление временное, хотя и достаточно уникальное? Конечно, американским болельщикам, страстно желающим отдать свои симпатии новому герою, так думать не хочется. Наоборот, по их мнению, образ симпатяги-панка как нельзя более подходит на роль, определенную двумя недавними ведущими актерами теннисной сцены США Джимми Коннорсом и Джоном Макинроем. Если один славился умением устанавливать контакт с публикой, а другой несколько скандальной репутацией забияки, то Андре Агасси сочетает в себе и то, и другое.

Сильнейшее оружие Андре — его удар справа, которым он блистательно владел еще в семилетнем возрасте. И что любопытно, играя с детства по несколько часов в день, этот теннисист никогда не сталкивался с травмой локтя. По-видимому, благодаря освоенной им безукоризненной технике и прекрасному чувству мяча. Однако не все знатоки тенниса восхищаются манерой игры Агасси. Интересно, к примеру, мнение Иона Цириака, в настоящее время менеджера Бориса Беккера, а в прош-

лом известного парного игрока, участника трех финалов Кубка Дэвиса в составе сборной Румынии: «Он мог бы революционизировать игру, но вряд ли это ему по плечу. Если теннисист только и делает, что постоянно лупит по мячу изо всех сил, красота игры, если хотите поэзия, теряется. Он не собирается становиться игроком типа «подача — выход к сетке», у него отсутствует, скажем, тонкость Макинроя или импульсивность Илие Настасе. Беккер в его возрасте был совсем не таким. Если игру Андре попробовать сравнить с соло рок-музыканта, то Борис — это целый симфонический оркестр. Но звезд в шоу-бизнесе столько, что я не упомяну их имен, а порядочных симфонических оркестров во всем мире — раз-два и обчелся. И все-таки, надеюсь, не все начнут его копировать».

Как же складывалась теннисная карьера самого одаренного ребенка в клане Агасси? Как формировалось юное дарование?

Андре родился 29 апреля 1970 года в семье иранского эмигранта со звучным именем Эммануэль (в повседневной жизни просто Майк), армянина по национальности, в прошлом боксера, участника Олимпийских игр 1948 и 1952 годов, перебравшегося в 1952 году в Чикаго, а затем и в Лас-Вегас. Там ему удалось получить престижную должность управляющего одним из казино,

Andre Agassi, 1988 semi-finalist U.S. Open, seen here in tenniswear of Coolmax

Match point. Pressure's on. Temperature's up. Tennis phenomenon Andre Agassi needs every last bit of his considerable cool. That's why he wears high performance tenniswear of Du Pont Coolmax.*

Made from an exclusive channeled fiber, Coolmax* fabric transports perspiration...

evaporate with minimum absorption. Won't get clammy or damp like cotton. Coolmax* is also soft, lightweight. And won't shrink or lose its shape through repeated washing and drying. Coolmax* for all high-energy sports. It keeps maximum heat to a minimum. For more information, call 1-800...

которыми так славится этот город в Неваде. Кроме старшего 25-летнего брата Фила, путешествующего вместе с Агасси в качестве менеджера и временами охранника («Андре в семье все еще на правах ребенка, за ним все еще очень хлопотно присматривать»), Андре, папы Майка и мамы Бетти, в семью еще входит 28-летняя сестра Рита, знаменитая тем, что она замужем за теннисной легендой Панчо Гонсалесом, и брат Тамми, студент-второкурсник одного из колледжей в Техасе. Все четверо выросли на семейном корте, на котором постоянно работают, как правило, по 8—10 теннисных «пушек» одновременно.

«Поприветствуйте моего юного чемпиона мира» — так отец представлял ребенка Андре своим приятелям. Папа Майк так страстно желал вырастить лидера, что порой основательно прене-

брегал правилами честной игры: влезал со своими нелецеприятными комментариями во время матча, ругался на судей и тому подобное. Когда юный Андре проигрывал, он и не думал подавать руку сопернику по окончании встречи, при перемене сторон мог и обозвать противника (конфликтность, видимо, у него в крови). Дело в том, что с самого начала карьеры Андре отец не ладил с теннисной ассоциацией США, родителями детей — участников соревнований, что вызывало поток писем с жалобами и гневных протестов. Еще бы, чересчур экспансивный папаша даже угрожал многим родителям расправой. Сейчас это воспринимается как шутка, но тогда многим было не до смеха. Правда, теперешние успехи сына действовали так благотворно, что отец стал миролюбивее, так как достиг всего, чего желал, реализовав себя в сыне.

Хотя юный Андре и мог победить в свое время основных конкурентов, тем не менее он не удосуживался играть во всех необходимых турнирах, определяющих лидера данной территориальной зоны для участия в национальных соревнованиях. Когда Андре исполнилось 13, отец обратился в Ассоциацию тенниса США с просьбой определить мальчика в академию Ника Боллеттери во Флориде. «Но там же армейская дисциплина!» — предупреждали отца, позволяющего сыну, по мнению знакомых, и так слишком многое.

Андре пришлось забросить школу на восьмой ступени обучения и перебраться в Брадентон на три долгих года. Началась кропотливая, изматывающая работа. Ракетки ломались одна за другой, а мальчишка все бил и бил в тренировочную стенку, словно поклялся ее обвалить. Нарастало глухое недовольство, которое приобретало форму протеста. Как-то он позвонил своему другу и дрожащим от еле сдерживаемых рыданий голосом спросил: «Зачем я это делаю?!» Он боялся, что не сумеет преодолеть все препятствия и стать классным теннисистом.

Неуверенность в себе привела к агрессивности в поведении. В сентябре 1988 года на турнире в Лос-Анджелесе Агасси впервые за свою к тому времени уже двухлетнюю профессиональную карьеру перенес серьезный кризис зрительских симпатий: когда события на корте начали принимать нежелательный оборот, Андре попросту затеял скандал. Некрасиво? Безусловно! Макинрой охарактеризовал подобное поведение как «возмутительное, эксцентричное, мальчишеское»...

Понятно, что Агасси только учился вести себя подобающим образом, и это было для него не просто. «Он слишком импульсивен и легко возбудим», — заметил его товарищ по сборной США на Кубке Дэвиса Кэн Флэк, объясняя эмоциональные всплески Андре в критических ситуациях.

«В значительной степени он был панком, постоянной заботой академии, но никак не отличником, — объяснял корреспондентам Джим Курье, сосед по комнате, — нередко его приходилось буквально отмывать в ванной комнате, поскольку Андре обожал сотворять на себе невероятные по расцветке и фасону прически». (Ну, например, стрижка «лесенкой», а цвет волос в полосочку, да еще разных цветов. Не слабо, правда?)

Как же он на самом деле, этот загадочный монстр, как называли Агасси еще три года назад? «Андре — тонкий, мыслящий, глубоко чувствующий, склонный к рефлексии человек, — утверждает его друг и товарищ по теннисным баталиям с самых детских лет Перри Роджерс. — Мы часто анализируем различные правовые коллизии, которыми так богат мой бизнес, и он всегда верно прогнозирует решение судьи. Я окружен в университете блестящими умами, но Андре как человек, на мой взгляд, предпочтительнее, чем кто-либо другой. Его девиз: «Я хочу это узнать». Еще бы, перед тем, как начать

кочевать по турнирам, знания Андре о мире ограничивались киноковбоями да киноиндейцами. Побывав впервые в Перу и услышав об инках, он просто-душно поинтересовался, а кто они, собственно, такие.

После блестящего сезона 1988 года, когда новоиспеченная звезда, сверкая широкой улыбкой покорителя дамских сердец, выиграла шесть турниров и вплотную приблизилась к самой вершине теннисного Олимпа, заняв третью строчку в мировой классификации, наступил год следующий, неудачный. Лишь одно соревнование удалось занести в свой актив: «То, что я привнес в теннис (поведение шоумена) вызывало сомнения у всех: а хорошо ли это? Все хотели, чтобы я победил, но я не мог, потому что «объелся» теннисом. Не был готов ни к чему и ни при каких обстоятельствах. По-моему, удачное время началось для меня с февраля 1990 года. Я вырос и теперь готов преодолевать все возможные препятствия».

Агасси удалось значительно улучшить свою физическую подготовленность благодаря занятиям с Гилом Рейсом, новым тренером, специалистом по скоростно-силовой подготовке, который разработал специальную тренировочную программу для своего подопечного. «Он действительно взялся за меня, сумел мотивировать», — констатировал Агасси.

Более того, удалось наконец разрешить проблему с ракеткой. Дело в том, что в конце 1988 года Агасси подписал пятилетний контракт на сумму 6 млн долларов с фирмой «Донней», но не смог воспользоваться ее услугами — ракетка вертелась в руке и была явно неудобна. События принимали столь скверный оборот, что папе Майку пришлось срочно отправляться в Бельгию и консультироваться с изготовителями. Сошлись на том, что Андре начнет играть «Принсом», но на струнах будет красоваться буква «Д», знак заключившей контракт фирмы.

«Мы много работали и, к счастью, разрешили практически все проблемы. Но самое главное, что мы не потеряли Андре. Мы всегда верили в то, что он вернется», — объяснял Ник Боллеттьери.

И действительно, 1990 год ознаменовался творческим подъемом. Агасси выиграл «Липтон», престижный международный чемпионат, проводящийся с 1985 года в теннисном центре имени Рода Лейвера и традиционно собирающий всю мировую элиту. В финале Андре разгромил Стефана Эдберга и в результате убедительно занял четвертую строчку в мировой таблице о рангах, пропустив вперед лишь Ивана Лендла, Стефана Эдберга и Бориса Беккера. Наконец-то Ник Боллеттьери улыбнулся...

Помимо этой победы теннисист из Лас-Вегаса подбодрил болельщиков и своими успехами на открытых чемпионатах Франции и США, дойдя до финала и уступив лишь Андрусу Гомешу в Ролан-Гаррос и Питу Сампрасу во Флэшинг-Мидуо.

К сожалению, Агасси избегает участвовать в Уимблдонском турнире. Только однажды, в 1987 году, Андре вышел на травяные корты этого загородного местечка и, видимо, не почувствовал себя достаточно уверенно. «Я не знаю, почему этот турнир так привлекателен для многих и многих?» — вопрошает недоуменно американец. Будем надеяться, что он изменит свое решение, а то, может статься, повторится история Ивана Лендла, не жаловавшего в свое время открытый чемпионат Англии, а затем страстно желающего его выиграть.

Перемены в Агасси очевидны. Когда после победы над Эдбергом тринадцатитысячная зрительская аудитория в едином порыве встала, чтобы поприветствовать Андре аплодисментами, он отреагировал весьма сдержанно, в рамках своего нового имиджа: несколько вежливых поклонов публике, вот и все. После матча он признался в том, что прошлый неудачный год помог ему осознать свои ошибки и поработать над собой в необходимом направлении.

Джим Лоэр, известный американский психолог-практик, как-то писал, что чудесное превращение Агасси из темпераментного, нервного, легковозбудимого да просто невоспитанного подростка в благородного джентльмена не иначе как уникально. Это самое удивительное, что ему когда-либо приходилось встречать в жизни. Что же произошло? Близкие уверяют, что источник перемен — это новый взгляд на жизнь, который возник благодаря постоянному общению (а не поверхностному ознакомлению) с Библией.

Еще в детстве маленький Агасси посещал приходскую лютеранскую школу, но это было так давно, что успело забыться. И вот зимой 1987 года с ним сблизился Фриц Глаусен, священник, постоянно путешествующий с теннисистами-профессионалами, который и помог Андре вновь обрести себя. Так, в духовных беседах с пастором, Майком Чангом и другими верующими теннисистами Агасси все более укрепился в христианстве: «Мне удалось разрешить многие вопросы, которые ранее казались неразрешимыми. Я понял, что, помимо тенниса, денег и славы, в жизни существует так много важных вещей. И я подумал, надо дать Библии шанс».

Вот как Агасси объяснил журналистам свое отношение к религии: «Мне кажется, человек может развиваться по двум направлениям: либо стремиться помогать другим, либо замыкаться на удовлетворении собственных эгоистических желаний. Я не торопился помогать другим, концентрируя все на себе. Христианство помогло мне обрести внутреннее согласие с самим собой и осознать незначительность тех переживаний, с которыми связана теннисная карьера. Оказалось, нет ничего страшного, когда проигрываешь, а раньше мне казалось, что это чуть ли не конец света».

«Я поражаюсь силе его духа, — искренне восхищается Яник Ноа, — это

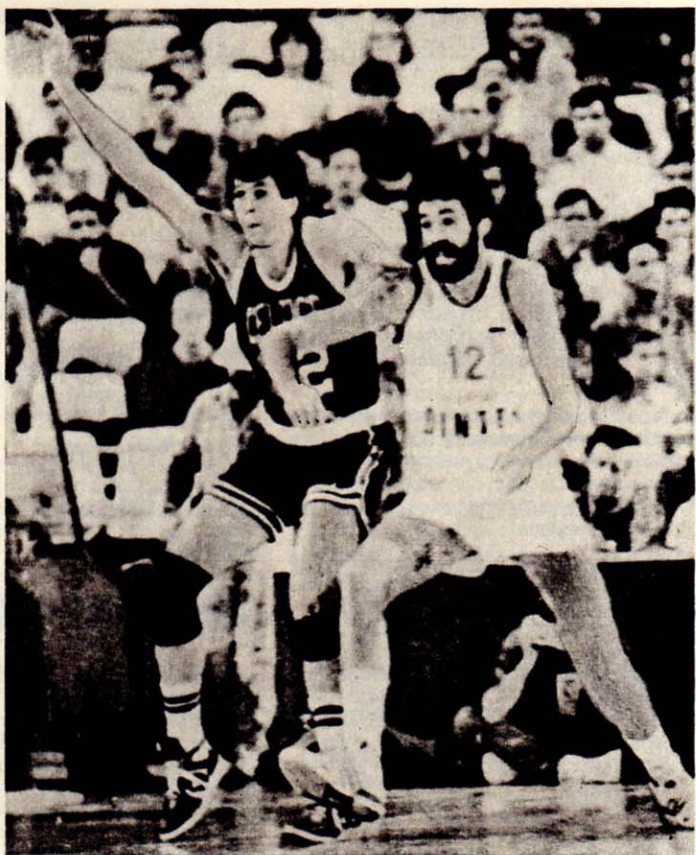
просто великолепно: встретить человека успеха, не принимающего ничего близко к сердцу». Но это лишь внешнее впечатление, в действительности же Андре — «самый открытый, верный, честный, лояльный друг, которого только можно иметь», считают близко знакомые с ним ребята.

Не правда ли любопытно, как проходит свободное время миллионеры? Оказывается, очень просто. Например, после одного из турниров, когда и на мяч-то уже не хотелось глядеть, «солнечный парень» (одна из характеристик, данных Агасси прессой) созвал близких друзей, пригласил свою девушку Эми Мосс и устроил для всех маленький праздник: закупив предварительно несколько пицц и необходимый туристический инвентарь, веселая компания отправилась на стареньком автомобильчике мамы Бетти из Лас-Вегаса в Малибу послушать на досуге шум прибоя.

Кто же помогает Андре становиться тем, кем он становится? Вряд ли это было бы возможно, если бы «команда» Агасси не действовала четко и сплоченно. Итак, помимо членов семьи в нее входят, конечно же, Ник Боллеттьери, «ректор» самой популярной, пожалуй, в США теннисной академии, и Бил Шелтон, сотрудник Международной менеджмент-группы, мастер, если так можно сказать, на все руки. Он и автор недурных коммерческих идей по экипировке Агасси (например, рекламу голубых джинсовых шортов «а ля Агасси» можно было найти в любом теннисном издании, когда он их носил) и первый помощник при подборе ракетки, и организатор показательных матчей, и ответственный за составление турнирного календаря, и нянька, воспитатель, учитель, и... Шелтон еще и «пресс-атташе». Журналисты прозвали его «Мистер нет-нет» за нежелание соглашаться на интервью с его драгоценным Андре. Однако представители теннисной ассоциации США весьма скептически относятся к познаниям в области тренировочного процесса этого оборотистого дельца: «Мы не сомневаемся, что нет ни плана, ни стратегии, ни расписания. Шелтон все берет с потолка». Конечно, плотная опека преданной команды избавляет Агасси от массы докучливых забот, но есть и обратная сторона медали: реальная возможность законсервировать вынужденный инфантилизм. Однажды Макирой воскликнул: «Если так пойдет, то его развитие задержится до 25 лет».

Но, как бы там ни было, похоже, что Андре нашел свой путь, и у него появилось желание побеждать: «Не знаю, развил ли я полностью свой потенциал, но надеюсь совершенствоваться, демонстрируя все, на что способен. Я буду потихоньку становиться лучше, зная, что приближаюсь к вершине». Что ж, чем ближе цель восхождения, тем она заманчивее. Слово за сильным характером, а то, что таковой имеется, Агасси уже доказал.

Елена ЕРМИШКИНА-ЗИКМУНД

ПРОШЛЫЕ ЗАСЛУГИ НЕ В СЧЕТ

Владимир ГОМЕЛЬСКИЙ,
мастер спорта международного
класса

Почти на всех языках мира слово «баскетбол» звучит похоже. Правда, есть несколько исключений. К ним относится название одного из самых популярных видов спорта в Югославии, которое по-сербскохорватски звучит весьма странно для нас — «кошарка» (дословно — корзинка). Ну а слово «кошаркаш», то есть баскетболист, ничего, кроме улыбки у человека, говорящего по-русски, вызвать не может.

Но шутки шутками, а когда дело доходит до игры в баскетбол, во всем мире югославов воспринимают серьезно. Достаточно напомнить, что сборная

СФРЮ — одна из трех команд, которая обладает всеми высшими титулами любительского баскетбола. Добавьте к этому победы югославских клубов в европейских кубках, а также успехи юниорских и юношеских команд в турнирах различного ранга — и станет ясна популярность баскетбола в самой крупной стране Балканского полуострова. Любой югослав прекрасно разбирается в тонкостях игры, знает всех ведущих игроков страны, гордится победами своих любимцев, переживает их неудачи. Я рассказываю все это для того, чтобы вам легче было представить

двойственность положения болельщиков, спортивных журналистов и комментаторов Югославии перед началом прошлого сезона. Лучшие игроки югославского баскетбола отправились за океан и подписали контракт с различными клубами НБА. Много спортсменов из СФРЮ выступают за рубежом своей страны, среди них достаточно и баскетболистов, однако так далеко от дома никто из них еще не забирался. Традиционно сильнейшие баскетболисты Югославии по достижении 28-летнего возраста отправлялись на заработки в клубы Испании, Италии или Гре-

ци. Так поступили в свое время известные спортсмены Крешимир Чосич, Драган Далипагич, Зоран Славнич, Дражен Кичанович, Мирза Делибашич и другие. Но Старый Свет не очень велик, особенно с учетом современных средств массовой информации и связи. А тут уезжали в Америку сразу три игрока основного состава сборной команды: 21-летний Владо Дивац и Жарко Паспаль и 26-летний Дражен Петрович. Это соответственно лучший центровой, лучший нападающий и лучший атакующий защитник команды «Плави», так в Югославии называют национальную сборную. Чем же было вызвано подобное решение?

В первую очередь тем, что ФИБА приняла решение о допуске игроков НБА к соревнованиям международного календаря в составе сборных своих стран. Так что любые возрастные ограничения потеряли смысл.

Во-вторых, тем, что сами игроки стремились проверить свой класс игры среди лучших баскетболистов мира.

Все трое югославов оказались в клубах одного дивизиона НБА — Тихоокеанского. Дивац — в «Лос-Анджелес Лейкерс», Петрович — в «Портленд Трейл Блейзерс», Паспаль — в «Сан-Антонио Спёрз». Внутри дивизиона клубы играют между собой по шесть матчей,

ЮГОСЛАВСКАЯ «ОБЩИНА» ЗА ОКЕАНОМ

так что встречаются они друг с другом, в отличие от наших Волкова и Марчулёниса, часто. Благодарить за это нужно не только судьбу, но и теперешнего тренера команды «Сан-Антонио Спёрз» Ларри Брауна. У этого известного специалиста очень нелегкая тренерская жизнь. Нынешний сезон уже 14-й в его работе в НБА, но не 14-й подряд. Перед тем как летом 1988 года его пригласил принять команду «Сан-Антонио» ее владелец и президент Анджелло Дроссос, у Брауна было два года вынужденного простоя. В это время он много путешествовал, присутствовал на играх первенства мира среди юниоров, где и увидел Диваца и Пасपालя. Обоих игроков Браун рекомендовал селекционерам профессиональных команд НБА. На чемпионате Европы на них было обращено самое пристальное внимание менеджеров клубов и в результате — контракты.

Путь же Петровича в профессионалы несколько длиннее и сложнее. Сразу после Олимпиады-88 в Сеуле Дражен пригласил знаменитый мадридский «Реал». До этого он был в тренировочном лагере «Бостон Селтикс», но не прошел в состав. В сезоне 1988/89 г. Петрович не раз говорил в своих интервью о

ПЕТРОВИЧ, ДИВАЦ И ПАСПАЛЬ — В КЛУБАХ НБА

желании попробовать силы в НБА, о том, что его стиль игры не импонирует американским тренерам потому, что в командах, за которые ему приходилось выступать, от него ждали только результативной игры в нападении, а на защиту не обращали внимания. Сам же Петрович может и любит играть в баскетбол на обоих концах площадки. Но тем не менее приглашений из-за океана не поступало. И лишь в середине лета, когда руководство клуба «Портленд Трейл Блейзерс» убедилось в том, что Арвидас Сабонис не горит желанием перебраться к ним из испанского «Вальядолида», тренер команды Рик Адельман убедил президента Лоренца Уайнберга заключить контракт на один сезон с лучшим игроком Европы. Какую же роль отводит Адельман Петровичу в команде?

«Блейзерс» имел одну из сильнейших в НБА связку защитников: разыгрывающий Терри Портер (27 лет, 192 см) и атакующий защитник Клайд Дрекслер (28 лет, 201 см). В клубе был еще и Денни Янг (24 года, 196 см), который мог заменить любого из этих игроков. Таким образом, Петрович оказался четвертым защитником в команде. А это означало не более 10—12 минут игрового времени. В отдельных играх прошлого сезона Дражен проводил на площадке и по 25—30 минут, но это было только в тех случаях, когда Дрекслер выполнял привычную для себя роль «маленького» крайнего нападающего. Такое случилось нечасто. Форварды основного состава команды Джером Керси и Бак Уильямс весь сезон показывали высокий класс и завидную стабильность. А Адельман неоднократно заявлял, что чувствует себя очень уверенно в концовках игр с разрывом в счете в 1—3 очка, имея на скамейке такого снайпера, как Петрович. Действительно, Дражен не снизил результативность дальних бросков и в первом своем сезоне в НБА, только количество этих бросков

значительно сократилось по сравнению с тем, что он показывал на европейских площадках. Американские обозреватели единодушно отметили высокий снайперский потенциал Петровича, его умение обыгрывать опекуна за счет дриблинга и обманных движений, быстроту выполнения броска, но не пропустили и его недостатки: слабые действия в защите, плохую игру без мяча, очень малое количество случаев участия в борьбе за отскок. Статистические показатели Петровича по итогам сезона весьма скромные: около 12 минут игрового времени в среднем за матч; 5,6 очка за игру; 2,5 «голевые» передачи и только 1,2 подбора. Для болезненно самолюбивого югослава эти цифры были подобны ушату холодной воды. Но и полной неудачей его дебют в НБА не назовешь. «Портленд» дошел до финала чемпионата. Для команды, средний возраст игроков основной пятерки которой всего 26 лет, это большой успех. Такое достижение настроило на оптимистический лад не только болельщиков, но и руководство клуба. А игроки, даже несмотря на проигрыш финальной серии клубу «Детройт Пистонс» со счетом 1:4, обещали в следующем сезоне добиться большего. Не отставал от одноклубников и Петрович, который заявил, что его акклиматизация в НБА прошла успешно, и он намерен в сезоне 1990/91 г. снять чрезмерную нагрузку с Дрекслера и Портера по добыванию очков в каждом матче.

Совсем по-другому складывались дела Владо Диваца. Дивац попал в лучшую команду НБА 80-х годов «Лос-Анджелес Лейкерс». Этот клуб шесть раз за десять лет выходил в финал чемпионата НБА и четыре раза становился победителем. В его составе играет луч-

5,6 ОЧКА ЗА МАТЧ — УШАТ ХОЛОДНОЙ ВОДЫ ДЛЯ ПЕТРОВИЧА

ший баскетболист прошедшего десятилетия Меджик Джонсон. Тренер клуба Пат Райли признан лучшим тренером НБА 80-х годов. Бок о бок с Дивацем играют и тренируются такие прославленные баскетболисты, как Джеймс Уорфи, Эйс Грин, Майкл Купер и Байрон Скотт.

Летом 1989 года «Лейкерс» на аукционе игроков-любителей для заключения контрактов имел лишь 26-й (предпоследний) номер и, по словам Райли, был

счастлив, что никто из конкурентов не остановил свой выбор на Диваце. Молодой центровой ростом 216 см был необходим клубу как воздух. Ведь после окончания сезона 1988/89 г. решил расстаться с баскетболом легендарный Карим Абдул-Джаббар, проведший в НБА 21 год и установивший 17 индивидуальных рекордов в различных показателях, некоторые из которых, на мой взгляд, относятся к разряду вечных. Конечно, никто не рассчитывал на то, что Дивац сможет в первом же своем сезоне стать равноценной заменой Джаббару. Но по манере игры, по умению и желанию создавать выгодные ситуации партнерам, по разнообразию технических элементов нападения Дивац очень напоминает своего предшественника и потому-то очень подходит команде.

ДИВАЦ: «Я ИГРАЮ В ЛУЧШЕЙ В МИРЕ КОМАНДЕ»

Ни болельщики, ни владелец клуба Джерри Васс не ожидали от команды меньшего успеха, чем в прошлые годы. Но никто не требовал, чтобы Дивац в первом же своем сезоне полностью заменил Джаббара. Его роль была гораздо скромнее. Владо, по задумке Райли, должен был выходить на замену Мичелу Томпсону, который при росте всего 208 см выполнял огромный объем работы в защите и при борьбе за отскок, но вряд ли мог представлять ощутимую угрозу для противника в нападении. Так что, выходя на площадку, Дивац должен был угрожать кольцу соперника со своих обычных позиций на границах трехсекундной зоны и даже оттягиваясь на 4,5 м от кольца, тем самым давая большую свободу действий Уорфи и Джонсону. Сам Дивац с пониманием отнесся к задаче и очень быстро нашел общий язык с партнерами. В одном из интервью в самом начале сезона он сказал: «Я играю в лучшей в мире команде. Они все стараются мне помочь. Очень хорошие ребята». Нелегко было привыкнуть к манере Джонсона отдавать передачу — ее можно ожидать от него в любой момент, даже когда он находится в положении, мало приспособленном для передачи, например спиной к партнеру или на своей половине площадки. С самых первых матчей стало ясно, что игра в нападении у Владо получается, а вот защита требует значительных усилий. Дивац изучал своих оппонентов по

видеоопенкам, много тренировался индивидуально, но опека таких центровых, как Патрик Юинг, Аким Оладжун, Дэвид Робинсон, не давалась ему до конца сезона. Много проблем вызывала и опека более низкорослых центровых из Восточной конференции. Особо неприятные воспоминания по итогам первого сезона вызывает у югослава Билл Ломбиер из «Детройт Пистонс». Мало того что «Лейкерс» проиграл оба матча в сезоне команде из Детройта, но и Ломбиер продемонстрировал в них высокую результативность, активную игру на щите и те качества, за которые его особенно не любят в НБА: жесткость, игру на грани, а то и за гранью фолоа, умение провоцировать соперника. В обоих встречах Дивац покинул площадку за 6 персональных замечаний, пробыв в игре в общей сложности менее 25 минут. Кстати, Владо возглавляет свою команду по количеству персональных замечаний по итогам сезона. Как он сам в шутку заметил: «Приятно создавать, что я хоть в чем-то первый в такой сильной команде». Тренер Райли отметил Диваца после окончания сезона за высокую готовность к играм, за постоянное желание участвовать в борьбе и старательность в тренировках. Однако, отвечая на вопрос о возможности выхода Диваца в стартовом составе в следующем сезоне, Райли сказал, что полная акклиматизация центровых игроков в НБА, даже американского происхождения, занимает обычно 2—3 сезона, поэтому он не собирается форсировать подготовку своего центра. Так что и в этом сезоне Дивац выходит на замену и играет не более 20 минут за игру. Сам Владо относится к такому решению тренера с пониманием. В простом интервью журналистке из Лос-Анджелеса Мишель Химмельберг он сказал, что доволен тем, как складывался для него чемпионат, как заметно улучшалась его игра и, самое главное, как помогали ему партнеры. Наиболее лестным для Диваца отзывом, по моему мнению, оказалось высказывание Меджика Джонсона: «Он (Дивац) уже значительно помогает команде. Нам больше не надо вспоминать о Джаббаре. Карим был великим игроком, но Владо дает нам надежду, что у нас будет центральной калибра НБА».

Если судьба Петровича и Диваца может вызывать в основном оптимистические мотивы, то в разговорах о будущем Жарко Паспалю преобладают пессимистические нотки. В 1989 году Паспаль был признан лучшим баскетболистом Югославии, его игра вызывала восхищение любителей баскетбола и журналистов, его переход в команду НБА «Сан-Антонио Спёрз» был принят с уверенностью в том, что Жарко сможет проявить себя и в Америке. В США достаточно серьезно было воспринято заявление Л. Брауна о том, что его команда получила сильнейшее в НБА пополнение в лице Д. Робинсона и Ж. Паспалья. Конечно, Браун не обещал Паспалю места в основном составе (в отношении Робинсона этот вопрос просто не ставился, он сразу стал сильней-

шим в команде), но и «мариновать» его на скамейке не собирался. Жарко должен был выходить на площадку в качестве замены для крайних нападающих клуба и проводить в игре по 20—25 минут. Но этого не произошло. Еще в тренировочном лагере стало ясно, что основными проблемами в игре Паспалья являются неумение блокировать своего подопечного при борьбе на своем щите и слабые индивидуальные навыки игры в защите. Вывод Брауна из полученной информации был крайне неутешителен для югослава: «...чтобы использовать Паспалья в играх, его необходимо основательно доучивать». Чем и занимались ассистенты тренера в течение всего сезона. Из всех новичков НБА в прошедшем сезоне Жарко наиграл самое меньшее количество времени — 6,7 минуты за матч. Кроме того, он не выходил на площадку в 37 матчах сезона. Его результативность составила всего 3,3 очка за игру. По мнению некоторых обозревателей, основным объяснением этому стали причины психологического порядка. Жарко с трудом переносил невнимание прессы и телевидения, к которым привык дома, не понимал решений тренера, часто заменявшего его после первой же ошибки, пытался отличаться в нападении в первой же атаке. В общем, совершал ошибки, свойственные молодости. К тому же в команде «Сан-Антонио» нет таких опытных спортсменов, которые помогли бы молодому парню правильно оценить происходящее, как это было с Дивацем в Лос-Анджелесе. Самым сложным моментом сезона для Паспалья получился период с начала декабря и до конца января. За три месяца перед этим в США он получил уже достаточно новых впечатлений и готов был сконцентрироваться на баскетболе, но высокая физическая готовность и огромное желание проявить себя не вылились в успехи на площадке.

Я наблюдал Жарко Паспалья на

«ЕГО (ПАСПАЛЯ) НЕОБХОДИМО ОСНОВАТЕЛЬНО ДОУЧИВАТЬ»

Играх доброй воли в Сизтле и на чемпионате мира в Аргентине. Думаю, что сезон в НБА не прошел для него напрасно. Его мастерство несомненно повысилось. Пожалуй, и у Жарко есть шансы заиграть в профессиональной команде, несмотря на не очень удачный дебют.

НАСЛЕДНИК ТРАДИЦИЙ. И СЛАВЫ?

Западные немцы верны себе. За всю послевоенную историю национальной сборной футболистов Федеративной Германии возглавляли всего четыре человека — Зепп Гербергер, Хельмут Шен, Юпп Дерваль и Франц Беккенбауэр. После чемпионата мира в Италии-90 появился пятый — Бертти Фогтс. Станет ли он наследником славы великих предшественников?

У каждого из них достаточно приличный послужной список. При Гербергере сборная ФРГ впервые стала чемпионом мира (1954), при Шене была второй (1966), третьей (1970) и, наконец, первой (1974). Кроме того, возглавляемая Шеном команда выигрывала чемпионат Европы (1972). Достижения Дерваля выглядят скромнее, но также заслуживают упоминания: второе место в Европе (1976), победа в Европе (1980), второе место в мире (1982). При Беккенбауэре сборная ФРГ играла в финальном матче чемпионата мира 1986 года и выиграла чемпионский титул в Италии. Так что Фогтс есть о чем помнить.

Кто же такой Бертти Фогтс? Что известно о нем кроме того, что он играл в 70-х годах в блестящей компании, подобранной Хельмутом Шеном?

...Жил-был на свете маленький мальчик, сын сапожника... Так или примерно так можно было бы начать рассказ про Ханса-Хуберта, или — как его чаще называют — Бертти Фогтса. Жизнь, похожая на сказку. Жизнь-стереотип, совсем не похожая на настоящую. «Прямо как знаменитая история посудомойщика из Америки, ставшего миллионером» — так сам Фогтс говорит о своей биографии.

Как-нибудь он расскажет эту историю о сыне сапожника своему сыну Юстину-Петеру. Историю о самом себе. О мальчике из городка Бютген близ Мёнхенгладбаха на нижнем Рейне, который достиг всего, о чем только могли мечтать его сверстники.

Профи из бундеслиги, игрок национальной сборной, чемпион ФРГ, обладатель Кубка страны и Кубка УЕФА, чемпион мира — вот «остановки» на его жизненном пути, начало которого было далеко не многообещающим. В 13 лет он остался круглым сиротой, рос у тетки. Прошлое, которое определило настоящее...

Фогтс, которому сейчас 44, конечно, уже давно начал новую главу истории своего успеха. На тренерском поприще он раскрылся с новой стороны, которая до сих пор для многих оставалась неизвестной. В прошлом очень сильный игрок обороны, Фогтс в качестве тренера Немецкого футбольного союза воскресил добродетели прежних дней. Честная и смелая работа без громких слов — таким его знает немецкий футбольный мир. Вчерашний рядовой игрок стал сегодня личностью, которая не замыкается в своей жизни футболом.

Он говорит открыто и решительно о политических проблемах, о которых другие не рискнули бы высказаться. Недавно он прочел за завтраком в утренней газете о десятилетнем юбилее «зеленых» и этим не ограничился. «Мы должны быть чрезвычайно благодарны «зеленым» за то, что они обратили внимание общественности и так называемых «больших» партий на проблемы экологии. Им надо сказать большое спасибо за наше пробуждение», — считает Бертти Фогтс.

Довольно неожиданно звучат подобные высказывания из уст человека, который всегда олицетворял собой образ трудолюбивого, прилежного немца. Он никогда не выставляет себя напоказ, не создает неудобств, с ним всегда легко и просто. Именно такой имидж о себе укрепил Фогтс в сознании других за последние годы своей активной спортивной деятельности.

Политически не образованный, он обходил расставленные ему ловушки с ловкостью бегемота в посудной лавке. Когда журналисты спросили его во время чемпионата мира 1978 года в Аргентине, что он думает по поводу нарушения прав человека в этой стране, капитан национальной сборной ответил: «А если бы чемпионат проводился в Советском Союзе, вы бы задали мне такой вопрос?»

Между тем именно после Аргентины его жизнь изменилась. По возвращении

с чемпионата Фогтса назвали среди главных виновников неудачного выступления команды, причем на него одного довольно неожиданно посыпались вдруг все шишки. «Иногда, — говорит он сегодня, — подобные жизненные «бури» бывают очень полезными».

Тогда он много размышлял — о себе, о жизни, о боге, о мире. «Берти, каким он был в 1978 году, уже нельзя сравнивать с Берти сегодняшним», — говорит он о себе. Пересмотр жизненной позиции в начале 80-х годов сделал из него другого человека. Интерес к темам сегодняшнего дня стал для него философией жизни, которая гласит: расширь свой кругозор с помощью книг и путешествий.

И Фогтс много читал и много путешествовал. В Ирландии он жил посреди дикой природы, по железной дороге в Андах переехал всю Южную Америку, по Аляске путешествовал с рюкзаком и палаткой. «Если бы я не побывал на Аляске, — говорит он, — я бы до сих пор не знал, как живут эскимосы».

Период после аргентинского чемпионата мира стал своего рода переходом к новой жизни. Не случайно, что он совпадает со временем, когда Фогтс предстал перед алтарем с Моникой Мюллер, бывшей стюардессой, которая в течение многих лет была его подругой.

Семья — а два года назад в ней появился продолжатель рода Юстин-Петер — стала для Бертти Фогтса надежным тылом, наполнила новым содержанием жизнь человека, которому пришлось так долго ждать прихода чувства защищенности, которое дает семья. «Жизнь вновь приобрела смысл, — говорит Бертти. — Все другое остается при этом на заднем плане».

Но только не футбол. Фогтс честолюбиво и кропотливо работал с молодежной командой ФРГ. Вел неустанный поиск талантов. Он отшлифовал за десять лет работы в молодежной сборной несколько «алмазов», которыми затем украшали себя

другие. «Я знаю, в чем моя заслуга. Но успех целиком и полностью принадлежит Беккенбауэру и игрокам», — считает Фогтс.

Можно перечислить ряд футболистов, которые начиная с 1979 года вышли из-под крылышка Бертти Фогтса, и станет понятным вклад, который он сделал в немецкий футбол. Томас Аллофс, Пьер Литтбарски, Лотар Маттеус, Бернд Шустер, Гвидо Бухвальд, Андреас Бреме, Микаэль Румменигге, Томас Бертольд, Юрген Клинсманн, Олаф Тон, Юрген Колер, Стефан Ройтер, Бодо Иллгнер, Карл-Хайнц Ридле, Томас Хэслер, Андреас Меллер, Раймонд Ауманн. Несложно подсчитать, что 15 человек из этого списка входили в состав сборной ФРГ, победившей летом 1990 года в Италии.

«Без молодежной сборной и Бертти Фогтса я никогда бы не поднялся на высокий футбольный уровень», — утверждает Руди Феллер. Под этими словами могли бы подписаться многие их тех, кто стал чемпионом мира.

Перед дебютом в национальной команде Фогтса настигли отголоски прошлого. Критики вновь припомнили ему репутацию незаметного, исполнительного игрока. «Если бы в 1974 году, — парирует Фогтс подобного рода упреки, — было одиннадцатый Беккенбауэ-

эров, мы бы не выиграли чемпионат мира».

От прошлой жизни у Фогтса осталось свойственное ему честолюбие. «Я не умею проигрывать», — говорит он. Тем не менее ему пришлось одолеть и это искусство — искусство проигрывать. 17 поражений в 78 матчах молодежной сборной ФРГ. После проигрышей Бертти Фогтс у себя дома в Коршенбройхе достает из шкафа кроссовки и занимается бегом до тех пор, пока вместе с потом из него не выйдут все печали.

Как часто ему понадобится бегать после того, как в июле 1990 года он перестал оставаться в тени и сменил своего знаменитого предшественника Франца Беккенбауэра?..

Первый матч под руководством нового тренера чемпионы мира провели в Лиссабоне против португальцев. Это была товарищеская встреча, завершившаяся вничью, 1:1.

«Разумеется, мы с удовольствием преподнесли бы Бертти победу к его премьере, однако результат, на мой взгляд, не так важен, — говорит капитан сборной ФРГ Лотар Маттеус. — Подготовку к этому матчу, проводившемуся в столь ранние сроки (футболисты едва успели отдохнуть после напряженного чемпионата мира), была отнюдь не идеальной. Важно то, что сразу обнару-

жился почерк нового тренера национальной команды. Вместе с ним появились новые лица. То, что Фогтс требует во время тренировок, имеет четкий стиль и прочную основу. Его теоретические разборы очень точны. Если мы претворим в жизнь то, что он намечает, то в будущем с нами будет справиться еще сложнее, чем во время чемпионата мира.

Лиссабон стал прежде всего испытательным полем для Андреаса Меллера — нового диспетчера в нашей команде. Андреас был в Италии, но, похоже, только сейчас пробьется в основной состав. Фогтс ему доверяет. Андреас достаточно точно расставлял на поле акценты, однако вынужден был уяснить, что есть разница между играми за клуб в бундеслиге и матчами в составе сборной. Международные требования на порядок выше».

Фогтс не намерен радикально менять победивший в Италии состав, но ему придется этим заняться, пусть даже постепенно, имея в виду прежде всего линию обороны.

В Португалии в роли заднего центрального защитника, «либеро», Фогтс использовал Томаса Бертольда, но одновременно возил в Лиссабон молодого и очень перспективного свободного защитника Манфреда Бинца.

«На этой одной из самых важных в современном футболе позиции, — считает Фогтс, — требуется игрок с большим опытом международных матчей. У Бертольда такой опыт есть. Бинц же пусть пока смотрит и учится, чтобы быть готовым в любой момент заменить Бертольда».

Фогтсу предстоит решать проблему, которая возникла в силу политических изменений, объединения Германии прежде всего.

«В моих планах на отдаленное будущее — до чемпионата мира — фигурируют пять футболистов из бывшей ГДР, — рассказывает Фогтс. — Это Заммер, Кирстен, Том, Штайнман и Бройтигам. Если бы уже сейчас игроки из ГДР были зарегистрированы Немецким футбольным союзом, то в первую очередь я бы привлек к тренировкам и матчам сборной ФРГ Маттиаса Заммера. Многие футболисты ГДР будут играть в бундеслиге. У меня единственный критерий отбора в команду, которая планирует выступать в финальной стадии чемпионата Европы 1992 года в Швеции и как победитель предыдущего турнира будет выступать на следующем чемпионате мира, в 1994 году в США, — хорошая игра за свои клубы».

Процедура включения игроков бывшей ГДР в состав сборной ФРГ достаточно сложна. Сначала должен самораспуститься Футбольный союз ГДР и подать заявление о вступлении в Немецкий футбольный союз. Только после официального слияния ФИФА может дать зеленый свет участию футболистов ГДР в играх за национальную сборную новой страны. Пока же Фогтс полагает, что будет использовать новых игроков не раньше 1992 года.

Маргарита БАБИЧ

(По материалам немецкой прессы)

М. ЛИНДОРФ. Возвращающий к жизни	1
Лучше поздно, чем?..	3
В. МЕЛЬНИКОВ. Гладиаторы уходят в рэкет	3
Т. БЕЛЯЦКАЯ. Кому нужны советы тренерского совета?	6
Профиль-91	8
И. ПРУСОВ. Ребята, не Москва ль за нами?	9
Я. КАМЕНЕЦКИЙ. В тупике	10
Б. СРЕНЕНСКИЙ. Храбрецы из Европы	12
Это — зрелище	13
Ю. ГРОТ. Дело спартаковской «шестерки»	15
Л. ФИЛАТОВ. Леонид Буряк	17
А. ГОРБУНОВ. Три «кита» киевского «Динамо»	20
С. МИКУЛИК. В. Газзаев: «Хочу быть первым!»	21
В. АСРИЯН. Три приема у Гейдара Алиева	26
Ю. САВЕЛЬЕВ. Гольф	28
Н. БЫКАНОВА. Коней на переправе не меняют	30
Е. ЕРМИШКИНА-ЗИКМУНД. Шоумен из Лас-Вегаса	32
В. ГОМЕЛЬСКИЙ. Прошлые заслуги не в счет	35
М. БАБИЧ. Наследник традиций. И славы?	38

На обложке

Фото Александра ФЕДОРОВА

428 (февраль)

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
СПОРТИВНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Основан в июне 1955 года

**Орган
Государственного
комитета СССР
по физической
культуре и спорту**

Москва
Ордена Почета
издательство
«Физкультура и спорт»

**Главный редактор
Д. Л. РЫЖКОВ**

Редакционная коллегия:

**А. А. ГОРБУНОВ
Ю. В. КОРОЛЕВ
Ю. С. ЛУКАШИН
В. Г. ПОДГОРНОВ
В. А. ПРАВДИН
Н. П. СИМОНЯН
Л. И. ФИЛАТОВ**

**Технический редактор
Р. Р. Баруцци**

**Оформление
Ю. А. Ильичева**

Сдано в набор 19.11.90.
Подписано в печать 10.01.91.
84 x 108^{1/8}
Глубокая печать
Усл. печ. л. 4,3+0,42 вкл.
Уч.-изд. л. 8,04.
Усл. кр.-отг. 10,92
Тираж 120 000 экз.
Зак. 1819
Цена номера:
по подписке — 80 коп.
в рознице — 1 руб.

Адрес редакции:
101421, ГСП, Москва, К-6,
Калаяевская ул., 27
Телефон: 258-06-55
Ордена Трудового
Красного Знамени
Тверской
полиграфический комбинат
Государственного
комитета СССР
по печати
170024, г. Тверь,
пр. Ленина, 5

© «Физкультура и спорт»
Спортивные игры 1991 г.

В МАРТОВСКОМ НОМЕРЕ

ФУТБОЛ

**Президент ставит
точки над «i»**

**Кто же разогнал
ЦДКА в 1952 году**

ТЕННИС

**Диалог Тарпищев
— Дмитриева:
обновление игры —
обновление проблем**

**Борис Беккер —
в парике,
но без маски**

ХОККЕЙ

**Семья Буре:
отец — о сыновьях**

Уважаемые читатели! В случае обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться по адресу: 170024, Тверь, пр. Ленина, 5. Полиграфкомбинат.

«СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ», ГОД 1956-й...

«Неуклонный рост материального благосостояния нашего народа, предстоящее сокращение рабочего дня, увеличение ежегодных ассигнований на физическую культуру и спорт по Государственному бюджету СССР, а также средства, отпускаемые на эти цели профсоюзам, ведомствами, колхозами, — все это создает еще более благоприятные возможности для систематических занятий спортом самых широких масс трудящихся и молодежи». («**Величественные перспективы**», **передовица**, № 2)

«...нельзя пройти мимо семи неудачных выступлений наших команд в 1955 году...

Три проигрыша лежат на совести московских динамовцев. Они проиграли встречи английскому «Вулверхемптон» (1:2) и итальянским командам «ФК Милан» (2:4) и «Флорентина» (0:1).

...Нам кажется, что существенной причиной трех проигрышей московского «Динамо» было то, что футболисты этой команды играли без чувства должной ответственности за успех своего коллектива. Совершенно очевидно, что руководители команды должны усилить воспитательную работу и обратить самое серьезное внимание на выработку волевых качеств у игроков». («**С командами 22 стран Европы, Азии и Африки**», **А. Соколов**, № 1)

«В целях лучшей подготовки футболистов (к Олимпиаде) в прошлом году создана сборная вооруженных сил США. Ее называют «олимпийской». Тренером этой команды приглашен известный английский футболист Джордж Эйнсли, в прошлом центральный нападающий британских клубных команд «Сандерленд», «Лидс» и «Болтон ундерерс». («**Отбор кандидатов...**», № 2)

«Для нашего читателя, несомненно, представит интерес описание деталей оборудования хоккейного поля в Кортина д'Ампеццо.

На лицевых бортах были прочно укреплены веревочные сетки. Стойки, поддерживающие сетки, для предохранения игроков от травм были обтянуты на высоту до 0,5 м толстым слоем фетра.

Секретарь, диктор и счетчики времени игры и штрафного времени находились на специальном возвышении за

бортом, защищенным брезентовым тентом от дождя и снега. Тепло здесь обеспечивали специальные обогреватели, соединенные с кислородными баллонами». («**Шайба вброшена...**», **С. Савин**, № 3)

«Французский специалист Хюге высоко расценивает шансы американцев на предстоящих Олимпийских играх 1956 года в Мельбурне, однако делает ряд оговорок. Он напоминает, что в Лондоне (1948 г.) США победоносно представляла команда Кентуккского университета, а в Хельсинки (1952 г.) — команда Канзасского университета,

составлявшая основу сборной. Однако состязания в Мельбурне состоятся в декабре — в то время, когда американские студенты заняты обучением и участвуют в своем чемпионате.

Одним из лучших американских баскетболистов Хюге считает великана-негра Билла Рассела, студента административно-индустриального факультета Сан-Францисского университета.

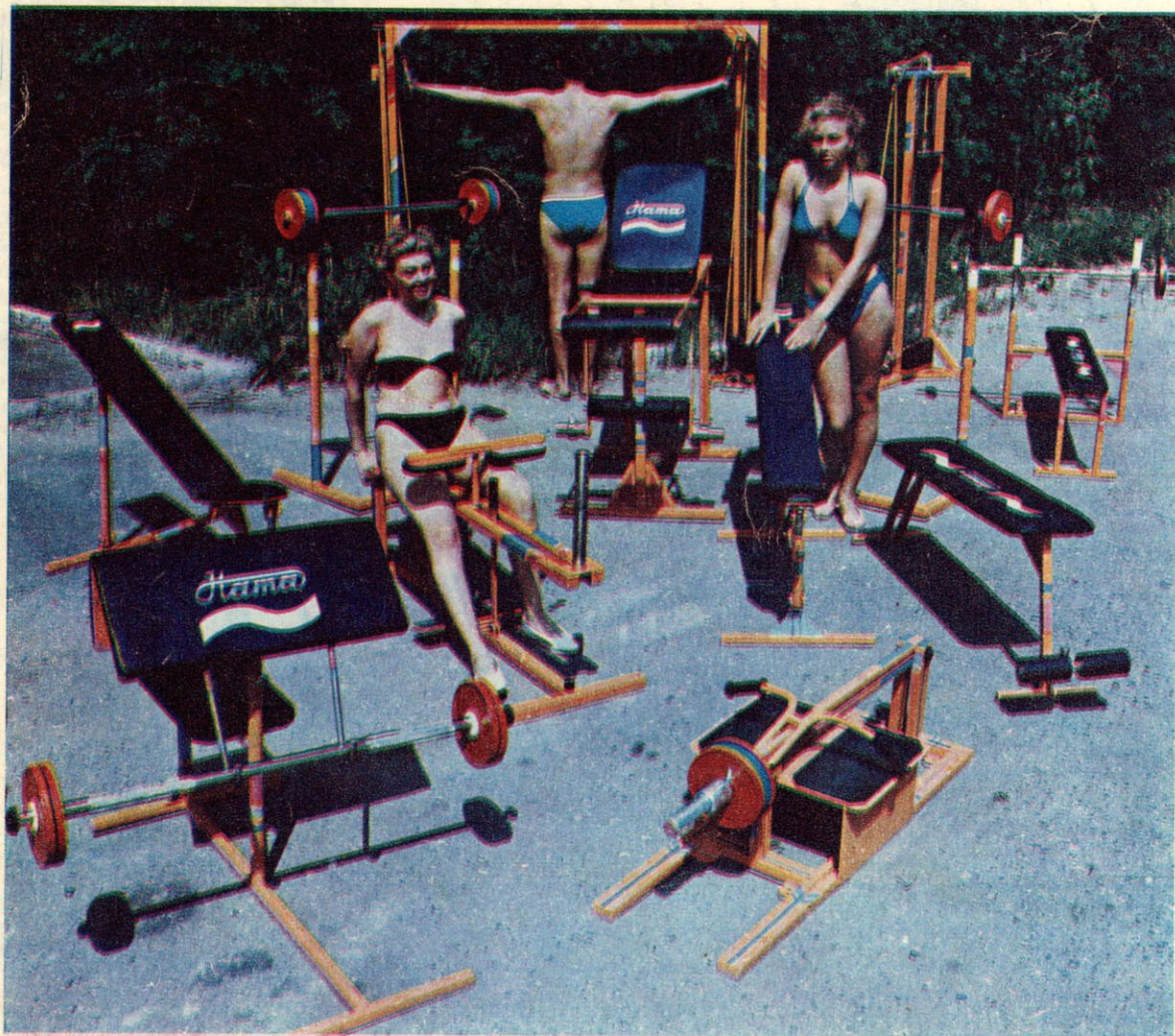
Расселу 21 год, рост его 2 м 03 см. Это разносторонний атлет. 440 ярдов (402,6 м) он пробегает за 49,6 секунды, прыгает в высоту на 2 м 02 см. «Билл в прыжке ухитряется заглянуть сверху в баскетбольную корзину» — так шутливо характеризуют в спортивной печати этого баскетболиста». («**Баскетбол в США**», **В. Селихов**, № 3)

«Самым слабым местом в техническом умении наших футболистов по-прежнему остается игра головой, особенно в линии нападения. Показательно в этом отношении единоборство центрального нападающего Паршина («Спартак», Москва) с центральным защитником югославской команды «Партизан» Зебецом. В этом единоборстве Паршину не удалось выиграть у своего соперника ни одного верхового мяча». («**С командами 22 стран Европы, Азии и Африки**», **А. Соколов**, № 2)

Этот снимок был опубликован в нашем журнале в 1956 году. Тогда его автор, фотограф Мстислав Богашев, еще естественно, не знал, что юный вратарь Женя Истомин свяжет свою жизнь со спортом — станет мастером спорта, тренером ЯХТМЕНОВ

**ОКТЬ «НАТА» ПРЕДЛАГАЕТ КОМПЛЕКТЫ ТРЕНАЖЕРОВ
ОФП «НАТА-002» (СТАТИЧЕСКИЙ)
И «НАТА-011» (С ВИБРИРУЮЩИМИ УЗЛАМИ НАГРУЗКИ).**

Оригинальное техническое решение, отличное качество исполнения, эффективная эргономика заслужили высокую оценку специалистов и позволяют удерживать лидирующие позиции в этой области производства спортивного оборудования.

По оценке специалистов, занятия на вибротренажерах в два раза быстрее увеличат мышечную массу спортсменов.

Комплекты состоят из 16 видов различных тренажеров.

Стоимость комплекта «НАТА-002» — 14 500 руб;

«НАТА-011» — 24 000 руб.

Доставка производится в контейнерах по ж/д.
Заявки направлять по адресу:
424000. г. Йошкар-Ола, ул. Палатная, 77.
ОКТЬ «НАТА».

Индекс 70875

Цена номера:
по подписке — 80 коп.
в рознице — 1 руб.